

PSRS AUGSTĀKĀS IZGLĪTĪBAS MINISTRIJA
LATVIJAS VALSTS UNIVERSITĀTE
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР
ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ZINĀTNISKIE RAKSTI
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

XI SĒJUMS * ТОМ XI

RĪGĀ 1956 РИГА

PSRS AUGSTĀKĀS IZGLĪTĪBAS MINISTRIJA
LATVIJAS VALSTS UNIVERSITĀTE
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР
ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ZINĀTNISKĀS RAKSTI УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

XI SĒJUMS * ТОМ XI

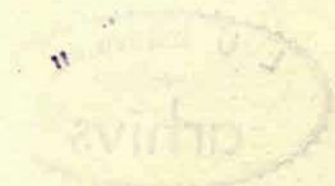

RĪGĀ 1956 RĪGA

ВЕРИТЕЛЬНОЕ ПОСВИДЕТЕЛЬСТВО
О ПОЛУЧЕНИИ
ПОДАТОМЪ 1874 ГОДА
ВЪ СЕНТЯБРЬ МѢСЯЦѢ
ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ

ЗНАТНІСКИЕ РАКШІ
УПЕЧЕНІЕ ГАВНИЦКІ

ВЪ СЕНТЯБРЬ МѢСЯЦѢ 1874

ВЪ СЕНТЯБРЬ МѢСЯЦѢ 1874

VĒSTURES UN FILOLOĢIJAS
ZINĀTNES
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ

I SERIJA ☆ ВЫПУСК I

REDAKCIJAS KOLEĢIJA

- 1) Filoloģijas zinātņu kandidats, docents K. Krauliņš
- 2) Filoloģijas zinātņu kandidats, docents M. Nikolajevs
- 3) Filoloģijas zinātņu kandidate, doc. v. i. A. Laua
- 4) Filoloģijas zinātņu kandidate, doc. v. i. M. Semjonova
- 5) Vēstures zinātņu kandidate, doc. v. i. V. Gudzuka
- 6) Vec. pasniedzēja E. Pampe

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- 1) Кандидат филолог. наук, доцент К. Я. Краулинь
- 2) Кандидат филолог. наук, доцент М. П. Николаев
- 3) Кандидат филолог. наук и о. доцента А. Г. Лау
- 4) Кандидат филолог. наук, и. о. доцента М. Ф. Семенова
- 5) Кандидат исторических наук, и. о. доцента В. Я. Гудзук
- 6) Ст. преподаватель Э. Я. Пампе

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Первый выпуск «Ученых записок» историко-филологического факультета Латвийского государственного университета составлен из статей на исторические, литературоведческие и лингвистические темы, представляющие все три основных профиля факультета.

В историческом отделе данного сборника публикуются работы, связанные с историей России и Латвии. Статья доктора исторических наук, члена-корреспондента АН СССР профессора Я. Я. Зутиса касается вопроса об экспансии немецкого империализма на восток, через Прибалтику в Россию. Работа доцента, кандидата исторических наук А. К. Балбер освещает историю распространения ленинско-искровских идей в социал-демократическом движении Латвии накануне первой русской революции.

В литературоведческом отделе сборника печатаются статьи доцента, кандидата филологических наук М. П. Николаева о сатире М. Горького в годы первой русской революции и старшего преподавателя А. А. Стиконе «Борьба за марксистские принципы в латышской литературной критике времени столыпинской реакции». Обе статьи освещают мало исследованные вопросы и являются частями диссертационных работ.

Третий раздел сборника посвящен некоторым вопросам латышского и русского языкознания. Статья доцента, кандидата филологических наук А. Я. Озола является частью докторской диссертации и касается некоторых вопросов синтаксиса латышских народных песен. Статья кандидата филологических наук М. Ф. Семёновой рассматривает некоторые вопросы топонимики Латгалии. Статья старшего преподавателя Т. И. Пабауской «О работе А. П. Чехова над языком произведений в

90-х и начале 900-х годов» освещает некоторые вопросы работы Чехова над языком и стилем его произведений и является частью кандидатской диссертации о языке этого автора.

Редколлегия и авторский коллектив данного сборника будут благодарны не только за внимание к первому выпуску «Учёных записок» историко-филологического факультета ЛГУ, но и за критические отзывы о работах, опубликованных в нем.

Рига. Декабрь 1956 года.

Я. Я. Зугис.

К ИСТОРИИ ГЕРМАНСКОГО «ДРАНГ НАХ ОСТЕН»

В последнее время наблюдается интересное явление в реакционной историографии капиталистического мира, связанное со стремлением реабилитировать захватническую политику прусской военщины и германского империализма. Так, например, на X международном конгрессе историков, состоявшемся осенью 1955 г. в Риме, выступил американский историк профессор Мейер, пытавшийся доказать, будто политика «дранг нах остен» является изобретением русских публицистов 60-х гг. XIX в.¹ По его мнению, вплоть до первой мировой войны нет никаких оснований для обвинений прусской военщины, немецкого дворянства и буржуазии в наличии у них каких бы то ни было территориальных вожделений за счет России или других стран и народов Восточной Европы. В свете подобных высказываний не является излишним напоминание о некоторых фактах из истории балтийского вопроса в XIX веке.

Балтийский вопрос в его средневековой постановке и форме перестал существовать в XVIII веке, когда он был разрешен, в основном, в пользу России.

Великая северная война и ликвидация Польши по ее третьему разделу покончили с наследством средневековья, произведя коренную перегруппировку сил в Прибалтике. Из прежних участников многовековой кровавой борьбы за господство на Балтийском море исчезли окончательно папство, Св. Римская империя германской нации и Польша. Дания и Швеция вышли из всякой крупной игры на международной арене, и в балтийских делах прислушивались к их голосу только в таких случаях, когда за ними чувствовалась поддержка так называемых морских держав, Голландии и Англии, причем после Семилетней войны речь идет преимущественно о последней.

¹ H. C. Meyer, «Drang nach Osten. Myth or Mission». (Comitato Internazionale di Scienze Storiche. X Congresso Internazionale di Scienze Storiche Roma 4 — 11 Settembre 1955. Vol. VII. Riassunti delle comunicazioni p. 55—56.)

До окончательной победы парового двигателя во флоте Англия была экономически заинтересована в бесперебойном получении кораблестроительных материалов из Скандинавии и прибалтийских губерний царской России.

Однако не морские державы, а Бранденбург-Пруссия, которая благодаря торжеству русского оружия над Швецией во время Северной войны получила возможность прихватить значительные куски соседней территории и в результате дипломатических маневров стала королевством, к середине XVIII века выступает главным соперником России в Прибалтике. Во время Семилетней войны русская армия жестоко наказала «скоропостижного» прусского короля Фридриха II, мечты которого о господстве над Балтийским морем оказались более чем преждевременными. Весь ход военных действий показал, что с виду столь внушительное здание прусской военщины построено на сыпучих песках Бранденбурга.

Семилетняя война проучила зарвавшуюся прусскую военщину, но, конечно, не отучила берлинских политиков от традиционного для них «дранг нах остен». Граф Эвальд Фридрих фон Герцберг, в политических делах ученик Фридриха II, в продолжение многих лет бывший прусским министром иностранных дел, приобрел известность тем, что составлял различные проекты и планы территориального расширения Пруссии, в том числе за счет русских владений в Прибалтике. В 1789 и 1790 г. он намеревался воспользоваться тем, что русская армия занята в войне с Турцией, чтобы передвинуть северо-восточные границы Пруссии, по крайней мере, на линию Зап. Двины. В этих целях он участвовал в организации обширной коалиции держав, враждебных России. Ему удалось прусскими субсидиями подтолкнуть Швецию к войне против России (1788 г.), а прусская армия, собранная к весне 1790 г. в Силезии и районе Кенигсберга, после Рейхенбахской конвенции была готова к вторжению в Прибалтику, но только в случае военных успехов Швеции. Герцберг не был единственным «фантазером», который мечтал о войне с Россией. К его сторонникам принадлежали Бишофвердер, фон дер Гольц, Диц и др. прусские дипломаты.¹

Немецкие историки рассказывают, что «миролюбивый» прусский король Фридрих-Вильгельм II летом 1790 г. зачеркнул агрессивный план Герцберга и в 1791 г. дал ему полную отставку. В действительности не Фридрих-Вильгельм II,

¹ P. Wittichen. Die polnische Politik Preussens 1788—90. Göttingen, 1899. S. 15.

а русская армия своими победами на финляндском театре военных действий поставила крест над прусской политикой в Прибалтике.

Уход Герцберга в 1791 г. вызывался не принципиальными соображениями, не коренной переменной внешнеполитического курса берлинского кабинета, а представлял собой тактический прием, более или менее удачный дипломатический маневр, рассчитанный на соответствующий политический эффект в Петербурге. Военные успехи России на Черном и Балтийском морях заставляли прусских дипломатов ограничиваться в Прибалтике своего рода программой-минимум: по второму и третьему разделам Польши Пруссия захватила Данциг и Торн с территорией в общей сложности 1896,18 кв. миль или 104.000 кв. километров с 2.100 населения. Но берлинские политики не отказывались от программы-максимум в смысле территориальных захватов в той части Прибалтики, которой владела Россия. По окончании разделов Польши прусская дипломатия не упускала из виду возможности перераспределения бывших владений Речи Посполитой, и в этой связи снова выплывал вопрос о Курляндии и др. прибалтийских губерниях России.

Фридрих-Вильгельм III (1797—1840) после краха прусской военной машины, последовавшего в результате военного разгрома 14 октября 1806 г. при Иене и Ауерштедте, стал вассалом Наполеона I и в 1812 г. за участие в походе на Москву хлопотал о территориальном вознаграждении Пруссии в Литве, Латвии и Эстонии. На Венском конгрессе он уже чувствовал себя вассалом России и постоянно сопровождал на прогулках Александра I, не осмеливаясь даже ехать с ним рядом, а почтительно держал своего коня по крайней мере на полкорпуса позади русского императора. Этот прусский король был особенно польщен тем, что его дочь Шарлотта-Фредерика-Луиза-Вильгельмина в 1817 г. стала женой вел. кн. Николая Павловича, а потом, в 1825 г., сделалась русской императрицей. В России она называлась Александрой Федоровной.

Семейные радости и личная дружба с русским императором не помешали прусскому королю использовать свадебное путешествие дочери для получения сведений шпионского характера относительно русских укреплений в Прибалтике. Украшавший своим присутствием свиту принцессы прусский генерал Нацмер получил специальное задание установить: 1) «Поддерживается ли еще у Риги предместное укрепление? 2) Будут ли вновь отстроены рижские форштадты, окружающие кре-

пость, и в каком расстоянии от укреплений? 3) Приступили ли действительно к укреплению Пскова, и что именно сделано в этом направлении? 4) В каком положении находятся древние укрепления Новгорода? 5) В каком положении находятся Нарва и Ивангород?»¹

Содержание инструкции, данной Нацмеру, не требует комментариев — перед нами еще одно доказательство, что в Берлине никогда не выпускали из виду прибалтийские губернии России. Правда, соотношение сил после Венского конгресса было таковым, что сведения относительно Прибалтики, собираемые прусскими шпионами, обогащали прусский генеральный штаб новыми географическими сведениями, которые, однако, имели для него, так сказать, чисто академическое значение и не могли применяться на практике, но в то же время они сохраняют свое значение для характеристики территориальных воледелений руководителей прусской внешней политики в такой период, когда между Берлином и Петербургом, казалось, существовали самые дружественные отношения.

С вступлением на престол Фридриха-Вильгельма IV (1840 г.) начинается новый этап в прусской политике «дрангах остен», и вопрос о Прибалтике впервые стал предметом обсуждения широких общественных кругов в Германии.

Молодой король тяготился внешнеполитической зависимостью Пруссии, оказавшейся на положении сателлита России Николая I. Охлаждение русско-прусской дружбы сразу сказывалось на дальнейшей эволюции остзейского вопроса. Кроме того, в самих Остзейских губерниях развернулась социальная борьба, в свою очередь повлиявшая на дальнейшее охлаждение чувств между берлинским и петербургским дворами. Общественное мнение в обеих странах начало болезненно реагировать на происходившие события, усугубляя взаимное отчуждение.

Латышские и эстонские крестьяне, освобожденные в 1816—1819 гг. от личной зависимости и одновременно от всяких прав на обрабатываемую ими землю, перешедшую в полную собственность баронов, в то же время не получили свободу передвижения и выбора занятий, а вынуждены были арендовать землю на любых условиях, предложенных помещиками. Последние довели эксплуатацию до крайних пределов, и к началу 40-х гг. голод уносил десятки тысяч жертв, а обезумев-

¹ Шильдер, Император Николай I, 1, стр. 85.

шее от нищеты население деревни толпами направлялось в Ригу, умоляя губернские власти дать разрешение на переселение в другие губернии.

Все было напрасно — никто не выступил в защиту крестьян, умиравших от голода и непосильной барщины, которую они отбывали взамен арендной платы. Людей секли до смерти только за то, что их имена стояли в списках лиц, ходатайствовавших о разрешении выехать с прежнего места жительства в другое, где они могли бы найти работу и землю на более сносных условиях. Тогда родилась нелепая идея, что Николай I заступится за голодающих крестьян, если они примут православие.

Началось стихийное массовое движение за переход из лютеранства в православие. Местные власти продолжали преследовать отступников от лютеранства, добились даже высылки из Риги православного епископа, но все же приходилось считаться с русским общественным мнением, под давлением которого Николай I заменил рижского генерал-губернатора Палена русским чиновником Головиным.

В разгар событий, в 1845 г., из Остзейских губерний поехали в Берлин делегации с просьбой о защите, конечно, не крестьян, умирающих от голода, а лютеранства, которое якобы подвергается гонениям. Жаловались пасторы, но за их спиной чувствовалась опытная рука остзейских политических дельцов, орудовавших в Петербурге, но считавших выгодным заручиться поддержкой из прусской столицы. Поездки в Берлин не прекращались, и на прусского короля стали смотреть в Прибалтике как на лютеранского папу, призванного покровительствовать остзейским немцам в их религиозных делах.

Революция 1848/49 гг. поставила на повестку дня политическое объединение Германии, и в связи с этим остзейский вопрос приобрел новое значение. Во время борьбы за воссоединение Германии будущая судьба остзейских немцев рассматривалась в периодической печати и в политических памфлетах как правого, так и левого направления.

В программах велико-германцев и мало-германцев вопрос о Балтийском море по целому ряду обстоятельств стал не остзейским, а шлезвиг-голландским вопросом, но отсюда не следует, что Рига и Ревель не существовали для общественного мнения в Германии. В дни революции 1848/49 гг. и во время реакции 50-х гг. появилось не мало статей, брошюр и книг, посвященных Остзейским губерниям. Мало-германцы, особенно аграрная их часть — прусские юнкера в экономическом отношении не были заинтересованы в увеличении Германской

империи за счет земледельческих стран Австро-Венгрии или восточной части Прибалтики, наоборот, они опасались вызвать снижение цен сельскохозяйственных продуктов на внутреннем рынке. Кроме того, прусское юнкерство под влиянием страха перед революцией стало открыто заискивать и даже пресмыкаться перед русским царизмом.

Менее последовательной была позиция немецкой буржуазии и буржуазной интеллигенции из лагеря мало-германцев. В этих кругах нередко слышались разговоры о «естественной» границе Германии на Зап. Двине или на Чудском озере. К ним примыкала небольшая группа прусских военных и дипломатов, которые опасались, что Россия рано или поздно оккупирует Вост. Пруссию, чтобы из Белоруссии и Польши получить свободный выход к устью Вислы и к Балтийскому морю. По стратегическим соображениям они проектировали отбросить Россию к границам 1772 г., то есть, вытеснить Россию из Белоруссии, Литвы и Курляндии.

Наконец, федералисты из лагеря велико-германцев по разному смотрели на Россию и Остзейские губернии. Католики из прирейнской Германии видели в России свою защитницу против прусской агрессии и не претендовали на включение в состав германской федерации протестантского населения Остзейских губерний, для них не существовало остзейского вопроса. Зато много кричали о русской опасности саксонские федералисты типа Константина Франца, который признавал за Россией право носителя цивилизации восточнее Волги, но считал для Зап. Европы русское влияние опаснее чумы. Господство России на Висле ему кажется несовместимым с существованием Германии, естественные границы которой, по его мнению, проходят на северо-востоке от Зап. Двины.¹

Во время Крымской войны партия прусских либералов открыто выставляла Россию главным врагом, но они не имели влияния на внешнюю политику Пруссии. Вообще установлено, что общественное мнение в Германии никогда не являлось фактором, определяющим внешнюю политику, а было лишь простым реагированием общества на внешнеполитический курс правительства.² Конечно, и в этом смысле оно представляет значительный интерес для историка.

Несомненное влияние, причем явно враждебное России, оказывала на политику прусского правительства группировка

¹ Constantin Frantz. Die Wiederherstellung Deutschlands. Berlin, 1865. S. 414.

² Carroll, E. Malcolm. Germany and the Great Powers 1866—1914. A study in public opinion and foreign policy. New-York, 1938.

«Прусского еженедельника» (Preussisches Wochenblatt), во главе с прусским посланником в Лондоне Христианом Карлом Козиасом фон Бунзеном и герцогом Эрнстом Кобургским. В отличие от прусских консерваторов, руководимых Герлахом, сторонники «Прусского еженедельника» считали поражение России необходимым предварительным условием освобождения Германии от русского влияния и предпосылкой ее воссоединения под властью Пруссии. Бунзен заходил дальше всех остальных руссофобов и строил планы раздела России — при всех его вариантах одинаково Прибалтика должна была перейти под власть Пруссии. Попутно отметим, что Бунзен был лично близок к королю.

Летом 1854 г., когда поражение России в Крымской войне считалось неизбежным, в «Прусском еженедельнике» появилась статья, требовавшая удаления России от морей и отторжения ее пограничных областей. В брошюре «Пруссия и Россия»¹, выпущенной анонимно в том же 1854 г., заявлялось, что любой успех России на Черном море представляет непосредственную угрозу интересам Пруссии в районе Балтийского моря. Однако Бунзену не удалось втянуть Пруссию в войну против России, и он вышел в отставку.

Так называемая «русская партия» в Берлине состояла из сторонников нейтралитета, к которым принадлежали консерваторы «Крестовой газеты» и придворная камарилья во главе с Леопольдом фон Герлахом. К ним принадлежал также Нибур. Все они приветствовали активную политику России на Ближнем Востоке, считая, что всякий успех русской армии на Черном море укрепляет положение Пруссии на нижнем течении Вислы и Балтийском море. Напротив, следует опасаться восстановления Польши, которая потребует для себя открытый выход к Балтийскому морю.

Как уже отмечалось, в кругах прусского юнкерства не пользовались успехом проекты перенесения северо-восточной границы на линию Зап. Двины или на Чудское озеро. Они указывали на то, что из-за прибалтийских губерний нет смысла наживать вечную вражду России, тем более, что географически они расположены вдали от Пруссии и их защита представит большие стратегические трудности для прусской армии. Во время Крымской войны «русская партия» в Берлине отстаивала политику нейтралитета, которая оказалась, помимо всего прочего, экономически наиболее выгодной, так как морская торговля России совершенно прекратилась из-за блокады

¹ Preussen und Russland. Leipzig bei Hirzel. 1854.

ее берегов и через Пруссию осуществлялись все русские внешнеторговые обороты. Золотой дождь был способен охладить даже антирусские чувства прусских либералов.

Дебидур¹ даже говорит, что Пруссия и Сардиния оказались единственными победителями после Крымской войны, так как Россия, недовольная Парижским миром 1856 г., более благосклонно стала относиться к реализации прусских планов в Германии. Однако новейшие исследования опровергают столь популярное прежде представление о безоблачности русско-прусской дружбы в 50-х гг. XIX в.², так как вполне установлено, что после Крымской войны произошло сближение России не с Пруссией, а с Францией (секретный договор 3 марта 1859 г.). Прусская камарилья со своей стороны искала сближения с Англией. Подобные колебания в русско-прусских отношениях, естественно, отражались на положении в Остзейских губерниях. В 60-х гг. благодаря славянофилам и Каткову польское общественное мнение оказалось настроенным не в пользу Пруссии и остзейских немцев.

До выступления Бисмарка на арену международной политики прибалтийский вопрос неоднократно встречается в истории русско-прусских отношений. Правда, он никогда не имел самостоятельного значения, и нет никакого основания приписывать ему доминирующую роль в внешней политике Пруссии. Напротив, интерес последней к остзейскому вопросу усиливается или ослабевает в зависимости от общего направления внешнеполитического курса Гогенцоллернов. Во второй половине XVIII в. он выступал в связи с польской политикой, а в XIX веке, пока политика Пруссии была обращена своим острием по преимуществу внутрь Германии и Россия больше всего интересовалась Востоком, в их взаимоотношениях отсутствовали серьезные политические противоречия, и всякие трения, возникавшие в Прибалтике, теряли свою остроту и гасли, не успев вызвать крупных конфликтов международного значения. Но, начиная с 60-х гг. под влиянием прусской политики по вопросу о воссоединении Германии русско-прусские отношения подвергались серьезным испытаниям и в связи с этим в ином свете стали рассматривать положение в прибалтийских губерниях.

Молодой Бисмарк прочно усвоил политическую премуд-

¹ A. Debidour. Histoire diplomatique de l'Europe, Vol. 2. Paris, 1891, p. 58.

² Фейгин. Из истории русско-французских отношений («Века», 1. II. 1924). Chr. Friese, Russland und Preussen vom Krimkrieg bis zum Polnischen Aufstand. Berlin-Königsberg, 1931.

рость прусских консерваторов как по отношению к России в целом, так и в частности по отношению к Прибалтике, но ему пришлось действовать в такой обстановке, когда напряженная борьба за воссоединение Германии под руководством Пруссии была поставлена практически. Старая традиция прусских юнкеров и теории пивных патриотов не давали готовых ответов на все вновь возникающие вопросы. Неудивительно, что Бисмарк, проводя политику «железа и крови», был вынужден сказать иногда новое слово также по поводу прибалтийских дел. Вдобавок, он был не только типичным прусским юнкером, а по своим семейным традициям и личным связям оказался близок также к политически влиятельным кругам остзейских баронов. Посещая неоднократно прибалтийские губернии, он имел возможность лично наблюдать местные аграрные и политические отношения, которые во многом напоминали ему имена остэльбских юнкеров.

Семейные связи Бисмарков с остзейскими баронами существовали с первой половины XVIII в., когда среди иностранцев, поступивших на русскую службу, оказался также прусский полковник Лудольф Август Бисмарк, вынужденный за убийство своего лакея в 1731 г. искать спасения в России. По-видимому, он уже раньше был знаком с отдельными остзейцами (братьями Левенвольде), которые его рекомендовали Эрнсту Бирону. Уголовное прошлое не помешало генералу Бисмарку, — а он был принят на русскую службу в чине генерала, — сделать блестящую карьеру, тем более, что он женился так удачно на курляндской баронессе Тротта фон Трейден и оказался свояком самого Бирона. В качестве рижского вице-губернатора он управлял Лифляндией вплоть до падения временщика, одновременно с которым был арестован и сослан, но воцарение Елизаветы Петровны возвратило ему свободу и чины. Правда, Бисмарк уже не вернулся на губернаторский пост в Ригу, а командовал войсками на Украинской линии и в 1750 г. умер в Полтаве. С тех пор не прерывались фамильные связи Бисмарков с остзейцами, в том числе с графами Кейзерлингами, представители которых в свое время способствовали выдвижению Бирона и в свою очередь пользовались его покровительством. Таким образом бироновщина относилась к общим семейным традициям остэльбских юнкеров Бисмарков и остзейских баронов Кейзерлингов.

Отто Бисмарк, будучи студентом, жил в Берлине вместе с графом Александром Кейзерлингом из Курляндии, с которым дружил и переписывался вплоть до смерти последнего в 1891 г. (оба они родились в 1815 г.). Тогда же, в 30-х и 40-х гг., Бис-

марк познакомился с Августом Эттингеном и некоторыми другими остзейцами, а барона Петра фон Мейендорфа он всегда считал одним из своих учителей в области дипломатии.

Позднее, во время его пребывания в Петербурге (1859—1861), Бисмарк был в буквальном смысле слова окружен представителями немецкого рыцарства из прибалтийских губерний. «Милые лиф-, ост- и курляндцы», как их в шутку называли в семье прусского посланника, всегда поддерживали связь с немецкими дипломатами в Петербурге. Кроме его университетского товарища Александра Кейзерлинга, женатого на дочери николаевского министра финансов Канкринна и в 1857 г. избранного в риттершафтсгауптманы (предводители) эстляндского дворянства, постоянными посетителями гостиной Бисмарка были граф Константин фон дер Пален, будущий министр юстиции, фон Рейтерн, заведующий делами финансового комитета, а с 1862 г. министр финансов, ландмаршал (предводитель) лифляндского дворянства барон Густав фон Нолькен, барон Константин Унгерн-Штернберг (б. риттершафтсгауптман в Эстляндии), кн. Пауль фон Ливен и мн. другие, как общественные, так и государственные деятели из остзейцев. К кругу личных знакомых Бисмарка принадлежали царские дипломаты остзейского происхождения: Мейендорф, Будберг, Бруннов. Бисмарк часто ездил на охоту и отдых в имения остзейских баронов Пилара фон Пильхау, Бернгарда фон Икскуль, Кейзерлинга.

Перечень имен при желании можно увеличить, но и перечисленных знакомых остзейцев вполне достаточно для того, чтобы получить представление об осведомленности Бисмарка в прибалтийских делах. Конечно, те же остзейцы помогали ему ориентироваться и в остальных вопросах внутренней политики России, на которую прусский посол нередко смотрел глазами прибалтийских баронов, в чем легко убедиться, перечитывая петербургские депеши Бисмарка, посвященные описанию и оценке реформы 19 февраля 1861 г. Совпадение точек зрения доказывает не столько зависимость Бисмарка от его осведомителей, сколько тождественность социальных симпатий и антипатий.

Бисмарк был постоянным посетителем салона вел. кн. Елены Павловны, в котором Кейзерлинг, Петр фон Мейендорф и др. балтийцы открыто обсуждали свои политические дела и выражали опасения, что освобождение крестьян в России пойдет слишком далеко и нарушит священную собственность помещиков на землю. Как известно, Елена Павловна группировала вокруг себя сановников, настроенных в пользу аграрных

реформ в России, но в ее салоне встречались представители самых различных направлений, в том числе немецкие бароны из прибалтийских губерний и их противники в лице Самарина и др. славянофилов. Со стороны остзейцев здесь раздавались протесты против освобождения крестьян из-под судебной и полицейской опеки помещиков, волостным общинам предоставлялась слишком большая, по мнению остзейцев, самостоятельность. В этот интимный кружок остзейцев в салоне Елены Павловны Бисмарк проник при содействии сенатора Георга фон Бреверна.

Как известно, даже такой идеолог пруссачества, как Генрих фон Трейчке, осуждал слишком аристократические основы и принципы остзейской «конституции». Бисмарк, напротив, был всецело на стороне «балтов», разделяя их отрицательное отношение к реформам 60-х гг. и русской бюрократии. Он всегда одобрительно отзывался о прибалтийских аграрных и административных порядках и считал Остзейские губернии счастливыми и благоустроенными. Остэльбского юнкера больше всего радовала политическая обстановка, напоминая режим в колониальных странах с обычным для них привилегированным меньшинством и бесправным туземным населением.

1871-1872
1871-1872
mm

По сравнению с прибалтийскими губерниями в Вост. Германии ко времени Бисмарка осталось мало следов прежнего деления населения на завоевателей и побежденных. Тем выше он ставил Прибалтику, которая, оставаясь в составе царской империи, по мнению Бисмарка, призвана служить плацдармом для мирного немецкого «дранг нах остен» в сторону необъятных степных просторов Вост. Европы, а также школой для подготовки немецких колонизаторов. Конечно, Бисмарк говорил не так уже откровенно, а, выражаясь дипломатически, сказал Мейеру, редактору немецкой СПБ газеты (St. Petersburger Zeitung), что «остзейские немцы должны и в будущем служить удобением для русских степей». Ни тогда, в 60-х гг., ни после Бисмарк ни словом не обмолвился о необходимости присоединения прибалтийских губерний к владениям Пруссии или Германии, — в этом отношении он действительно оставался верным традиционным воззрениям прусских консерваторов.

В политической концепции Бисмарка остзейские бароны, состоявшие на русской службе, особенно те из них, которые занимали придворные должности, должны были служить связующим звеном между петербургским и берлинским дворами. Можно сказать, что Бисмарк, понимая, как мало осталось во второй половине XIX в. от тех реальных политических инте-

ресов, которые во времена Священного союза служили основанием для русско-прусского сотрудничества в Германии, тем больше дорожил династическими связями между Романовыми и Гогенцоллернами. Однако личные симпатии русского императора Александра II к его берлинским родственникам оказались слишком слабым фактором для обеспечения дружбы со стороны России, в которой больше всего нуждался Бисмарк, приступивший к перекройке политической карты Германии. В поисках социальной базы он, естественно, отыскивал прусских юнкеров с одной, а с другой стороны — немецкое рыцарство в прибалтийских губерниях и родственные им круги реакционного русского дворянства, которые одинаково опасались вооруженного конфликта между Россией и Пруссией, считая его началом социальной катастрофы для них — революции. В этой системе солидарности между реакционными кругами прусского юнкерства и русских дворян-крепостников Прибалтика с ее немецкими баронами должна была служить географическим мостом.

Однако приписывая остзейским губерниям столь высокое назначение в русско-прусских отношениях, Бисмарк не скрывал своего искреннего желания оберегать в полной неприкосновенности и сохранности по мере сил и возможностей существовавшие там архаические порядки и привилегии. На этой почве у него неизбежно возникали противоречия со всеми сторонниками реформ, в первую очередь с национально-освободительным движением латышей и эстов, ориентировавшихся на поддержку со стороны передового русского общественного мнения. С первым, конечно, Бисмарк не считался, а при столкновениях с последними, как увидим, не всегда выходил победителем и, вопреки своему искреннему желанию, был вынужден воздерживаться от выступления в пользу дорогих ему и «милых лиф-, эст- и курляндцев».

Первая попытка дипломатического вмешательства в пользу остзейцев относится к 1855 г., когда прусский король поручил Леопольду фон Герлаху, главе придворной камарильи, вручить русскому послу барону Петру фон Мейендорфу мемориал, в котором обращалось внимание царского правительства на религиозный вопрос в прибалтийских губерниях и высказывалось сожаление, что он используется в Германии для возбуждения ненависти к России. Однако в Берлине сообразили об опасности затеянной игры, и прусский посол в Петербурге барон Вертер получил задание устроить совещание с представителями остзейцев для того, чтобы выяснить мнение последних насчет целесообразности вмешательства прусской дипло-

матни в остзейские дела. В результате обсуждения пришли к выводу о нежелательности подобной дипломатической акции, которая едва ли принесла бы пользу защитникам остзейских привилегий, но, несомненно, вызвала бы сильное негодование в кругах русского правительства. К этому же времени относятся первые высказывания Бисмарка о русско-пруссских отношениях. Несмотря на свои симпатии к остзейцам, он не находил разумных оснований усиливать рознь между Пруссией и Россией.¹

Бисмарк, избегая в данном случае обычных дипломатических приемов, все же не упускал ни одного удобного случая для поддержки прибалтийских баронов. Так, например, 10 ноября 1861 г. он сообщает в Берлин о содержании только что состоявшегося у него разговора с Александром II. Касаясь происходивших студенческих волнений, Бисмарк доказывал русскому императору, что всему виною прежняя руссификаторская политика Николая I, в продолжение тридцати лет искоренявшего основы немецкой образованности и культуры. Образованная же на русский лад молодежь не годится, по его мнению, для государственной службы, ибо неустойчива в политическом отношении.²

Два месяца спустя, 15/16 января 1862 г., Бисмарк снова возвращается к теме об опасности замены немецкой образованности введением в систему воспитания национально-русских элементов. «Поразительно, как мало здесь, в высших кругах общества, по нашим понятиям действительно образованных людей, а имеющиеся немногочисленные принадлежат к поколению седовласых или к немцам. В сферах, поставляющих гос. деятелей, обнаруживается исключительное невежество и грубость, которые являются возмездием и разоблачением национально-русских элементов воспитания при Николае I».

О том, как мало объективного в донесениях Бисмарка, можно судить на основании того, что именно в эти годы реформ выдвинулась целая плеяда талантливых русских государственных деятелей, но прусский дипломат замечает одних только прибалтийских немцев или русских, получивших немецкое воспитание, а остальных он недолюбливает и поэтому не замечает.

В данном случае нельзя не согласиться с Мускатом, что

¹ Muskat Helmut. Bismarck und die Balten. Ein geschichtlicher Beitrag zu den deutsch-baltischen Beziehungen (Historische Studien, Heft 260). Berlin 1934. S. 82—83.

² L. Raschdau. Die politischen Berichte des Fürsten Bismarck aus Petersburg und Paris. Bd. II, Berlin 1920. S. 131.

донесения Бисмарка за петербургский период его деятельности доказывают полную тождественность взглядов прусского дипломата и реакционно настроенных «балтов» при оценке внутреннего развития России: «Он всецело был на стороне прибалтийского рыцарства в его борьбе против руссификации и выражал только сожаление, что в правительственных учреждениях не замечают великой опасности для консервативного режима, которая угрожает ему со стороны национально-либерального движения».

Выступая за немецкую культуру в России и доказывая, что только государственные деятели остзейского происхождения могут спасти страну от революционных смут, Бисмарк действовал в контакте с канцлером Нессельроде, кн. Ливеном и гр. Бергом (наместником в Финляндии), которых он называл «верхушкой немецкой партии» в Петербурге. Уже тогда Горчаков был вынужден сделать ему указание на недопустимость вмешательства в внутренние дела России.¹

Став во главе прусского правительства, Бисмарк соблюдал такую же осторожность в деле помощи остзейцам, хотя именно к этому времени обострилось их положение. Отдельные русские министры и главным образом влиятельные газеты во главе с «Московскими Ведомостями» Каткова и органами славянофилов настойчиво требовали распространения на прибалтийские губернии аграрных, административных и судебных реформ. Хотя события относятся не к XVI или XVII веку, а к 60-м гг. XIX в., тем не менее они получили религиозную окраску. В противовес им остзейские бароны придерживались лозунга, провозглашенного другом Бисмарка, известным Александром Кейзерлингом, при открытии им эстляндского ландтага 19 января 1860 г.: *lieber zehn neue Gesetze zu wenig, als eines zu viel*.²

Защитники остзейских привилегий во второй половине XIX в. не решались открыто выступить за сохранение средневековых порядков в латышской и эстонской деревне, поэтому в германской печати больше всего шумели по тактическим соображениям о якобы происходящих в Прибалтике религиозных гонениях на лютеран, несмотря на то, что весь спор в этой области вращался вокруг вопроса о религии детей в таких случаях, когда один из родителей принадлежал к православной церкви. Более существенным был спор по поводу намере-

¹ Helmut Muskat. S. 86—87.

² Graf Alexander Keyserling. Ein Lebensbild aus seinen Briefen und Tagebüchern. Hrsgben von Taube von der Issen. Bd. I, Berlin 1902, S. 418.

ния правительства освободить православных латышей и эстов от обязанности платить церковные подати на содержание лютеранских пасторов и принимать участие в постройке и ремонте церковных зданий.

В 1865 г. после соответствующей подготовки в печати с участием газет, контролируемых прусским правительством, Бисмарк обратился к Убрилю, русскому послу в Берлине, с указанием на то, что в прусском ландтаге готовится запрос о положении в прибалтийских губерниях и что в связи с этим подрывается его авторитет как главы правительства и известного сторонника тесного сотрудничества с Россией. Горчаков снова ответил решительным отклонением вмешательства в внутренние дела России. Формально Бисмарк потерпел неудачу, а Горчаков одержал легкую победу. Однако Александр II в виде секретного циркуляра все же отменил обязательное крещение детей в православие при смешанных браках православных и лютеран. Официальная версия гласит, что циркуляр держали в секрете, чтобы не давать для римской курии повода требовать распространения подобных же льгот на католиков, но, повидимому, больше всего опасались общественного мнения националистически настроенных кругов русского дворянства и духовенства.

Само дипломатическое выступление Бисмарка в 1865 г. было подготовлено с ведома прибалтийского генерал-губернатора Петра Шувалова и министра внутренних дел Валуева. О нем знали, когда оно еще готовилось, даже такие лица, как предводитель эзельского дворянства Экеспаре и, возможно, сам Александр II, который не скрывал своего сочувствия к остзейцам, но не решался бросить вызов влиятельным петербургским сферам. Во всяком случае выступление Бисмарка облегчило положение Александра II в деле издания упомянутой секретной инструкции о смешанных браках.¹

В общем итоге поведение Бисмарка в 1865 г. несколько не ухудшило отношения между Петербургом и Берлином, хотя полемика в печати приняла еще более напряженный характер. Секретный циркуляр о религии детей при смешанных браках внес некоторое успокоение умов в Остзейских губерниях, немецкое дворянство которых лишней раз убедилось в благосклонном к нему расположении императора и рассматривало его как благоприятный симптом того, что русское правительство, по крайней мере на ближайшее время, отказалось от аграрных реформ в пользу латышских и эстонских крестьян.

¹ Helmut Muskat. S. 95.

Бисмарк и его остзейские друзья могли быть удовлетворены достигнутым результатом и, по отзыву Швейница, отношения между Петербургом и Берлином в 1865 г. не оставляли желать лучшего.¹

Конечно, не остзейские дела, а согласование политики по отношению к Польше улучшило русско-прусские отношения в 1864—1865 гг. и развязало Бисмарку руки в борьбе с Австрией, но, как всегда, на политическом горизонте прибалтийской окраины немедленно отражалась изменившаяся международная ситуация. Остзейский вопрос никогда не играл определяющую роль в русско-германских отношениях, а служил барометром, с большой чувствительностью реагирующим на происходившие изменения в правящих сферах Петербурга и Берлина, и в их взаимоотношениях.

Гром пушек при Садовой 3 июля 1866 г. вызвал сильный подъем немецкого национализма в Прибалтике. В некоторых кругах «балтов», особенно среди местной интеллигенции, или, как их в Риге называли, «литератов», мечтали вслух и наяву о присоединении, по терминологии Каткова, к «гезамтфатерланду». Даже в кругах весьма умеренных баронов наблюдалось головокружение, вызванное дипломатическими и военными успехами Бисмарка. Оно выражалось между прочими симптомами болезни в уверенности, что победоносная Пруссия и Северо-германский союз являются достаточно надежными гарантами для давно отживших свой век остзейских привилегий и что теперь русское правительство не осмелится распространять на прибалтийские губернии реформы, проводимые в русских губерниях. Даже немецкие бароны, весьма лояльно относившиеся к России и далекие от всякой мысли сделаться подданными Пруссии, превозносили Бисмарка как национального героя и видели в нем спасителя, мессию всех немцев, где бы они ни проживали.

В этом потоке немецкого пивного патриотизма Бисмарк оставался трезвым наблюдателем, который подходил к немецкой агитации в Прибалтике с точки зрения русско-германских отношений и реализации дальнейших планов Пруссии. Во второй половине 60-х гг., предвидя неизбежность вооруженной борьбы с Францией, он меньше всего намеревался ссориться с Россией из-за остзейских немцев.

К этому времени — вторая половина 60-х гг. — еще больше обострился остзейский вопрос. Происходило это, ко-

¹ General v. Schweinitz. Denkwürdigkeiten des Botschafters. Bd. I, Berlin, 1927, S. 177.

нечно, не потому, что прибалтийские немцы слишком громко распевали прусские солдатские песни, а Катков и московские славянофилы во главе с Аксаковым не переносили поднимающуюся возню вокруг вопросов местного самоуправления, опасаясь победы областного сепаратизма над политикой самодержавного централизма.

В плане русско-пруссских отношений остзейский вопрос появился как неизбежное последствие прусских побед над Австрией. Александр Константинович Гейнс, обрусевший генерал остзейского происхождения, находился в 1866 г. вдали от Прибалтики, обследуя степи Казахстана, и, узнав о Садовой, записал в своем дневнике: «После победы Пруссии для России поднимается новое затруднение. Под Кениггрецом создан остзейский вопрос, и разрешение его не более как вопрос времени. Я думаю, что Пруссия при этом должна быть жестоко наказана, но, во всяком случае, нахальство немцев и дерзость их при удаче ручаются за то, что остзейский вопрос непременно станет на очереди, когда вся Северная Германия сконцентрирует свои силы и будет в состоянии выставить в поле миллионную армию».¹

Очевидно, подобные мысли и опасения были достоянием широких кругов русского и немецкого общества. «После того, как на суше и на Балтийском море Германия стала великой державой, изменилось наше положение в России», — с чувством горькой досады писал граф Александр Кейзерлинг,² упомянутый выше остзейский политический деятель и личный друг Бисмарка.

Мнение, что воссоединение Германии ставит под угрозу территориальные права России в Прибалтике, встречается в передовых статьях Каткова, который считал, что именно Австро-прусская война 1866 г. пробудила остзейский вопрос. Таким образом было бы неправильно, если бы мы стали искать виновников обострения полемики по поводу остзейских дел среди авторов той или иной газетной статьи.

Чаще всего обвиняют Каткова и его передовые статьи в «Московских Ведомостях», в которых разжигалась ненависть к немцам, как возбудителей остзейского вопроса, но при этом забывают, что националистический угар в Германии еще сильнее дурманил умы и развязывал языки немецких публицистов. По сравнению со многими из них Катков кажется образцом скромности и сдержанности.

¹ А. К. Гейнс. Собрание литературных трудов, т. II, СПб. 1898. стр. 213.

² Graf A. Keyserling. Bd. II. Berlin, 1902. S. 570.

Например, в брауншвейгском органе «Unsere Zeit» в 1867 г. печаталась целая серия статей Эд. Катнера под общим заглавием «Призвание Пруссии на Востоке», которые потом вышли отдельным изданием.¹ В седьмой статье рисовалась «будущность немецких Остзейских провинций под прусским господством». Автор считает излишним доказывать читателям необходимость захвата Ковенской, Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерний, а только указывает, что подобные взгляды являются общераспространенными в Германии, и если все-таки против завоевания Прибалтики возражают, то единственно по военно-стратегическим соображениям, считая силы Пруссии недостаточными для ведения успешной войны против России.

«Теперь положение коренным образом изменилось», — утверждает автор. На основании уроков двух последних войн, Крымской и Австро-прусской, он находит возможным не сомневаться в военном превосходстве Пруссии над Россией. Правда, он понимает, что завоевание территории еще не означает, что ее удастся удержать за собою. Автор потратил много изобретательности, составляя план укрепления Прибалтики поясом крепостей и стратегических железных дорог. Попутно он отмечает, что латыши и эсты являются отличными солдатами, которых Пруссия сумеет использовать для гарнизонной службы, но для привлечения местного населения на сторону завоевателей потребуются решительные и коренные преобразования аграрных отношений, судебных и административных учреждений по прусскому образцу, который он считает идеальными для Прибалтики.

Автор предвидит, что со стороны немецких баронов и отчасти привилегированных городских бюргеров последуют протесты и в лице их Пруссия приобретает непримиримых врагов, но с ними не следует церемониться, а рекомендуется всем недовольным предоставить свободный выезд в внутренние губернии России. «Мы ничего не потеряем, если избавимся от таких ненавистников свободы», — восклицает воинственно настроенный и в то же время непримиримый враг средневековых привилегий из лагеря прусских либералов, недавних противников Бисмарка.

Попутно отметим, что орган прусских либералов не предвещал для Пруссии больших экономических выгод от завоевания Остзейских губерний, но за то он наверняка знает, что, лишившись Прибалтики, Россия многое потеряет в экономи-

¹ E. Kattner. Preussens Beruf im Osten. Berlin. 1868.

ческим и еще больше в стратегическом отношении. Таким образом ослабление России признается главной целью Пруссии.

Перед нами дальнейшее развитие планов «Прусского еженедельника», прекратившего свое существование в 1861 г. Эд. Катнер ничего общего не имел ни с остзейскими баронами, ни с прусским юнкерством, а выражал взгляды и настроения немецкой либеральной буржуазии, которая к этому времени стала обожать Бисмарка и всемерно поддерживала его внешнюю политику.

Под свежим впечатлением успехов прусской армии и под влиянием газетных статей и брошюр, обосновывавших притязания немцев на Восточную Прибалтику, наблюдалось в России, как в кругах правительства, так и в общественном мнении, некоторая настороженность по поводу положения Прибалтийского края. Ю. Ф. Самарин выступил со своими «Окраинами России» (1868—1876), а Катков в «Московских Ведомостях» объявил остзейский вопрос первоочереднейшей политической проблемой, разрешение которой требует сосредоточения внимания русского правительства и общества. Относясь враждебно к нацменьшинствам царской России, Катков по тактическим соображениям публиковал в «Московских Ведомостях» статьи латышских публицистов, направленные против феодально-крепостнических пережитков в прибалтийских губерниях и против остзейских привилегий. Лидер младолатышей Х. Вальдемар становится сотрудником редакции «Московских Ведомостей» и является автором многих передовиц, посвященных остзейскому вопросу. Статьи в «Московских Ведомостях» по остзейскому вопросу приобрели широкую известность в России и за границей.

Катнер в статьях «Unsere Zeit» советовал не придавать значения чувству национальной независимости латышей и эстов, привыкших якобы испокон веков подчиняться господству завоевателей, но подобные взгляды в 1867 г. уже являлись грубым анахронизмом, так как с начала 60-х гг. развивалось мощное национально-освободительное движение латышей и эстов, направленное не против России, а против немецких помещиков и феодальных пережитков в деревне. Лидеры младолатышей и младоэстов установили тесный контакт с распространенными органами русской печати, как «Голос» Краевского, «Московские Ведомости» Каткова, «День» Аксакова и др., которые поддерживали требование реформы для прибалтийских губерний. Особую известность и одновременно жгучую ненависть немецких баронов приобрел Хр. Валь-

демар, пользовавшийся поддержкой министра народного просвещения А. В. Головнина и вел. кн. Константина Николаевича.

Борьба с неблагоприятно для Пруссии сложившимся русским общественным мнением вызвала целый поток полемических статей, печатавшихся в германских газетах по большей части под видом корреспонденций из Прибалтики. Но в то же время от Бисмарка потребовались более решительные шаги, особенно после того, как русский император побывал в Париже и на обратном пути в Петербург посетил Ригу и 15 июня 1867 г. произнес речь, призывая местное население сплотиться в одну общерусскую семью. Рижская речь Александра II была воспринята в России и за границей как изложение программы правительственных мероприятий по русификации Прибалтики, одновременно она была ответом на агрессивные статьи в германской печати: царское правительство от обороны перешло в наступление, начав борьбу с остзейскими привилегиями, оно хотело застраховать себя от всяких неожиданностей.

Остзейские немцы, всегда цепко державшиеся за свои привилегии, теперь, ободренные военными успехами Пруссии, менее, чем когда-либо склонны были согласиться на замену в учреждениях немецкого языка общегосударственным русским языком. Проект открытия в Риге русской гимназии вызвал бурю негодования в немецком обществе, причем во главе противников изучения русского языка оказался сам попечитель Дерптского учебного округа, известный граф Александр Кейзерлинг, а покровительствуемый им Ширрен, профессор Дерптского университета, выдвинулся в качестве талантливого публициста, достойного противника Самарина и Каткова. Статьи по остзейскому вопросу стали появляться во всех крупных немецких газетах, издававшихся в Берлине, Вене, Лейпциге, Аугсбурге, Кельне, Гамбурге, Кенигсберге и в др. городах. Даже в отдельных французских и английских газетах помещались статьи по поводу остзейских дел и политики царского правительства на прибалтийской окраине. По части снабжения иностранной печати статьями антирусского направления занимался остзейский эмигрант Юлий Экардт, один из редакторов «Grenzboten» с 1867 г.

Время для Бисмарка было очень тревожное, так как Наполеон III требовал уплаты по векселю, выданному ему от имени Пруссии в 1866 г. в вознаграждение за французский нейтралитет во время Австро-прусской войны. Бисмарк придерживался правила, что победитель не обязан оплачивать свои долговые обязательства, и в 1867 г. вследствие отказа

Пруссии удовлетворить территориальные притязания Наполеона III на левом берегу Рейна воздух наполнился зловещим запахом пороха.

Обострение отношений с Россией совершенно не входило в расчеты Бисмарка и, понятно, газетная шумиха по остзейскому вопросу и патриотические излияния немцев, поскольку они раздражали национальное самолюбие русских, ему окончательно опротивели, хотя по-прежнему он не переставал открыто демонстрировать свою дружбу с прибалтийскими баронами, которые продолжали его навещать как в Берлине, так и в имении Варзин.

Граф Александр Кейзерлинг летом 1867 г. сопровождал на французский курорт вел. кн. Елену Павловну и, не застав на обратном пути Бисмарка в Берлине, отправился в конце июля в Варзин. Несмотря на то, что Бисмарк был очень занят и всем отказывал в приеме, для Кейзерлинга он сделал исключение, и их беседа продолжалась несколько дней. Так как свидание происходило после рижской речи Александра II, то не трудно догадаться, что темой приятельской беседы не являлись воспоминания о прежних студенческих попойках старых друзей.

Много лет спустя, 10 марта 1890 г., престарелый Кейзерлинг написал несколько строк своих воспоминаний о разговорах с Бисмарком во время совместных прогулок по окрестностям Варзина в июле 1867 г. Он, Кейзерлинг, тогда указал Бисмарку на особо тяжелое положение Остзейских провинций — Рига для России имеет такое значение, что за нее русские будут сражаться до последнего солдата и до последней копейки. Его собеседник с этим согласился.¹

После отъезда Кейзерлинга из Варзина к Бисмарку приехал Мейер-Вальдек, многолетний редактор петербургской немецкой газеты «St. Petersburger Zeitung». В разговоре с ним, происходившем 11 августа, Бисмарк высказал те же самые мысли относительно положения прибалтийских губерний и политики России по отношению к ним.²

Через год с небольшим, в начале октября 1868 г., мы видим Кейзерлинга снова в Варзине, на этот раз в сопровождении дочери, которая кое-что слышала и записывала, но, конечно, далеко не о всем услышанном нашла возможным написать в 1902 г. при издании извлечений из писем и бумаг

¹ Graf Alexander Keyserling. Bd. I, S. 516—518; Bd. II, S. 581.

² Friedrich Meyer von Waldeck. Unter dem russischen Scepter. Aus Erinnerungen eines deutschen Publicisten. Heidelberg, 1894, S. 177—179.

отца. На этот раз темой беседы были франко-русские и русско-прусские отношения, а попутно с этим говорилось об остзейских провинциях. Бисмарк указывал, что в Остзейских делах он поступает с Россией, соблюдая большую осторожность, а прусский король делает все возможное, чтобы приобрести доверие русского императора и таким образом обеспечить для Пруссии безопасность с этой стороны. Политику русского правительства в Прибалтике он называл безумством с точки зрения государственных интересов самой России, которая при помощи русификации лишается самой надежной опоры в Остзейских губерниях.¹

С обрусением Остзейских провинций Россия, по мнению Бисмарка, потеряет честных слуг-дипломатов и офицеров немецкого происхождения: «Как пруссак, — говорил Бисмарк Кейзерлингу в 1868 г., — я могу равнодушно наблюдать за происходящим, так как не заинтересован в том, чтобы наш сосед оставался сильным, а скорее наоборот — могу желать его ослабления».² Эти же мысли Бисмарка с большей подробностью изложены упомянутым Мейером-Вальдеком.³

Оказывается, собеседники пришли к единодушному выводу, что Россия никогда не обойдется без немецких придворных и дипломатов. По мнению Бисмарка, ни один из анти-немецких крикунов в России не согласится принимать лекарства, приготовленные русским. Незаменимыми специалистами в России он считал не только немецких фармацевтов, но также ... булочников и колбасников.⁴

Трудно сказать, насколько в подобных заявлениях было искренности или дипломатического лукавства, допущенного Бисмарком, подсказывавшим немецкому журналисту мысли, в каком направлении следует подбирать аргументы против политики русификации и реформ, намечавшихся в Прибалтийском крае.

В беседах с Кейзерлингом и Мейером в одинаковой мере выясняется стремление Бисмарка подчеркнуть незаинтересованность Пруссии в территориальных приобретениях в Прибалтике за счет России. «На что нам нужна эта узкая, вытянутая в длину полоса между морем и Польшей, — без Hinterland'a она ничто, и вместе с нею мы приобретем вечную вражду с Россией. Нет, лучше пусть останется так. Немцы в Остзейских провинциях и в будущем должны оставаться тем гуаном, кото-

¹ Graf A. Keyserling, I, S. 545.

² Graf A. Keyserling, Bd.I, S. 545.

³ Meyer von Waldeck, S. 181.

⁴ Meyer von Waldeck, S. 178.

рым удобряется великая русская степь. Мы так же не окажем услугу населению этой страны, если она отойдет к Пруссии. Наша прусская конституция, предоставляя латышским и эстонским избирателям право участия в голосовании, насколько я могу судить, представит очень сомнительное удовольствие для курляндских и лифляндских баронов». ¹

Следует отдать справедливость Бисмарку и его советникам по остзейским делам, что они совершенно трезво оценивали политическую обстановку и понимали всю бессмысленность проектов захвата Литвы, Латвии и Эстонии, о чем мечтали, как мы видели, прусские либералы из «*Unsere Zeit*». Но следует помнить, что Бисмарк был реальным политиком и не искал вечных истин, а руководствовался потребностями и обстановкой своего времени, с изменением которых изменилось бы также его отношение к Прибалтике.

Сложившаяся в 1867—1869 гг. политическая обстановка заставляла Бисмарка публично заявлять о незаинтересованности Пруссии в дальнейших территориальных приобретениях в Прибалтике. В самом конце 1867 г. он устроил в прусской палате депутатов настоящий спектакль на тему о Прибалтике и русско-прусских отношениях. Не без иронии писали «Московские Ведомости», что режиссером этого театрального представления был сам Бисмарк, он же выступил в роли главного любовника, а под возлюбленной подразумевалась Россия.

На заседании 9 декабря в связи с рассмотрением бюджета министерства иностранных дел выступил депутат Леве, который коснулся в своей речи отношений с Россией и положения в Остзейских губерниях. «Можно надеяться, — выразил свои пожелания и требования депутат, — что прусское правительство со временем перестанет быть сателлитом русской политики. Подобное положение продолжается с 1815 г. и когда-нибудь должно же кончиться». Переходя к царской политике в Прибалтике, Леве требовал от Бисмарка, чтобы правительство открыто выразило свое сочувствие остзейцам и борьбе их в защиту протестантизма. На стороне правительства будет поддержка всей палаты депутатов, и Пруссия сделает лишь то, что делает постоянно Россия на Востоке и в Турции, выступая в защиту православной церкви. Между тем, как заявил Леве, нетерпимость, проявляемая в балтийских провинциях против немцев и протестантов, превосходит гонения на христиан в Турции. «Но я думаю, — говорил депутат, — что при могуществе Пруссии и при том значении, какое имеет для России

¹ «Московские Ведомости», 1867 г. № 265.

союз с нею, она может не без пользы употребить свое влияние». ¹

Выступление депутата Леве дало повод Бисмарку высказаться перед всем миром о русско-прусских отношениях и об остзейском вопросе. В первую очередь он посоветовал депутатам почитать московские газеты, которые обвиняют русское правительство в том, в чем Леве обвинял Пруссию — в отсутствии самостоятельной политической линии.

«Дружественным великим державам, — говорил Бисмарк, — приходится во многих случаях идти рука об руку, не подчиняясь, однако, друг другу. Русское национальное чувство столь же щепетильно, как и наше, и я не посоветовал бы предшествующему оратору здесь поднимать разговор о таких вещах. Если он имел в виду пользу населения прибалтийских губерний, то должен заверить его, что он достиг диаметрально-противоположных своему намерению результатов... Каждое правительство ревниво оберегает свою независимость, и я спрошу говорившего, как должно поступить прусское правительство, если кто-нибудь вмешивается в его дела? На этом основании считаю себя обязанным решительно отклонять любую попытку вмешательства в дела дружественной нам державы. Количество немцев в прибалтийских провинциях относится к остальному населению этого края, как один к тысяче. Компрометируя это меньшинство, мы оказываем ему плохую услугу». ²

Ответ Бисмарка на выступление Леве в прусской палате депутатов произвел в России самое благоприятное впечатление, а именно на это и рассчитывал глава прусского правительства. Даже Катков в передовой статье «Московских Ведомостей», № 265 от 3/15 декабря 1867 г. нашел возможным «поблагодарить графа Бисмарка за показание весьма поучительное не для одних прусских слушателей его, но для кое-кого и по сю сторону границы. Граф Бисмарк в своем ответе засвидетельствовал, что та часть балтийского населения, за которую вступился г. Леве, как за немецкую, относится к общей массе этого населения, как 1 : 1000. Московская печать в этом отношении совершенно согласна с прусским министром-президентом; она никогда иного не говорила и от всей души желает, чтобы слова его были столь же искренно сказаны, как они справедливы, и чтобы в разных сферах произвели они надлежащее действие».

«Не важно, что Бисмарк случайно или намеренно при-

¹ «Московские Ведомости», 1867 г. № 265.

² «Московские Ведомости», 1867 г. № 265.

уменьшил общий процент немецкого населения в Прибалтийском крае, но он и Катков были все равно правы, когда говорили, что «было бы ни с чем не сообразно видеть в балтийских провинциях немецкий край».

В 1868 г. дружба Бисмарка с остзейским рыцарством подверглась дальнейшему испытанию. В официозном органе Бисмарка «*Norddeutsche Allgemeine Zeitung*», — попросту называвшейся «*Kanzlerblatt*» — появилась статья, поведавшая миру о злключениях и страданиях лесничего Арнима, прусского подданного, поступившего на службу к одному лифляндскому барону, Георгу Генриху фон Лиlienфельду.¹ В заявлении, посланном Арнимом в редакцию «*Московских Ведомостей*», он рассказывает, что приехал в Лифляндию «с женой и четырьмя детьми, дабы честно трудиться и на пользу употреблять свои способности и знания, а не для того, чтобы исполнять варварские противозаконные поручения помещика и стрелять в его крестьян солью».

Однако барон Лиlienфельд, бывший тогда ландмаршалом лифляндского дворянства (1866—1869), оценивал отказ Арнима и его ссылки на законы, как прямое нарушение договора о найме, и удержал его жалованье, а в ответ на угрозу передать дело на судебное рассмотрение строптивый лесничий по приказу помещика был схвачен, избит и, связанный по рукам и ногам, отвезен в Тарту, где сперва его держали в тюрьме без допроса и следствия, а потом приговорили к шестинедельному аресту за оскорбление вотчинной мызной полиции. Судья при этом руководствовался простой сопроводительной запиской от Лиlienфельда, написанной при отправлении арестованного Арнима из имения в Тарту.² Оказавшись в бедственном положении, лесничий и его семья обратилась за помощью к прусскому консулу.

В прибалтийских губерниях насчитывалось, наверное, не один десяток подобных Арниму прусских подданных, пострадавших от остзейского правосудия, но никто не интересовался их судьбою. На этот раз дело Арнима-Лиlienфельда понадобилось Бисмарку, чтобы снова продемонстрировать свое отношение к остзейскому вопросу. В опубликованном циркуляре прусского правительства, как сообщалось в упомянутой статье «*Norddeutsche Allgemeine Zeitung*», делалось официальное предубеждение всем подданным Пруссии, что в пограничных губерниях России «землевладельцы и их управляющие

¹ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, № 172 от 25 июня 1868 г.

² «*Московские Ведомости*». № 52 от 7 марта 1869 г.

обманывают бедных переселенцев; если последние жалуются, то они не находят суда, а систематическое, бесстыдное, ловкое притеснение доводит слуг до крайнего бедствия, девушек же повергает в разврат».

Таким образом остзейские судебные и административные порядки, которыми, как мы знаем, Бисмарк всегда восхищался, неожиданно подверглись осуждению в официозном прусском органе печати. До этого против них выступали лишь латышские и эстонские публицисты и поддерживавшие их требования русские газеты. Наоборот, Бисмарк и зависимые от него органы печати обвиняли противников баронских привилегий в желании уничтожить немецкую культуру и в тому подобных грехах.

Официальное вмешательство прусских властей в дело лесничего Арнима имело своей целью продемонстрировать незаинтересованность Пруссии в колонизации ее подданными пограничных губерний России, — о подобной опасности появились тревожные статьи в некоторых русских газетах. Одновременно с этим Бисмарк удачно, в смысле убедительности, отвел всякие обвинения, направленные лично против него, что он поддерживает сопротивление остзейских баронов реформам, намеченным царским правительством.

Катков и Иван Сергеевич Аксаков воспользовались статьей в официозном органе Бисмарка, а также делом Арнима для обоснования требований относительно спешных и неотложных реформ в Прибалтийском крае. Они указывали русскому правительству на необходимость улучшения правового и экономического положения латышских и эстонских крестьян.

Но в одном отношении Бисмарк достиг определенной цели — «Московские Ведомости» перестали писать, что остзейские бароны тяготеют к Пруссии. Напротив, в передовой статье от 5 июля 1869 г. указывалось, что «войти в состав Пруссии значило бы для балтийских рыцарей превратиться из маленьких самодержавцев в простых смертных. Порядки, существующие ныне в наших балтийских губерниях, не могли бы и дня держаться под прусским владычеством. Публичная власть сразу упразднила бы стоящее на ее месте частное право».¹

Возможно, что под влиянием статей в «Unsere Zeit», Катков начал подозревать прусское правительство в намерении привлечь к себе симпатии латышских и эстонских крестьян, соблазняя их перспективой улучшения экономических и пра-

¹ «Московские Ведомости», 1869 г. № 147.

вовых условий в случае перехода края под власть Пруссии. При таком повороте прусской политики даже немецкие бароны, лояльные по отношению к России, окажутся беспомощными, чтобы сопротивляться прусской агрессии, — «но что сможет эта горсть верноподданных с своею платоническою преданностью русскому престолу против возрастающей громады жителей края, усыновляемых Германией?»¹

Против подобной опасности Вальдемар и Катков предлагали бороться русификацией, понимая под этим распространение русского языка и проведение аграрных реформ в пользу местного крестьянства. Так, например, 23 апреля 1869 г. «Московские Ведомости» доказывали, что государственные интересы России требуют защиты крестьянства в прибалтийских губерниях.² Впрочем, Катков был уверен, что со стороны Пруссии опасность не угрожает до тех пор, пока ей предстоит борьба на Западе,³ но советовал царскому правительству поторопиться, чтобы не упустить благоприятную обстановку для разрешения остзейского вопроса.

В передовой «Московских Ведомостей» (№ 127) от 12 июня 1869 г. указывалось, что после разгрома Австрии в 1866 г. Россия находится в выгодном положении в том смысле, что в ее дружбе одинаково нуждаются Франция и Пруссия. «Франция пыталась делать ей разные угодения на Востоке; Пруссия с своей стороны заботилась прикрепить ее к себе. Мы помним интересную, очевидно, подготовленную интермедию, которая была разыграна в прусском сейме между депутатом и министром-президентом, торжественно отвергшим всякие притязания немецкой национальности на балтийскую окраину России». О незаинтересованности Пруссии в захвате прибалтийских губерний тогда же распинался личный орган Бисмарка *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*. По сообщению «Московских Ведомостей» Бисмарк отправил тогда в Россию «кое-кого из господ известной прусской национально-либеральной партии», которые по приезду в Петербург «в разных кружках высказывались неодобрительно о нелепой германской агитации, происходившей в Риге и Дерпте и не находившей ни отголоска, ни сочувствия в самой Германии».

Все это свидетельствовало, с одной стороны, о необходимости, в которой видела себя Пруссия, искать опоры в союзе с Россией; с другой, это показывало, что Пруссия имела осно-

¹ «Московские Ведомости», 1869 г. № 147.

² «Московские Ведомости», 1869 г. (4 августа) № 87 и 171.

³ «Московские Ведомости», 1869 г. № 127.

вание считать доверие к ней России непоколебленным. В самом деле, ее действия с ее германскими союзниками не такого были свойства, чтобы укрепить доверие к ней.

Сверх того, положение дел, созданное разгромом прежнего Германского союза, призывало Россию к новым соображениям, которые должны были усилить национальный характер политики, принятый ею с 1863 г. Германия, пересеченная прусским мечем, была далеко не та, какую создали трактаты 1815—1818 годов. При дальнейшем ходе дел в том же направлении маленькая колония, проживающая на русской земле и с некоторых пор настойчиво выдающая себя за форпост немецкой национальности в России, может получить иное значение.

Катков и его сотрудник Вальдемар продолжали настаивать, «что громадный переворот, совершившийся в 1866 г. за нашей границей, должен отозваться внутри наших пределов соответственными законодательными переменами, и что для реформ в Балтийском крае, — реформ, необходимых и настоятельно требуемых всеми интересами и соображениями, — наступила благоприятная пора, какая быть может никогда не повторится в истории».

Почему именно канун франко-прусской войны «Московские Ведомости» считали наиболее благоприятным временем для реформ в Прибалтийском крае? Потому что Пруссия занята на западе и не может ссориться с Россией.

Каткова не смущала шумиха, поднятая в 1868—1869 гг. в германской печати по поводу остзейских дел, с прямыми угрозами по адресу России, причем орган прусских юнкеров «Крестовая газета» советовал русскому правительству не забывать уроки датчан в Шлезвиг-Гольштинии. Однако как показал Катков, эти с виду столь серьезные угрозы представляют не более, как маневрирование Бисмарка, который использовал для газетной кампании партию национал-либералов: «с 1866 г. он превратил ее в свое орудие, и употреблял ее между прочим на то, чтобы производить эффект ее заказным криком то на французское, то на австрийское правительство. Криком этим пытались в Берлине застрашивать Францию в 1867 г. по поводу люксембургского дела... Ни Францию, ни даже Австрию не могли застрашивать крикливые статейки; а в настоящее время берлинские политики обращаются с ними к России в надежде, что она упустит последнюю благоприятную минуту для завершения великого дела своего внутреннего объединения».

Катков убежден, что шумиха в немецкой печати по поводу Прибалтики «есть дело пустое и заказное, что Германия нуж-

дается более всего в мире и спокойствии, что немецкой национальности не до балтийских провинций, пока она не покончит своих расчетов с западным соседом, и что дела у ней не мало и у себя дома».

Если принять во внимание, что разобранный нами статья появилась за год до франко-прусской войны, то приходится удивляться осведомленности автора, получавшего сведения из министерства иностранных дел, а еще больше поражает его прозорливость, дававшая ему возможность разобраться в сложной игре такого виртуоза дипломатического искусства, каким являлся Бисмарк, который, готовясь к схватке на Западе, не прочь был превратить остзейский вопрос в разменную монету для прусской дипломатии, главным образом при заключении сделок с Петербургом за счет мелких немецких князей, родственники которых в большом количестве находились при дворе русского императора и в 60 и 70-х гг. не мало интриговали против Пруссии. Наконец, отказ Бисмарка от защиты политических интересов остзейских немцев был только одним из многочисленных приемов заручиться доверием России и обеспечить для Пруссии благожелательный нейтралитет при разрешении спорных вопросов на Рейне. В 1869 г. Катков разоблачил его игру и, очевидно, не случайно, что прусская дипломатия пыталась именно в этом году купить перо московского публициста, однако, без какого-либо успеха.

В довольно невыгодном положении оказались прибалтийские немцы, которые слишком много доверялись анти-русской кампании, не без ведома Бисмарка поднятой в германской печати, но имевшей совсем другое назначение, только не защиту остзейских привилегий. Между тем Вальдемар и Катков не упускали ни одного удобного случая, чтобы снова и снова не напомнить русскому правительству о необходимости реформ.

В «Московских Ведомостях» от 9 января 1870 г.¹ появилась передовая, посвященная новой статье того же Катнера, который на этот раз описывал «Положение, борьбу и страдания в немецких Балтийских провинциях». ² В статье немецкого публициста, как отмечает Катков, «теперь уже нет речи о том, что в наших эсто-латышских губерниях господствуют устарелые учреждения, которых Пруссия не могла бы терпеть ни одного дня». Напротив, Катнер в пылу борьбы объявил пережитки феодальных порядков «достижением» немецкой культуры! Причем в взглядах Катнера не произошло каких-либо сдвигов по сравнению с его статьями в 1867 г., когда он

¹ № 7.

² Unsere Zeit, Neue Folge, Bd. V, 1869.

советовал Пруссии по завоевании Латвии и Эстонии «немедленно отменить тамошние порядки, не обращая ни малейшего внимания на протесты балтийско-немецких городских и сельских феодалов, ибо прочно удержать за собою эту область нам можно будет лишь в том случае, если мы посредством великих и благотворных реформ привлечем к Пруссии большинство тамошних жителей, состоящее из латышей и эстов».

Но тогда уже Катнер оговаривался, что «в продолжение того времени, пока мы еще не владем этим краем, надобно всякими средствами питать неудовольствие в Балтийских губерниях, защищать все феодальные бессмыслицы, и всего более стараться, чтобы Россия не надумала сама произвести в своих Балтийских губерниях такие реформы, какие в Пруссии были совершены бароном Штейном».

В ответ на выступление Катнера «Московские Ведомости» продолжали настаивать на осуществлении своей программы реформ в прибалтийских губерниях, называя ее «одновременно либеральной и русской»: общесословное русское земство и новое русское судопроизводство в прибалтийских губерниях. «Итак, вот еще либеральная и вместе русская реформа для Балтийских провинций, которая может послужить им живую связь с общим русским отечеством... Эти и подобные русские реформы дают нашим окраинам наилучшие условия для того, чтобы войти в общую жизнь русского государства. Это для них путь столько же долга и чести, сколько и истинного либерального прогресса».¹

Катков и Вальдемар разоблачали и высмеивали остзейских «либералов» типа Катнера и их покровителей в петербургских салонах, где во главе с великой княгиней Еленой Павловной и Эдитой Раден некоторые влиятельные лица рядились в тогу либерализма, а по существу выступали адвокатами остзейских феодалов... «Нам известно, что некоторые люди, имеющие способность являться сегодня ультра-консерваторами, а завтра ультра-либералами, хлопочут о том, чтобы преобразовать три Балтийские провинции в особое государство немецкой национальности, которое находилось бы только в личной связи с Россией. Консервативно это или либерально? Ни то, ни другое. Это вовсе и не относится к той категории понятий, которая определяется противоположностью терминов либерального и консервативного».

Своих противников в остзейском вопросе «Московские Ведомости» относят к двум категориям лиц: одних из них они

---

¹ «Московские Ведомости», 1870 г. № 45 (28 февраля).

называют «неумными», причисляя к ним представителей русского дворянства, подвизавшихся в петербургских салонах в защиту остзейских привилегий. Других Вальдемар и Катков называют просто «нечестными» в смысле выбора политических средств, так как они под покровом либеральных фраз и веротерпимости отстаивают феодальные порядки в Прибалтике. «Какой-нибудь господин фон Бок, защищающий феодальные порядки, и с этой целью издавший до 20 направленных против России памфлетов, не мог бы ожидать сочувствия себе в Германии, если бы не проливал крокодиловых слез об опасном положении лютеранства в нашем эсто-латышском крае». Либеральные фразы остзейцев сбили с толку кое-кого и в Петербурге, где «в последнее время, — жалуются «Московские Ведомости», — произошла маленькая перемена сцены. Консервативные сначала сделали шаг назад, и на сцену выступили либеральные идеи». Но беда в том, что петербургские либералы не учитывают, «что немецкая национальность есть в этом крае привилегия дворянства и капиталистов. Они стоят на стороне г. фон Бока, чистокровного феодала; и с горячностью вступаются за г. Ширрена, защитника привилегий рыцарства». Обращаясь к подобным неумным и «нечестным» либералам, «Московские Ведомости» писали: «Признаемся, мы не верим ни в ваши консервативные, ни в ваши радикальные мнения. Мы видим в этих мнениях только фантазмагорию и обман . . . Мы не имеем надобности разбирать, кто кого обманул и кто кем обманут, но факт обмана не подлежит сомнению».¹

Как известно, К. Маркс в письме Л. Кугельману (17 февраля 1870 г.) с противоположных позиций дал столь же уничтожающую критику остзейских «либералов» и их покровителей в Западной Европе: «Эти **каналы**, отличавшиеся изданием ревностной службой в русской дипломатии, армии и полиции, охотно продавшие, при переходе этих провинций от Польши к России, свою национальность за признание за ними законного права на эксплуатацию крестьян, подняли теперь крик, видя, что их привилегированное положение колеблется. Старые сословные перегородки, правоверное лютеранство и высасывание соков из крестьян, — вот что они называют **немецкой культурой**, во имя охраны которой должна де подняться теперь вся Европа» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма. 1947, стр. 233).

Граф Александр Кейзерлинг, пользовавшийся особым по-

¹ «Московские Ведомости», 1870 г. № 14 (17 января):

кровительством великой княгини Елены Павловны и Эдиты фон Раден, в своей переписке с дочерью и другими близкими ему лицами не находил нужным лукавить и с циничной откровенностью показывал настоящее лицо остзейского либерализма. Например, царское правительство возбудило проект обложения налогом частновладельческие леса в прибалтийских губерниях, — до этого всю тяжесть поземельного обложения несли одни крестьяне, — Кейзерлинг не протестует против предложенного проекта, он только вносит некоторые частные поправки, для рассмотрения которых ландтаг выделяет особую комиссию, и в результате противники реформ торжествуют, так как по крайней мере на три года, до очередного ландтага, все остается по-старому: «da ruhen alle Wälder!». ¹ В другой раз, потеряв веру в царя, он советовал искать политическую поддержку у русской интеллигенции. ²

По поводу таких либералов и «цивилизаторов» Вальдемар и Катков с полным основанием писали, ³ что они «тормозят в этом несчастном крае введение реформ, которые положили бы конец его неурядице и бедности его населения. Только цивилизаторы мешают цивилизации Балтийских губерний. Только торжество русской национальности, только применение к этому побережью великих реформ русского государства может избавить от бедствий население, угнетенное и разоренное чужеземными завоевателями и искусственно задержанное в своем порабощении самозванцами цивилизаторской миссии. Читатели ... знают, каковы те благодеяния германской культуры, которыми наслаждаются наши балтийские окраины, ... немецкая партия в России по своему положению в Прибалтийском крае должна быть слепым противником всякого прогресса. Есть ли что-нибудь грубее той подтасовки, посредством которой борьба наша против отживающих свой век помещичьих привилегий выставляется как борьба против германского просвещения?»

Мы видели, что еще в 1865 г. Бисмарк пытался осуществить своеобразный моральный протекторат над прибалтийскими губерниями, выступая в защиту протестантизма, а фактически охраняя остзейские средневековые порядки против посягательства на них со стороны русского правительства и общества.

После 1866 г. как победитель при Садовой, он стал более

¹ А. Keyserling, II, 173.

² Там же, стр. 570.

³ «Московские Ведомости», 1870 г. № 202 (19 сентября).

осторожным в остзейских делах и ради успокоения русского общественного мнения не ограничивался заявлениями об отсутствии у Пруссии завоевательных планов в Прибалтике и по делу Арнима нанес тяжелый удар дорогим его сердцу немецкому рыцарству и его правам. Ради обеспечения гегемонии Пруссии в германских делах и торжества прусской военщины над Францией он не призадумывался принести в жертву политические интересы своих остзейских друзей, для которых накануне франко-прусской войны наступили тяжелые дни. Не считаясь с их протестами, царское правительство приступило к открытию гимназий с русским языком преподавания сначала в Риге, потом в Таллине. Граф Александр Кейзерлинг в 1869 г., куратор Дерптского учебного округа и университета, был вынужден подать в отставку. Профессор Ширрен за «Лифляндский ответ» Самарину лишился кафедры в Дерптском университете и был вынужден эмигрировать в Германию. Еще раньше, в 1866 г., ушел с поста лифляндского губернатора Эттинген, бывший, по словам Каткова, «одним из главных коноводов остзейского рыцарства». Под давлением со стороны правительства рыцарство всех трех губерний осудило эмигрировавшего ландрата Бока, бывшего президента рижского суда — Гофгерихта, за его антирусскую публицистическую деятельность. Тогда же в 1868 г. на ландтагах дворянство против своей воли было вынуждено опротестовать деятельность всех других «враждебных России направлений писателей, подобных г. фон Боку».

В обстановке стольких политических неудач и унижений тем более тягостно было слышать заверения Бисмарка о незаинтересованности Пруссии в политических судьбах остзейцев. Несмотря на это, в 1870 г. последние переживали настоящий восторг по поводу каждой победы прусской армии над французами и праздновали провозглашение Германской империи, как свое собственное величайшее достижение. Многие при этом надеялись, что сильная империя окажет им больше помощи, нежели до этого могла оказать Пруссия, но всех их ожидало еще более горькое разочарование, чем то, которое наступило после триумфа прусского оружия над Австрией.

В первой половине 70-х гг. Бисмарк был занят исключительно заботами о том, как бы лучше обеспечить для Германии спокойное переваривание той богатой добычи, которой она разжигалась в результате удачных войн. Кошмар окружения Германии кольцом враждебных ей держав и их коалиций преследовал Бисмарка после победоносной войны над Францией. Вопреки опасениям Каткова, после франко-прусской

войны Бисмарк оказался не менее уступчивым в остзейском вопросе, чем до нее, так как по-прежнему нуждался в сохранении дружественных отношений с восточным соседом Германской империи.

За период времени от франко-прусской войны 1870 г. до заключения австро-германского договора 1879 г. известны несколько случаев, когда Бисмарк считал необходимым высказываться о своем отношении к Прибалтике. Северо-американский дипломат и историк Мотлей передает, что в разговоре с ним Бисмарк в 1872 г. заявил как о самом глупом положении, в котором оказалась бы Германия, если бы России почему-либо вздумалось подарить ей свои прибалтийские губернии.¹

К этому же времени, очевидно, относится беседа, происшедшая между Бисмарком и фон Эттингеном, бывшим ливляндским губернатором. Последний указывал, что остзейцы, несмотря ни на что, относятся к нему, Бисмарку, с великим почтением и продолжают его обожать. На это последовал ответ Бисмарка: «Я их вполне понимаю, но, несмотря на мои симпатии к балтам, абсолютно невозможно что-либо сделать для местных немцев».²

В такой же категорической форме Бисмарк в 1873 г. уверял в разговоре с известным русским государственным деятелем Петром Андреевичем Шуваловым, что Германия не намерена вмешиваться в пользу остзейских немцев по случаю проводимой правительством политики руссификации западных окраин империи.³ Три года спустя, в 1876 г., другому русскому государственному деятелю А. Абазе он даже советовал не церемониться с остзейскими старинными привилегиями, а действовать решительно и по примеру Пруссии, которая везде покончила с областными привилегиями дворянства.⁴

В 70-х гг. прекратились встречи Бисмарка с представителями прибалтийского рыцарства, не исключая даже графа Александра Кейзерлинга, который, проезжая через прусскую столицу 29 мая 1873 г., сделал весьма любопытную отметку в своем дневнике: «Берлин — пуст. С канцлером я больше не встречаюсь».⁵ В кругах прибалтийских баронов рассказывают

¹ The correspondence of John L. Motley, ed. by George William Curtis. New-York, 1889. V. II, p. 346.

² Helmut Muskat. Bismarck und die Balten. Ein geschichtlicher Beitrag zu den deutsch-baltischen Beziehungen. Berlin, 1934. S. 109.

³ Alexander von Tobien. Die Livländische Ritterschaft in ihrem Verhältnis zum Zarismus und russischen Nationalismus. Bd. I, Riga, 1925. S. 89.

⁴ Muskat, 114.

⁵ Alexander Keyserling. Bd. II, S. 31.

анекдотический случай, но типичный для Бисмарка в этот период, что на вопрос одного из остзейцев, чем они могут быть полезными для Германии, последовал краткий, но весьма разумительный ответ: «Провалиться вам всем на дно Пейпуса!». ¹

Демонстрируя полную незаинтересованность в делах российских прибалтийских губерний, Бисмарк рассчитывал на получение со стороны России признания прав Германии на Эльзас-Лотарингию, и, главное, хотел избежать хотя бы малейшего повода к обострению русско-германских отношений, чтобы не давать повода к образованию франко-русской коалиции, враждебной Германии.

Со времени франко-прусской войны «Московские Ведомости» вообще прекратили печатание статей на антинемецкие темы, а в других русских газетах лишь изредка касались положения в прибалтийских губерниях. На это обстоятельство давно обратили внимание, но обычно объясняли неправильно тем впечатлением, которое будто бы произвели на русскую прессу успехи германского оружия.

Между тем из опубликованной части воспоминаний Е. М. Феокистова ² мы узнаем настоящую причину, вследствие которой русские газеты вынуждены были отказаться от обсуждения остзейского вопроса.

По поводу декларации кн. Горчакова об отказе России от тех статей Парижского трактата, которые касались судоходства на Черном море, тогдашний министр внутренних дел А. Е. Тимашев созвал редакторов петербургских газет и прочел им строгую нотацию. Министр особенно порицал «ультрапатриотизм» Каткова и упрекал других публицистов, находя в их деятельности много предосудительного, особенно по отношению к прибалтийским губерниям и Германии.

«Не стыдно ли печати, — говорил Тимашев, — что в Остзейском крае создала она вопрос балтийский и не перестает разглагольствовать об опасностях, которые будто бы угрожают оттуда России; если бы не увлекалась она задором, то поняла бы, что менее чем двухмиллионное население Остзейского края — совершенное ничтожество сравнительно с громадными силами империи. Но она умышленно видит опасность там, где ее нет, чтобы шеголять своим патриотизмом». После этого министр внутренних дел заявил, «что Пруссия готова нас поддерживать и на будущее время, — в этом нет сомнения.

¹ Muskat. III.

² Воспоминания. За кулисами политики и литературы, 1848—1896, Л. 1929 г.

А если так, то государь не может допустить со стороны нашей печати ни малейшего порицания дружественной нам державы: если по-прежнему вы будете держаться враждебного относительно ее тона, то примите к сведению, что правительство не ограничится угрозами, а прибегнет к суровым карательным мерам». ¹

Соратник Каткова и один из его петербургских информаторов Феоктистов называет речь Тимашева «нелепой», очевидно, так же ее оценивал и сам редактор «Московских Ведомостей», но тем не менее пришлось покориться воле начальства.

Таким образом, действуя через правительство, Бисмарк добился того, что русская печать на время прекратила полемику по остзейскому вопросу.

Под влиянием Берлинского конгресса 1878 г. и еще более под свежим впечатлением заключения Австро-германского союза 1879 г. в петербургских сферах, по выражению германского посла фон Швейница, начали усиленно «französieren», ² повсюду заговорили о неизбежности войны с Германией, и все были убеждены, что после Австрии и Франции наступит очередь за Россией и что Бисмарк уже готовится нападение на нее. ³ В своих донесениях германский посол указывает на военного министра Милютина, как на одного из авторитетных источников распространения подобных взглядов. Во время своих докладов императору он постоянно возвращается к теме о том, что Бисмарк готовится захват прибалтийских губерний. ⁴ Александр III, будучи еще престолонаследником, со свойственной ему грубой откровенностью заявил своему собеседнику германскому кронпринцу, что будущая русско-германская война, если она возникнет, то только из-за прибалтийских губерний. ⁵

Бисмарк в разговоре с фон Швейницем рекомендовал энергично противодействовать «партии» Каткова и Милютина, но считал единственно реальным средством по возможности дольше уберечь искру дружбы к Гогенцоллернам, которая, как он полагал, еще теплилась в душе императора Александра II. ⁶

¹ Воспоминания. За кулисами политики и литературы, 1848—1896, Л. 1929 г., стр. 108—109.

² General von Schweinitz. Denkwürdigkeiten des Botschafters. Bd. II, Berlin 1927. S. 44.

³ Там же, II, 84.

⁴ Там же, Bd. II, S. 107.

⁵ Там же, II, 117.

⁶ Там же, II, 137.

После смерти последнего и с воцарением Александра III уже не оставалось как будто места даже для подобного рода иллюзий, но тем не менее Бисмарк, на подобие утопающего, хватался за соломинку и в сохранении самодержавного режима стал видеть единственное условие добрососедских отношений между Россией и Германией.

Когда в 1881 г. фюнг Швейниц запросил указание Бисмарка о том, что для Германии лучше: конституционная Россия или самодержавный строй, хотя бы поддерживаемый войной против Австро-Венгрии и ее союзницы Германии, то ответ гласил — «самодержавие».¹

Александр III полностью присоединился к оценке внутреннего положения России, данной Бисмарком в 1881 г. — «это до того верно и справедливо, что дай бог, чтобы всякий русский, а в особенности министры наши поняли наше положение, как его понимает князь Бисмарк, и не задавались бы несбыточными фантазиями и паршивым либерализмом», — гласит собственноручная пометка царя.

В связи с парижской речью Скобелева от Бисмарка последовало указание Швейницу,² согласно которому тот убеждал русское правительство, что агитация в духе панславизма более опасна для внутреннего положения России, чем для ее внешней политики и русско-германских отношений. Сам Швейниц был глубоко убежден, что немцы в России, в первую очередь остзейцы как лучшие из них, во имя консервативного принципа должны всеми мерами противодействовать возникновению войны с Германией.³

Гирс и Ламсдорф, как и большинство царских дипломатов остзейского происхождения, понимали безвыходность своего положения на случай русско-германской войны и поэтому со страхом наблюдали за ухудшением отношений между Берлином и Петербургом. В 1887 г. после разговора с Гирсом о русско-германских отношениях Ламсдорф занес в свой дневник: «Мы говорили с министром об ужасной катастрофе, которая разразилась бы в России в случае войны. Где искать безопасности, где уберечь какие-либо крохи для семьи!»⁴

Остзейцы как фактор дружбы и примирения политических противоречий между Берлином и Петербургом — такова уже

¹ General von Schweinitz. Denkwürdigkeiten des Botschafters. Bd. II, Berlin, 1927, S. 190 und 196.

² Там же, II, 186.

³ Там же, II, 354.

⁴ Дневник В. Н. Ламсдорфа (1886—1890), под ред. и с предисловием Ф. А. Ротштейна. М.—Л. 1926 г., стр. 15.

нам известная концепция Бисмарка в бытность его германским послом в России, но тогда, в первой половине 60-х гг., он выступал в защиту остзейских привилегий, пытался поддерживать идею морального протектората Пруссии над немцами и лютеранством прибалтийских губерний. Бисмарк в 80-х гг. не поддерживал никаких иллюзий на счет помощи со стороны Германии, и, когда в 1886 г. фон Швейниц заговорил о притеснениях «балтов» царским правительством, канцлер просто отделался молчанием.¹

В последний период правительственной деятельности Бисмарка показательным для него является сближение с немецкой политической эмиграцией из прибалтийских губерний. Наиболее ярким представителем остзейских эмигрантов вполне заслуженно считается известный Виктор Ген, покинувший в 1873 г. Россию и поселившийся в Берлине. Попутно отметим, что Виктор Ген в 60-х гг. принадлежал к остзейским «либералам», в Берлине же он окончательно уверовал в Бисмарка, а в 80-х гг. сблизился с известным Морицем Бушем, называя его «евангелистом Бисмарка»,² и стал своим человеком для компании Лотаря Бухера, Юлия Шмидта и других лиц из окружения «железного канцлера», пользовавшихся его особым доверием и посвященных в тайны германской политической кухни.

Потомок немецких крестьян, Виктор Ген не причислял себя к остзейским баронам, а рекомендовался как по происхождению, так и по положению и обычаям буржуа,³ но он всеми корнями врос в прибалтийскую почву с ее сословно-национальными предрассудками и высокомерным отношением завоевателей-колонизаторов ко всему не немецкому населению. С аккуратностью немецкого ученого В. Ген в продолжение многих лет собирал и заносил в свой дневник анекдоты, выписки из книг, а также личные наблюдения и рассказы, слышанные в кругу знакомых лиц, если они с невыгодной стороны освещали Россию и русских.

Так как В. Ген жил в Берлине как отставной чиновник за счет пенсии, получаемой от русского правительства, то только после его смерти известный Шиман, германский публицист и историк остзейского происхождения, также ставший полити-

¹ V. Schweinitz. II, 317.

² Briefe Victor Hehns von 1876 bis zu seinem Tode 23 März 1890 an seinen Freund Hermann Wichmann. Stuttgart. 1890. S. 160.

³ Там же, стр. 150.

ческим эмигрантом, решил опубликовать извлечения из упомянутого дневника,¹ который стал потом «основной догмой руссоведения в тех сферах Германской империи, которые единственно и являются там ответственными за внешнюю (да в сущности и за внутреннюю) политику государства».²

По мнению академика Е. В. Тарле, без книги Гена мы не поймем вполне точно, о чем думали и мечтали юнкерская клика и германские дипломаты, конечно, не тогда, когда ими писались официальные дипломатические бумаги или когда они выступали на торжественных приемах иностранных гостей, а когда выражали свои настоящие чувства и отношения к России и русским. Книга В. Гена стала в правящей Германии «основной догмой руссоведения».³

Она же стала потом неизсякаемым источником для фашистских **национал-социалистических** расоведов по части изображения неполноценности русского и других народов Восточной Европы. Наравне со всеми остзейскими идеологами, В. Ген, например, скорбел душою за русских помещиков, якобы обиженных в 1861 г. «деспотическим» царским правительством тем, что освободили крестьян от крепостного рабства.⁴ Наихудшею из всех реформ царствования Александра II он считал отмену телесного наказания.⁵ В интимном окружении Бисмарка и в среде его ближайших сотрудников идеи В. Гена были хорошо известны до выхода в свет «*De moribus Ruthenorum*».

Не менее ярким представителем остзейской эмиграции, близкой к правящим сферам Германии, был Юлий Экардт, автор многочисленных книг и статей по остзейскому вопросу, хорошо осведомленный о внутреннем положении России. В 1867 г. он покинул Ригу и совместно с Густавом Фрейтагом редактировал лейпцигское издание «*Grenzboten*», орган, находившийся под контролем Бисмарка и посвященный по преимуществу восточной политике Германии, ее отношениям к России и остзейскому вопросу. В нем высказывались взгляды, которые Бисмарк не мог официально отстаивать, но в то же время все были осведомлены насчет официального

¹ *De moribus Ruthenorum, Tagebuchblätter*, hrsg. v. Schieman, Stuttgart 1892.

² Е. В. Тарле, К истории русско-германских отношений в новейшее время (Русская мысль, 1914 г. № 11).

³ Там же, стр. 83.

⁴ *De moribus Ruthenorum*, S. 86.

⁵ Там же, стр. 171.

значения «Grenzboten», фактическим редактором которого был Мориц Буш, доверенное лицо канцлера.

Как показывает В. Ген,¹ почти в каждом № «Grenzboten» помещались статьи М. Буша, написанные, «хотя и без поручения» самого Бисмарка, но неизменно трактовавшие очередные вопросы международной политики в освещении, угодном канцлеру. Публицистическая деятельность Экардта и отношение Бисмарка к «Grenzboten» были настолько широко известны, что летом 1869 г., когда в печати появилось сообщение, будто Экардт назначается прусским консулом во Львов, оно вызвало в России настоящую сенсацию.² Тогда-то со стороны Экардта, то есть Бисмарка, немедленно последовало опровержение подобных, якобы «ни на чем не обоснованных слухов». Также не состоялось задуманное Бисмарком привлечение на прусскую государственную службу графа Александра Кейзерлинга, — после его увольнения с поста попечителя Дерптского учебного округа, — так как из Петербурга дали понять, что император Александр II относится весьма отрицательно к подобной политике поощрения остзейской эмиграции. К этому же времени по настоянию царского правительства известный остзейский публицист и политический эмигрант В. фон Бок лишился права убежища в Пруссии, а Экардт перенес свою деятельность на территорию «вольного имперского города» Гамбурга, формально остававшегося вне пределов власти Бисмарка.

Коренным образом изменилось отношение германского канцлера к остзейским эмигрантам во второй половине 70-х гг., то есть после военной тревоги 1875 г., когда царское правительство дало почувствовать Германии, что оно не допустит новую провокацию войны с Францией. Бывший профессор Дерптского университета, а с 1869 г. политический эмигрант К. Ширрен еще в 1874 г. получил кафедру в Кильском университете и после 1875 г. снова развернул политическую деятельность, открыто враждебную России. Пожалуй, наиболее показательной является дальнейшая политическая карьера Юлиа Экардта, который в 1879 г. стал германским подданным и в 1885 г. был принят на германскую дипломатическую службу.

В. Ген, Ю. Экардт и В. Бок в 60-х гг. были представителями остзейских «либералов», считавших необходимым проведение некоторых реформ в пользу местной немецкой буржуазии, но в то же время настроенных, по большей части, в пользу

¹ Briefe Victor Nehns..., S. 146.

² «Московские Ведомости», 1869 г. № 143 (от 1 июля).

присоединения прибалтийских губерний к Германии, — политическая программа, открыто защищавшаяся Эд. Катнером.

В 80-х гг. так называемое «либеральное» и «консервативное» направление окончательно сближаются в смысле отказа от реформ, которые признаются выгодными только для поднимающейся латышской и эстонской буржуазии. Идеалом же немецкой буржуазии, как и прибалтийского рыцарства, становится сохранение социального и правового *status quo* в прибалтийских губерниях.

Однако по отношению к политике Бисмарка в остзейском вопросе по-прежнему наблюдается некоторое расхождение между руководящими кругами рыцарства и прежними «либералами», особенно с теми из них, которые потом оказались в эмиграции. Последние охотно пошли на сотрудничество с германским правительством, и если Ю. Экардт потом приветствовал отставку железного канцлера и начало «нового курса» Каприви, то только потому, что был недоволен слишком умеренной и осторожной, по его мнению, политикой Бисмарка по отношению к России.

Остзейские бароны, напротив, опасались какого бы то ни было усиления политических трений между Германией и Россией. Оставаясь лояльными по отношению к царизму, они в 80-х гг. проявляли сдержанность к попыткам Бисмарка восстановить с ними политический контакт, существовавший в 60-х гг., но потом прерванный по воле самого канцлера. Бароны давно убедились, что из-за остзейских привилегий Бисмарк не пойдет на риск ухудшения своих отношений с Петербургом, что он не станет жертвовать интересами Германской империи ради защиты прибалтийских немцев против политики русификации, проводившейся в царствование Александра III.

В последний период своей государственной деятельности Бисмарк неоднократно пытался восстановить личный контакт с представителями прибалтийского дворянства. Так, еще в 1878 г. он написал графу Кейзерлингу, которого уведомлял о помолвке своей дочери с гр. Ранцау, но, судя по всему, между прежними друзьями тогда еще не восстановилось политическое взаимопонимание.¹ В 1885 г. гр. Кейзерлинг, как видно из его писем, по-прежнему был недоволен политикой Бисмарка и жаловался, что в Германии наблюдается равнодушное отношение к статьям остзейских публицистов и что на них гораздо меньше обращается внимания, чем на любую газетную корреспонденцию о жизни немцев в Трансильвании.²

¹ Graf A. Keyserling. II, 164.

² Там же, II, 354.

Помимо прочего, в прибалтийских губерниях сказывалось недовольство таможенной политикой Бисмарка, который в угоду прусским аграриям значительно повысил пошлину на продукты с./х. В политическом отношении остзейцы упрекали Бисмарка в том, что в Познани он проводил истребление польского языка и культуры, действуя такими средствами, которые потом служили образцом для политики Александра III в Прибалтике. «Много вреда нам причиняет проводимая в Познани тенденция по искоренению всего польского», — писал гр. Кейзерлинг 24 сентября 1887 г. «Пеняйте на Бисмарка, он первый так делает!» — ответил Кейзерлингу эстляндский губернатор кн. Шаховской по поводу жалоб на политику русификации.¹

К середине 80-х гг. обнаруживаются симптомы некоторых новых веяний в политике германского правительства по отношению к немцам в прибалтийских губерниях. Во-первых, в конце 1884 г. граф Кейзерлинг получил от Бисмарка письменное приглашение побывать у него в Варзине или Фридрихсруэ, но встреча представителя остзейцев с канцлером Германской империи тогда не состоялась. Зато год спустя германский император принял другого остзейца, Гуго Раутенбурга, и расспрашивал о политике русского правительства, попутно выражая свое искреннее сочувствие пострадавшему немецкому населению.² Во-вторых, германский посол фон Швейниц во второй половине 80-х гг. стал проявлять значительный интерес к политике царского правительства в Прибалтике и по отношению к немецкому населению в России. Причем не трудно проследить, что этот интерес усиливался пропорционально росту боязни франко-русского сближения и возможности вооруженного конфликта с Россией при одновременной войне с Францией, о чем у Швейница был разговор с германским императором на приеме 16 декабря 1887 г.³ Одиннадцать дней спустя, 27 декабря, Швейниц на эту же тему беседовал с остзейским графом Паленом и был неприятно удивлен, что тот не верил в случае войны в возможность германской победы над Россией. Остзейский немец высказал мнение, распространное в кругах русских военных, что на первом этапе войны германская армия, пожалуй, оккупирует часть территории России, но не сможет ее надолго удержать за собою и в общем итоге война окончится поражением Германии.⁴

¹ Graf A. Keyserling, II, 503

² Там же, II, 440.

³ V. Schweinitz. II, 353.

⁴ Там же, II, 365.

Швейниц определенно потерпел неудачу в своем стремлении к установлению тесного политического контакта с влиятельными кругами остзейцев. С каждым годом редели ряды его друзей и знакомых в петербургских сферах. Наконец, прибытие в Кронштадт французской эскадры в 1891 г. заставило Швейница признаться, что вся его дипломатическая деятельность в России потерпела неудачу.¹

К началу 90-х гг. остзейские бароны стали понемногу привыкать к новым административным и судебным порядкам, установившимся в результате введения русских губернских учреждений с делопроизводством на русском языке. В первое время проводимые царским правительством преобразования вызывали настоящий переполох в Прибалтике и воспринимались немецким дворянством, по выражению бывшего министра внутренних дел Валуева, как «русификация ударами кулака в лицо»,² но потом убедились, что удары наносились больше всего по латышской и эстонской культуре, и распространение знания государственного языка и насаждение русской бюрократии нисколько не угрожали социальному господству помещиков в деревне.

На основании тех же писем и дневников гр. А. Кейзерлинга можно проследить шаг за шагом любопытную эволюцию остзейских баронов в сторону примирения с реакционным режимом Александра III, который в противовес реформам 60-х гг. не угрожал им принудительным отчуждением крестьянской земли в пользу латышей и эстов или предоставлением крестьянам права на участие в общесословных органах земского самоуправления.

В 80-х гг. не либеральные реформы, а укрепление власти помещиков являлось основной целью русификации окраин. Кн. Шаховской в Эстляндии и лифляндский губернатор Зиновьев, и курляндский губернатор Сипягин показали, что они намерены идти рука об руку с рыцарством и охотно принимали сыновей баронов на должности судей и чиновников.³ При таких условиях, например, судебная реформа не казалась уже пугалом для Кейзерлинга, как он сам признается в письме от 9 января 1890 г.⁴ Хотя с уничтожением остзейской автономии была сведена почти на нет политическая роль рыцарства, но и с этим Кейзерлинг согласен был мириться и выра-

¹ V. Schweinitz. II, 427—428.

² Там же, II, 162.

³ Graf A. Keyserling, II, 551, 557, 568.

⁴ Там же, II, 573.

жал удовлетворение, что под защитой царской власти помещики могут обогащаться.¹

В политическом отношении бароны выгадывали, во-первых, на деле русификации в том смысле, что Победоносцев и Катков в 80-х гг. во имя восстановления порядка и укрепления самодержавия выступали решительно против каких бы то ни было реформ, в том числе и против реформ в прибалтийском крае. Под русификацией теперь понималось только распространение русского языка и православия. Хотя одновременно с этим были произведены некоторые улучшения в администрации и судебном устройстве, общий курс правительственной политики был враждебен латышско-эстонскому национальному движению и требованиям аграрных и других буржуазных реформ. Во-вторых, Катков порвал с Вальдемаром еще в 70-х гг., а политика русификации в духе Победоносцева и Александра III скомпрометировала в глазах народных масс надежды, возлагавшиеся до этого на царское правительство и русскую бюрократию, при содействии которых «младолатыши» надеялись избавиться от господства немецких баронов в прибалтийских губерниях.

Политические дельцы остзейцев радовались по поводу неудач ненавистных им Вальдемара и его соратников, надеясь, что вследствие этого произойдет отчуждение латышей от России, но явно просчитались. Начиная с 90-х гг., в прибалтийских губерниях стали распространяться революционные идеи марксизма, способствовавшие еще более тесному сближению народов Прибалтики с революционной Россией. Однако в 80-х гг. о подобной опасности никто еще не подозревал, и только потом остзейские публицисты и историки стали жаловаться, что русификация содействовала подготовке революции 1905 г.²

После отставки Бисмарка граф Александр Кейзерлинг принял его предложение и с 4 по 28 июня 1890 г. гостил в Фридрихсруэ.³

Письма и записки Кейзерлинга за последние годы его жизни показывают, что его размышления по поводу положения Остзейских губерний в основном совпадали с оправданием политической линии Бисмарка в прибалтийских делах. Столетние уроки истории и учет географического положения Прибалтики заставляли Кейзерлинга отбросить «нелепую, бессмыслен-

¹ Graf A. Keyserling, II, 612.

² Die Lettische Revolution. Mit einem Geleitwort von Th. Schiemann. Teil I—II. Berlin 1908.

³ Graf A. Keyserling, II, 587—588.

ную фантазию» о самостоятельном государственном существовании Остзейских провинций.¹ Такой же нелепой ему кажется мысль о присоединении их к Германской империи, так как до тех пор, пока Россия остается великой державой, она не может примириться с потерей Риги. С другой стороны, в отличие от Страсбурга и Меца, Рига в географическом отношении не является «воротами в Германию», а Курляндия, Лифляндия и Эстляндия не принадлежат к немецким землям. Политическое благоразумие поэтому подсказывает германским государственным деятелям воздерживаться от аннексии прибалтийских губерний.²

Переоценка ценностей в области внутренней политики России привела баронов к пониманию и оправданию позиции, занятой Бисмарком в 70-х гг. по отношению к царской политике в Прибалтике. На основе отрицания конституции и буржуазно-демократических реформ намечался общий язык и взаимное понимание между остзейскими баронами, правительством Александра III и Бисмарком. Кошмар революции с 1848 г. преследовал Бисмарка и в значительной мере определял его внутреннюю и внешнюю политику, особенно по отношению к России. В прусском юнкерстве и остзейском рыцарстве он видел надежную социальную опору для консервативной политики в Прибалтике.

Несмотря на целый ряд предрассудков по отношению к России и русским, типичных для прусского юнкерства, Бисмарк правильно сумел понять и оценить неисчерпаемые военные ресурсы великой восточно-европейской державы и даже под влиянием Крымской войны не поддавался мощным тогда антирусским тенденциям в прусской политике. Чувство реального всегда подсказывало «железному канцлеру» осторожный подход к остзейскому вопросу, который в период воссоединения Германии против его воли и желания приобрел значительную актуальность как из-за подъема волны немецкого национализма в прибалтийских губерниях, так и из-за возникших у русского правительства и общества опасений за целостность и сохранность прибалтийских владений России. Но следует отдать справедливость Бисмарку, что даже после Садовой и Седана он не переоценивал силы Германии и, жонглируя пятью шарами, не упускал из виду неисчерпаемую военную потенцию России. В своей политике железа и крови он принимал во внимание только силу, умел ее распознавать

¹ Graf A. Keyserling, II, 501, 569.

² Там же, II, 500.

и этим избавлял Германию от рискованных дипломатических и военных авантур.

Александр III никогда не полагался на искренность Бисмарка в его отношениях к России и не случайно «железный канцлер» заслужил от русского царя название «оберскота». Однако с именем Бисмарка связывалась определенная политическая система, в Петербурге понимали, что он был против военных авантур ради изменения границ в Прибалтике и по политическим соображениям не внимал жалобам остзейцев. Именно так объяснял фон Швейниц¹ петербургские настроения в 1890 г. по случаю вынужденного ухода германского канцлера, уступившего свое место генералу Каприви. После отставки Бисмарка и отказа германского правительства возобновить секретное соглашение с Россией Александр III сделал пометку: «Нет сомнения, перемена в политике Германии произошла, и нам надо быть готовым ко всяким случайностям».²

Так называемый «новый курс» прибалтийской политики был открыт воинственным тостом, провозглашенным Вильгельмом II на торжественном обеде 14 мая 1890 г. в Кенигсберге: германский император, поглядывая на восток, заговорил не случайно «о шпаге Восточной Пруссии», которая, как всем было понятно, своим острием направлена против прибалтийских губерний.

Прибалтийские бароны не имели основания любить Бисмарка, но начало «нового курса» открыто приветствовали лишь немногочисленные остзейские эмигранты вроде Юлия Экардта. Остальные очень хорошо понимали, что в случае русско-германской войны ничего не останется ни от их привилегий, ни от них самих. В этом лагере лояльность по отношению к царизму почиталась высшей политической мудростью: «до тех пор, пока император царствует над народом, а не народ управляет им, мы не погибнем», — писал гр. А. Кейзерлинг в 1889 г.³ Впервые в 1905 г. царизм потерял часть своей обаятельной силы для остзейцев, которые в разгар революции начали требовать иностранной интервенции, понимая под нею использование вооруженных сил Германии для подавления революции в Латвии и Эстонии. Но только во время первой мировой войны и особенно после Октябрьской революции 1917 г. в России, в результате которой бароны лишились своих

¹ Ламздорф, стр. 39.

² V. Schweinitz, II, 410.

³ Graf Keyserling, II.

имений и вместе с ними экономического господства над латышским и эстонским крестьянством, империалистическая Германия стала единственной надеждой для них, а присоединение Восточной Прибалтики к Германии — главным их политическим требованием. Расстояние, отделяющее в Прибалтике Альфреда Розенберга от графа Александра Кейзерлинга, соответствует длине пути, пройденного империалистической Германией от Бисмарка до Гитлера.

А. К. Балбер.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЛЕНИНСКО-ИСКРОВСКИХ ИДЕЙ В СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ ЛАТВИИ (1900—1904 годы)

Коммунистическая партия Латвии прошла славный путь борьбы за победу пролетарской революции и диктатуры пролетариата, за построение социалистического общества. Но прежде чем социал-демократия Латвии оформилась в такую партию, коммунисты Латвии, руководствуясь теорией марксизма-ленинизма, долгие годы вели борьбу с различными оппортунистическими течениями в латышской социал-демократии.

Предлагаемая вниманию читателя статья рассматривает начальный период истории Коммунистической партии Латвии, период борьбы революционной латышской социал-демократии за образование Латышской социал-демократической рабочей партии. В ней показано решающее влияние ленинско-искровских идей на латышских революционных социал-демократов, сумевших еще накануне революции 1905 года, создать в Латвии боеспособную революционную партийную организацию на искровских идеологических и организационных началах.

К началу XX столетия Латвия была одной из капиталистически развитых промышленных окраин России. Экономическая жизнь ее развивалась в зависимости и под влиянием развития экономики России и составляла часть единого народного хозяйства страны.

Тесные многовековые экономические и культурные связи русского и латышского народов с развитием капитализма обусловили и развитие промышленного пролетариата Латвии, как части многонационального пролетариата России.

Пробуждение классовой сознательности латышского пролетариата, вовлечение его в активную революционную борьбу, как и развитие всего рабочего движения в Латвии соверша-

лось под влиянием революционных традиций и опыта русских рабочих и рабочего движения России.

Рабочее революционное движение Латвии, возникшее в конце прошлого столетия, являлось составной частью революционного движения пролетариата всей России.

Переход капитализма в стадию империализма в царской России начала 900-х годов сопровождался крайним обострением всех противоречий в стране. Бесчеловечная капиталистическая эксплуатация усиливалась пережитками феодально-крепостнических отношений, деспотизмом царизма, национальным и колониальным гнетом. Экономический кризис 1900—1903 гг. привел к дальнейшему обострению классовой борьбы и подъему революционного движения. В стране быстро нарастала народная демократическая революция.

В борьбу втягивались и народы угнетенных национальных окраин. Латвия была одним из тех районов царской России, где противоречия экономического развития, классовая борьба и национальный гнет в начале 900-х годов достигли особой силы и остроты.

Успешной борьба народов России против самодержавия, помещиков, капиталистов могла быть только под руководством действительной марксистской партии рабочего класса. Творцом и создателем такой партии нового типа был В. И. Ленин. Разработанные Лениным идеологические и организационные начала обеспечивали создание партии социальной революции и диктатуры пролетариата.

Латышская социал-демократия, несмотря на некоторые особенности, обусловленные положением Латвии, как национальной, промышленно развитой окраины царской России, в своем развитии прошла те же основные этапы, которые были характерны для русской социал-демократии.

Распространение ленинско-искровских идей в социал-демократическом рабочем движении Латвии и борьба революционных латышских социал-демократов за их претворение в жизнь были началом борьбы за создание марксистской партии нового типа в Крае.

В середине 90-х годов прошлого века в Риге, Лиенае уже имелись рабочие марксистские кружки, занимавшиеся пропагандой марксизма и агитацией среди рабочих. Но кружки вели работу разрозненно, между кружками не существовало ни идейного, ни организационного единства.

Первая попытка создать латышскую социал-демократическую рабочую организацию была предпринята руководителями нелегальных рабочих кружков Латвии. В декабре 1896 г. со-

стоялось совещание представителей нелегальных марксистских рабочих кружков Риги и Лиепай. Совещание наметило мероприятия, которые должны были способствовать централизации пропагандистской и агитационной работы, объединению нелегальных кружков, это был первый шаг по пути создания партии. Но массовые аресты 1897 года и преследования, которые обрушились на лучших пропагандистов и организаторов рабочих кружков, сорвали осуществление планов, намеченных совещанием.

Первые латышские социал-демократические организации возникли за границей. Возглавлялись они эмигрировавшими в 1897 г. из Латвии участниками начального периода социал-демократического движения и деятелями левого крыла «нового течения». В 1898 году в мае месяце в Бостоне в Соединенных Штатах Америки оформилась Латышская социал-демократическая организация под названием «Латышский социал-демократический союз». «Союз» ставил своей задачей содействовать распространению идей социализма среди латышских рабочих, проживающих в Америке и в Латвии. «Союз» объединял 13 человек. С апреля 1898 года эта группа начала издавать печатный латышский социал-демократический журнал «Аусеклис» («Заря»). Редактором журнала и секретарем созданной социал-демократической организации был Давид Бунджа.*

В 1899 году в Лондоне оформилась социал-демократическая группа «Западно-Европейский союз социал-демократов». «Союз» объединял 15 человек эмигрантов-латышей, живших в Англии и Швейцарии. Группа начала издавать журнал «Латвиешу страдние» («Латышский рабочий»), всего вышло 8 номеров журнала. «Западно-Европейский союз латышских социал-демократов» просуществовал недолго. В 1900 году произошел раскол. От тяготевших к социалистам-революционерам и буржуазному национализму Эр. Ролава, М. Валтера и их единомышленников отделились революционные социал-демократы во главе с Розинем-Азисом и образовали самостоя-

---

* Примечание: Бунджа Давид (1871—1901 г.г.) один из первых латышских революционеров, пропагандист марксизма, организатор рабочих марксистских кружков в Латвии в середине 90-х годов. В 1897 году, преследуемый самодержавием, эмигрировал, на средства, собранные рабочими, за границу. С апреля 1898 года по апрель 1900 года был редактором первого латышского социал-демократического журнала «Аусеклис». Лишения и нужда эмигрантской жизни окончательно подорвали здоровье Бунджи. Умер Бунджа в Италии в 1901 году.

тельную заграничную группу латышских социал-демократов. Группа начала издавать вместо «Латвиешу страдниекус» свой журнал «Социалдемократс» («Социал-демократ»), первый номер которого вышел в октябре 1900 года.

Латышские социал-демократические организации, возникшие за границей, при помощи издаваемых ими печатных органов «Аусеклис», «Латвиешу страдниекус» и «Социалдемократс» содействовали распространению идей марксизма вширь и возникновению социал-демократических кружков в Латвии. Но оторванные от рабочего класса, повседневной его борьбы и жизни, они не могли оказать заметного влияния на развивающееся рабочее движение Латвии.

Майские события 1899 года в Латвии показали, что существовавшие разрозненные социал-демократические кружки неспособны возглавить стихийную борьбу рабочего класса. Передовые рабочие Латвии с особой силой почувствовали необходимость объединения, создания рабочей партии, способной организовать пролетариат и руководить его борьбой.

Первая социал-демократическая организация Латвии возникла в 1899 году. В августе месяце состоялась конференция представителей 15-ти существовавших в Риге латышских социал-демократических кружков. Конференция оформила Рижскую латышскую социал-демократическую организацию и создала руководящий центр, — Рижский комитет, которому поручила руководство работой всех существующих в Риге кружков и руководство политической и экономической борьбой рабочих.¹

Летом 1901 года образовалась в результате объединения существовавших в Лиепае социал-демократических кружков Лиепайская социал-демократическая рабочая организация, которая создала свой центр — Лиепайский комитет. В конце 1901 г. возникла социал-демократическая организация в Вентспилсе и был создан Вентспилсский комитет. Весной 1901 г. в Елгаве оформилась так называемая «Курземская группа латышских социал-демократов», объединившая интеллигентские и рабочие социал-демократические кружки Елгавы. В марте 1902 г. была создана социал-демократическая организация в Талсах, в нее вошли кружки, существовавшие в Талсах и окружающих сельских районах.

Все эти социал-демократические организации не были объединены в единую партию, не имели единой программы, не подчинялись единому центру.

¹ «Советская Латвия», 26 февраля 1949 г.

Описывая состояние латышской социал-демократии в 1901 году латышский журнал «Социал-демократ» писал, что у латышей нет еще социал-демократической партии, существуют лишь отдельные нелегальные социал-демократические кружки, которые занимаются распространением учения социализма среди рабочих и доставкой нелегальной литературы. Серьезной помехой на пути к созданию единой латышской социал-демократической партии, указывалось в статье, являлось отсутствие ясной программы борьбы, четких организационных принципов. При существующем положении, писал «Социал-демократ», нет авторитетной организации, ее власти, которая ограничила бы поле деятельности для каждого члена организации, обеспечила бы преемственность в работе организации¹.

Кроме латышских социал-демократических организаций, проводивших работу главным образом среди латышского пролетариата, в это время в Риге возникли и оформились как самостоятельные организации: рижская группа Российской социал-демократической рабочей партии и Рижская организация «Всеобщего еврейского рабочего союза» (Бунда).

Рижская группа РСДРП образовалась осенью 1901 года, она объединила русских рабочих социал-демократов и русский марксистский студенческий кружок, в деятельности которого активное участие принимали студенты Рижского политехнического института С. Шаумян и В. Кольшкевич. Рижская социал-демократическая группа РСДРП была искровской организацией, а после II съезда РСДРП она без колебаний присоединилась к ленинскому большинству съезда. О первых шагах деятельности Рижской русской группы в 1901 году «Искра» писала, что группа впервые начала широкую агитацию среди многочисленных в Риге русских рабочих, что в изданной прокламации группа призывала русских рабочих к политической борьбе, объединению в этой борьбе с рабочими других национальностей, обитающих в России.²

В начале 900-х годов социал-демократы Латвии вместе со всей русской социал-демократией переживали период разброда, шатаний, кустарничества и кружковщины. Наличие в Риге трех обособленных национальных социал-демократических организаций, которые в своей работе почти не выходили из рамок национальности, еще более усиливало кружковщину, идейный и организационный разброд.

¹ Журнал «Socialdemokrats», № 4, 1901. г.

² «Искра», № 11 от 20 ноября 1901 г.

Выход из создавшегося положения революционным социал-демократам указал В. И. Ленин в разработанном им плане построения марксистской партии.

*

В эпоху империализма и пролетарских революций рабочему классу, учил Ленин, необходима партия, способная руководить революционной борьбой пролетариата и трудящихся масс за победу пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Создать такую партию в России в условиях, когда в партии господствовали идейный разброд, шатания, кустарничество и кружковщина, можно было только создав общерусскую политическую газету. Инициатором и создателем такой газеты был В. И. Ленин. Первый номер ленинской «Искры» вышел в декабре 1900 года.

Под руководством В. И. Ленина «Искра», творчески развивая революционную теорию марксизма, повела непримиримую борьбу с идеологией оппортунизма по всем принципиальным вопросам теории и практики. Решительно отмежевываясь от «экономистов» и всех других оппортунистов, «Искра» спланивала идейных единомышленников. Газета стала центром объединения партийных сил, подготовки партийных кадров, сплочения их в общерусскую централизованную партию. Была создана сеть агентов, установившая тесные связи редакции «Искры» с местными социал-демократическими организациями. В том числе связь была установлена и с Ригой. Рига была в числе тех городов, где постоянно находились агенты «Искры», поддерживавшие связь с редакцией, с В. И. Лениным.

Переписка редакции «Искры» с агентами в Риге — один из примеров, характеризующих ту огромную организационную работу, которую выполняла «Искра», как коллективный организатор партии. В этой переписке много места уделено вопросам организации транспорта «Искры» через Ригу в Россию. Вместе с тем редакция «Искры» глубоко интересовалась состоянием партийной работы местных организаций, настроениями рабочих, вопросами снабжения литературой. В письме от 14.II.1902 года редакция «Искры», выражая радость по поводу установления связи с Ригой, просила своих агентов сообщить, как ведется местная работа, имеют ли агенты «Искры» систематические связи с местным комитетом социал-демократии и что он из себя представляет.

Секретарь «Искры» Н. К. Крупская просила агентов «Искры» рижской группы сообщить в редакцию о внутренней

жизни социал-демократической организации: какие ведутся занятия с рабочими, что читают рабочие, как относятся к прочитанному, какие возникают вопросы. Просила сообщить, как ведется пропаганда среди других слоев населения. В письме разъяснялось, что вопросы организации местной работы возникли повсюду, поэтому необходимо, чтобы товарищи с мест делились опытом своей работы. Это даст возможность «Искре» обобщить этот опыт и выработать общий план действий. Редакция «Искры» интересовалась также состоянием работы среди национальной социал-демократии и спрашивала, как относится к «Искре» латышская социал-демократия.¹

Письма редакции и ответы агентов в редакцию, освещавшие состояние местной партийной работы указывают, что редакция «Искры» с помощью своих агентов была не только связана с местными социал-демократическими организациями, но была в курсе всей партийной жизни на местах. Это давало возможность редакции, ее руководителю В. И. Ленину на страницах «Искры», обобщая положительный опыт марксистов и критикуя недостатки, осуществлять единое централизованное руководство работой партийных комитетов.

Наряду с «Искрой» огромная роль в деле идейного разгрома «экономистов» и вооружения Российской социал-демократии идеологическими и организационными основами революционной марксистской партии принадлежит таким работам В. И. Ленина как «Задачи русских социал-демократов», «Что делать?», «Письмо к товарищу о наших организационных задачах».

Теоретические и организационные положения, изложенные в работах В. И. Ленина и пропагандировавшиеся «Искрой», получили широкое распространение в России. Ими руководствовались революционные социал-демократы на местах в борьбе против оппортунизма «экономистов», против кружковщины, за создание централизованной партии. Широкое распространение они получили и среди революционных социал-демократов национальных окраин России, в том числе среди латышской революционной социал-демократии.

«Искра», работы В. И. Ленина, как и другая нелегальная марксистская литература, попадали в Латвию различными путями. Ее завозили с транспортом литературы, которые шли через Лиенаю, Ригу и западную сухопутную границу по территории Латвии в Россию, ввозили ее и русские революцио-

¹ Партархив при ЦК КПСС, ф. 24, опись 4—1—1, ед. хр. 1431 лист 4, 6, 8.

неры-искровцы, часто посещавшие Ригу в связи с партийными заданиями. Исковскую, ленинскую литературу получала и существовавшая в Риге группа Российской социал-демократической рабочей партии.

С самого начала налаживания транспорта «Искры» в Россию один из путей шел через Латвию. В его организации вначале принимали участие Э. Ролав и Скубикис — цюрихские студенты-латыши, эмигрировавшие из России. Но транспортная группа была вскоре выслежена агентами жандармерии, и первый же транспорт, отправленный в январе 1901 года, был захвачен жандармами близ станции Приекуле в усадьбе Спруде. Весь транспорт — 7 тюков, из них 6 с литературой на русском языке и 1 на латышском, весом около 8 пудов, — был конфискован.

Среди 4950 экземпляров, захваченной жандармами литературы, имелись: первый номер «Искры», работы В. И. Ленина «Задачи русских социал-демократов», «Объяснение закона о штрафах», «Новый фабричный закон»¹. По поводу этого провала В. И. Ленин писал:

«Теперь о цюрихчанах-латышах. Не знаю слышали ли Вы, что улаженный с их помощью транспорт провалился окончательно: 3000 Искры (№ 1) взято полицией, захватившей и контрабандиста».²

Транспорт с «Искрой» № 2 прошел этим путем благополучно. «Искра» № 2 была направлена в количестве 1 тысячи экземпляров в Полтаву и распространена на юге России.³

Но вскоре один из последующих транспортов вновь был выслежен жандармами и летом 1901 г. перехвачен у границы около местечка Паланген. При этом провале погибло 7 пудов нелегальной литературы, которой так жаждали партийные организации России. В лапы жандармерии попали: «Искра» № 2 — 900 экзempl., «Искра» № 4 — 875 экземпляров и 228 экземпляров журнала «Заря» № 1 с работой В. И. Ленина «Случайные заметки»⁴.

Прошло несколько месяцев, прежде чем удалось вновь наладить этот путь пересылки «Искры» в Россию. Одно время

¹ Центр. Гос. Архив Минист. Внутр. дел Латв. ССР, ф. 323, дело 51, лист 7.

² Ленинский сборник, III, изд. II-е, Ленинград, стр. 164.

³ Сборник «Государств. Музей революции СССР» № 1. Г. Фаерман — Транспортировка «Искры» из-за границы и распространение ее в России в 1901—1903 годах, стр. 66, Изд. М., 1947 г.

⁴ Центр. Госуд. Арх. Министерст. Внутр. дел Латв. ССР, фонд 323, дело 51, лист 108.

агентом «Искры» в Риге работал М. М. Литвинов, ведавший приемом транспорта. Он организовал склады, передаточные пункты, имел связи с контрабандистами в нескольких местах, а переправлявшими литературу через границу. Путь был налажен и действовал регулярно. Перебои начались в связи с арестом Литвинова в 1902 году. Позднее путь через Ригу и Лиеняю вновь был налажен агентами, созданного в России транспортного бюро. Последние снабжали искровской литературой «Северный Союз РСДРП», объединявший социал-демократические организации Владимирской, Ярославской и Костромской губерний. В непродолжительное время этим путем было перевезено 45 пудов литературы.¹

В письме от 8. VI 1903 года рижская группа агентов «Искры» сообщала секретарю редакции «Искры» Н. К. Крупской о получении транспортов литературы количеством более 30 пудов. Среди другой литературы здесь имелись номера «Искры» с 33 по 38. Агенты писали, что только за последние 2 месяца из полученной литературы 1 пуд оставлен на месте, а 14½ пуда разосланы по комитетам. В этом и другом письме рижская группа агентов «Искры» указывала о массовых заявках с мест на брошюру В. И. Ленина «К деревенской бедноте»².

Активное участие в получении транспортов литературы из-за границы и переправке их дальше принимала рижская группа РСДРП, работавшая в тесной связи и под руководством агентов «Искры». Для этих целей рижская группа держала особую квартиру, где хранила и производила переупаковку полученной литературы. Так, например, летом 1903 года в Ригу прибыл большой транспорт литературы, состоявший из номеров «Искры», «Зари», работы В. И. Ленина «Что делать?», «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса и др. Для приема транспорта была снята членом рижской группы Эмилем Липхардом, «Емельяном», специальная квартира за Двиной. Литература туда была доставлена крестьянами на возах. Часть литературы осталась в Риге, остальная по почте была направлена в другие города России.³

Распространением оставшейся на месте искровской большевистской литературы занималась рижская группа, а позд-

¹ Сборн. Гос. Музей революции № 1, изд. М., 1947.

Е. Файерман. Транспортировка «Искры» из-за границы и распространение ее в России в 1901—1903 г.г., стр. 71, 82.

² Партархив ЦК КП Латвии, фонд 200, оп. I, дело 23, л. 37.

³ «Revolucionarās cīņās kritušo piemiņas grāmata», II sēj. 1907—1917. Москва, 1936 г., стр. 219—221.

нее Рижский Комитет РСДРП и латышская социал-демократическая организация. Так, например, за 6 месяцев 1904 года Рижский Комитет РСДРП распространил 4½ пуда нелегальной литературы вместе с листовками, в том числе 1 пуд «Искры» от 4 по 42 номер.¹

Помимо транспортов, «Искра» и искровская литература засылалась в Латвию отдельными экземплярами. Так, в ноябре 1903 года на границе, на пропускном пункте местечка Паланген была задержана местная жительница с тремя номерами газеты «Искра» (№№ 48, 49, 50). Пакет с печатью редакции «Искры» был адресован в ближайшую от Палангена почтовую контору в Пруссии, где и был взят местной жительницей.² Видимо это был обычный способ доставки подобных пакетов и являлся осуществлением тех указаний, которые давал В. И. Ленин еще в 1901 г. Разрабатывая план доставки «Искры» в Россию, В. И. Ленин указывал и на такой способ, как перенос корреспонденций местными жителями при частых переходах через границу.

В письме Н. К. Крупской и В. И. Ленина к Х-у от 5.VI 1901 г. указывалось на желательность поселения, напр., частного практикующего врача-искровца в Палангене; «...у нас в тех местах есть связи с нерусской стороны, есть и свой склад, изучить местные условия (там надо бы знать языки латышский и немецкий, но может быть можно обойтись и так), поставить себя в хорошие отношения к маленьким местным чинам и приучить их к частому переходу границы. При таком частом переходе можно будет переносить (на теле или в чемодане по нашему способу...) понемногу по нескольку фунтов литературы. Нам особенно важно, чтобы переносили регулярно и часто, хотя бы и очень понемногу».³

Удалось ли поселить в Палангене врача-искровца, мы не знаем. Но выше приведенный факт подтверждает, что склад и связи в Пруссии, указанные Лениным были использованы и действовали еще в 1903 году.

«Искра» систематически поступала в Латвию также непосредственно по почте в адрес отдельных лиц. Агенты «Искры», проживавшие в Риге, регулярно сообщали редакции о действующих адресах и о получении в Риге очередных номеров «Искры». В письме от 30 X 1902 г. сообщалось в редакцию, что в Риге получены экземпляры «Искры» № 24 и

¹ Proletariskā revolucija Latvijā, т. I, стр. 758, Москва 1924 г.

² Центр. Госуд. архив Минист. Внутренних дел Латв. ССР, ф. 484, оп. I, д. 40, л. 2, 15.

³ Ленинский сборник, т. VIII, стр. 152.

25. В письме от 29.XII сообщалось, что данные адреса действуют и получены три экземпляра «Искры» № 27 и по два экземпляра № 28 и 29. Такие же сведения имеются о получении двух экземпляров «Искры» № 31 и некоторых других номеров.¹

Помимо искровских организаций, занимавшихся транспортом ленинско-искровской литературы в Россию, ввозом нелегальных изданий занимались и различные так называемые «социалистические» организации и группы. Через них в Латвию шла из-за границы оппортунистическая литература либерально-националистического направления.

Но, как показывают факты, и в этих транспортах часто встречалась марксистско-ленинская революционная литература, быстро расхваченная среди рабочих и революционной интеллигенции. Так, например, в транспорте, провалившемся в январе 1903 года на границе Курляндской губернии, наряду с бернштейнианской и бундовской литературой были номера «Искры» с 15 по 23 и с 25 по 30 номер, несколько экземпляров журнала «Заря» № 1, работы В. И. Ленина «Новый фабричный закон», «Объяснение закона о штрафах», «Задачи русских социал-демократов», «Что делать?», работы Маркса и Энгельса: «Восемнадцатое брюмера», «Наемный труд и капитал», «Развитие научного социализма».² По насыщенности ленинско-искровской литературой Латвия в то время была одним из передовых районов России. Несмотря на ряд провалов, в руки жандармерии и полиции попадало очень незначительное количество революционной литературы; основная масса ее попадала непосредственно к своему рабочему читателю.

Ленинскую «Искру» знали в Латвии передовые рабочие, интеллигенты-марксисты, она проникала в сельские районы и воинские части. Раскрытый жандармами в 1902 году социал-демократический кружок рабочих в Риге имел в своем распоряжении «Искру», при обыске у члена кружка была найдена «Искра», № 14 за 1902 год.³ У члена раскрытого социал-демократического кружка студентов в Риге при обыске была обнаружена «Искра» № 4, гектографированная рукопись статьи из «Искры» № 14.⁴ Рабочие завода Пола, направляя неле-

¹ Партархив при ЦК КПСС, фонд 24, опись 4-Н, ед. хр. 1431, стр. 5, 7, 8.

² Центр. Гос. Архив Министерства Внутр. дел Латв. ССР, ф. 9, дело 36, л. 467.

³ Центр. Гос. Архив Минист. Внутр. дел Латв. ССР, ф. 323, дело 79, л. 408.

⁴ Центр. Гос. Архив Минист. Внутр. дел Латв. ССР, ф. 323, дело 64, л. 12.

гальную литературу в местечко Якобпилс и прилегающие сельские районы, наряду с листовками и агитационной литературой на латышском языке, отправляли туда и «Искру», № 29.¹

Корреспондент «Социал-демократа» рассказывает, как погиб номер «Искры» в крепости «Усть-Двинск». Солдат, сидя на кухне у огня, читал «Искру». К нему подкрался взводный и пытался вырвать газету. Солдат, не желая отдать газету, но не имея права сопротивляться начальнику, бросил газету в огонь.² О ленинской газете «Искра» знали даже в отдаленных сельских районах Латвии, например, в Талсах не только знали о существовании «Искры», но среди жителей ходили слухи, что талсинская почтовая контора еженедельно получает ее.³

«Искру» и ленинские работы знали и читали латышские социал-демократы. На занятиях пропагандистов латышской социал-демократии города Риги регулярно читались вслух и обсуждались передовицы из «Искры», также была прочитана и обсуждена работа В. И. Ленина «Что делать?», а затем ленинско-искровские идеи разносились пропагандистами по заводам и фабрикам Риги.⁴ Отдельные статьи из «Искры» перепечатывались и распространялись среди рабочих.

Ленинские идеи помогли революционным латышским и русским социал-демократам Латвии развернуть борьбу против оппортунистической идеологии «экономистов», против раздробленности и кустарничества за создание марксистской партии.

Идеология оппортунизма была довольно широко распространена среди пролетариев Латвии. Наибольший успех и сочувственное отношение имели бернштейнские идейки у части квалифицированной верхушки рабочих. Они признавали только экономическую борьбу, о революционной политической борьбе не хотели и слышать, к нелегальной революционной работе относились отрицательно, плелись в хвосте стихийного рабочего движения.

Идеологией «экономизма» были заражены и наиболее отсталые слои рабочих, не затронутые социал-демократической пропагандой.

Латышским «экономистам», как и всему «экономизму»

¹ Центр. Гос. Архив Мин. Внутр. дел Латв. ССР, ф. 323, ед. хр. 254, л. 13.

² Socialdemokrats Nr. 26, 1904. g.

³ Центр. Госуд. Архив Мин. Внутр. дел Латв. ССР, фонд 484, дело 32, лист 198.

⁴ Proletariskā revolucija Latvijā, Maskava, 1924. g. 307. lpp.

были присущи: тред-юнионистское понимание политики и преклонение перед стихийностью рабочего движения. Недооценивалась руководящая, организующая роль партии рабочего класса. Превознося успехи английских тред-юнионов, латышские «экономисты» утверждали, что когда все профсоюзы мира объединятся в одну организацию, это будет власть во власти, ей достаточно будет сказать слово и современный эксплуататорский строй исчезнет. Эти рассуждения подкреплялись ссылками на «опыт» английского рабочего движения. Утверждалось, что английский пролетариат, опираясь на мощные тред-юнионы, будто бы получил в 1875 г. такие политические свободы, что отпала необходимость в дальнейшем вести политическую борьбу, так как правительство Англии, якобы уже не давит и не гнетет рабочих.¹

Эти измышления, не имевшие ничего общего с действительностью и с марксизмом, пропагандировавшиеся прислужниками буржуазии в самой Англии, проникали и в Латвию, развращали сознание пролетариата, умаляли значение политической партии рабочего класса, отрицали руководящую роль ее в борьбе.

Всю политическую борьбу латышские «экономисты» сводили к парламентской борьбе за местечки и призывали пролетариат Латвии учиться «опыту» у рабочих Запада, успешно идущих к социализму путем реформ.¹

В годы кризиса в обстановке начавшегося мощного подъема рабочего движения «экономисты», не отрицая полностью политической борьбы пролетариата, призывали рабочих продолжать борьбу, рекомендовали использовать уличные демонстрации в целях завоевания у царского правительства политических прав и реформ, для улучшения экономического положения пролетариата. Всю политическую борьбу сводили к борьбе за непосредственные экономические интересы рабочих.² Такое сужение лозунгов политической борьбы в массовых политических демонстрациях накануне революции отвлекало внимание рабочих от подготовки сил для осуществления основной ближайшей политической задачи — задачи свержения самодержавия. Пропагандировавшаяся латышскими «экономистами» политика была тред-юнионистской, а последняя, как указывал В. И. Ленин, всегда является политикой реформистской, буржуазной.

Латышские оппортунисты, подобно русским «экономистам»,

¹ Socialdemokrats — Nr. 1, 1900. g.

² Socialdemokrats — Nr. 3, 1901. g.

преклоняясь перед стихийностью, принижали организующую преобразующую силу революционной теории и отрицали необходимость внесения теории социализма в рабочее движение.

Борьбу против оппортунистической идеологии латышских «экономистов», бернштейнцев революционные латышские социал-демократы начали еще во второй половине 90-х годов. Первым в латышской печати поднял голос против оппортунизма Д. Бунджа, выступивший в мае 1899 г. с критической статьей в журнале «Аусеклис». Статья была направлена против редакторов и издателей брошюры «Долой с «молодыми».¹ В брошюре утверждалось, что «молодые» якобы и есть социалисты-коммунисты. В своей статье Бунджа указывал, что содержание изданной книжки не совместимо с международным учением социализма. Разоблачая заявление автора брошюрки, что современное общество уже вступило в коммунизм, Бунджа писал, что рабочий класс такого коммунизма, где вся жизнь — рабство и эксплуатация трудящихся масс, не желает. Борцы научного социализма пойдут за призывом «пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и, руководствуясь научной теорией коммунизма, будут бороться за победу социализма.²

Наибольшего размаха достигла борьба с идеологией оппортунизма в первой половине 900-х годов и закончилась поражением «экономизма». Эту победу революционные латышские социал-демократы одержали, руководствуясь разработанными ленинской «Искрой» идейными и организационными началами. Свое принципиальное резко отрицательное отношение к экономизму и солидарность с ленинской «Искрой» выразила революционная латышская социал-демократия в лице представителей Комитета Прибалтийской Латышской социал-демократической рабочей организации вместе с Рижской группой РСДРП, в своем заявлении, напечатанном в «Искре» от 15 декабря 1902 года.

Авторы заявления, разоблачая «экономистов», окопавшихся в Петербургской социал-демократической организации и выступивших от имени так называемого «Комитета рабочей организации», писали, что для «Комитета», как и для печальной памяти авторов «сredo», социал-демократия не революционная политическая партия, а тред-юнионистическое бюро, обслужи-

¹ Брошюра «Долой с «молодыми» являлась переработкой немецкой брошюрки, была переведена на латышский язык и издана редакцией «Латвиешу страдникс» в 1898 году. Оппортунистическая, извращающая учение марксизма брошюра была направлена в Латвию для использования ее в агитационных целях.

² Auseklis Nr. 5, 1899. g.

вающее исключительно нужды рабочего движения, «Комитет» воскрешает самый грубый «экономизм». «И это в момент обострения революционной борьбы, когда рабочие массы рвутся в бой за свободу, когда по всей России то и дело раздаются раскаты грома народного негодования и до боли ощущается отсутствие и необходимость крепкой революционной организации, которая могла бы явиться руководителем этого всенародного движения».¹

Рижские социал-демократы указывали, что всякая попытка совлечь рабочий класс с пути социал-демократического движения на путь тред-юнионистской борьбы является вредной. «...мы считаем своим долгом, — писали авторы заявления, — выразить наш протест и самое решительное осуждение тактики и принципиальных организационных взглядов «Комитета рабочей организации».²

Авторы заявления, отмечая успешную борьбу революционных марксистов по разоблачению «экономистов» и объединению сил для создания партии, указывали, что в этой борьбе не последнее место занимает «деятельность организации «Искры», не мало содействующей делу объединения наличных сил и подготавливающей для него почву своей энергичной все-русской агитацией».³ Обязанностью каждой социал-демократической группы, указывалось в заявлении, является положительное содействие делу объединения и создания единой революционной партии.

Борьба против идеологии оппортунизма нашла свое отражение и на страницах печатных латышских социал-демократических журналов. «Латвиешу страдникс», а затем «Социал-демократ» печатали статьи, пропагандировавшие марксизм и воспитывавшие пролетариат в духе социал-демократической сознательности и необходимости политической борьбы для свержения самодержавия. В них латышские социал-демократы призывались к объединению и созданию централизованной строго конспиративной партии. Но наряду с такими статьями на страницы журналов проникали и оппортунистические статьи, пропагандировавшие идеологию бернштейнианства и «экономизма». Это свидетельствовало о том, что в редакции «Социал-демократа» не было полного единства во взглядах по идеологическим и организационным вопросам, что не все ра-

¹ «Искра» № 30, от 15 декабря 1902 г.

² Там же.

³ Там же.

ботники редакции поняли и признали ленинско-искровские идеи и принципы построения марксистской партии.

На страницах журнала «Социал-демократ» развернулась дискуссия по вопросу о роли революционных идей в рабочем движении. В одной из статей, напечатанных в журнале, автор ее, революционный марксист Пелуде, используя работу В. И. Ленина «Что делать?», разоблачает латышских «экономистов», их попытку свести всю борьбу рабочего класса только к экономической борьбе, за непосредственные жизненные интересы рабочих. В статье указывалось, что если бы принципы социал-демократии были тождественны непосредственным материальным интересам и потребностям рабочих, то в социал-демократической программе было бы одно мерило — какую материальную выгоду получит рабочий класс от каждого выдвинутого требования. Но это позиция не социал-демократической партии, а английских тред-юнионов, это не революционная политика, а так называемая «реальная политика» удовлетворения материальных интересов.

Социал-демократическая партия не отказывается, писал автор статьи, от борьбы за улучшение материального положения рабочих; но она не забывает, что главная, высшая цель — это борьба за победу социалистического порядка. Принципы социал-демократической партии стоят выше не только материальных интересов каждого отдельного рабочего, но они шире и не покрываются интересами одного класса. Социал-демократия выступает против гнета и насилия самодержавия тогда, когда оно направлено против рабочего класса и когда от этого гнета страдают другие классы общества. Социал-демократическая партия ведет борьбу за создание такого общественного и государственного порядка, где весь народ мог бы вести нормальный образ жизни, она борется за осуществление в будущем не только материального благосостояния эксплуатируемых, но и за освобождение их от современного духовного рабства.

Марксисты, писал автор статьи, никогда не отрицали, что принципы (идеи) находятся в тесной связи в жизнь и порождаются ею. Но на этом основании нельзя отождествлять принципы и программные требования социал-демократии с повседневными материальными интересами пролетариев, первые всегда важнее и стоят выше последних¹.

Защищая марксистско-ленинское положение о преобразующей роли революционных идей в общественном развитии, Пе-

¹ Socialdemokrats, Nr. 28., 1904. g.

луде указывал на ошибку, допущенную в этом вопросе редактором «Социал-демократа» Ф. Розинем. Последний, как писал Пелуде, берет у Маркса первую часть формулы, что не теории и идеи изменяют способ производства, а изменение последнего изменяет теории и идеи, но забывает вторую часть марксовой формулы об обратном воздействии идей на развитие общественной жизни. Пелуде приводит ряд высказываний Маркса и Энгельса по этому вопросу и делает вывод, что тот, кто забывает эту вторую часть формулы Маркса, извращает марксизм. Если бы все изменения в обществе механически вырастали из хозяйственной жизни, то совершенно излишними были бы все политические и юридические разъяснения трудящимся массам, излишними были бы все политические требования и стремления социал-демократии; в таком случае надо все брошюры и листовки отправить в печку, сложить руки и спокойно ждать. Маркс и Энгельс не ограничились, писал Пелуде, установлением положения, что в основе изменения общества лежит изменение орудий производства, а взялись за просвещение классового сознания пролетариата. Признавая активную, преобразующую роль идей в общественном развитии, Пелуде указывал, что эти идеи научного социализма не рождаются сами в народных массах из хозяйственных условий, а приносятся в рабочее движение извне. В подтверждение Пелуде приводит выдержку из книги В. И. Ленина «Что делать?»:

«... социал-демократического сознания у рабочих и не могло быть. Оно могло быть принесено только извне. История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское... Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией.»¹

Основываясь на высказываниях В. И. Ленина, Пелуде указывал, что нельзя ждать, пока изменения жизни в царской России механически вырастут из хозяйственной жизни, на помощь рабочему должны прийти агитаторы, политические просветители и зажечь его классовое сознание.

Революционная латышская социал-демократия, руководствуясь ленинско-искровскими идеями, на практике проводила большую работу по воспитанию политической сознательности и активности рабочих, по внесению политической сознатель-

¹ Socialdemokrats Nr. 28 — 1904. g.

ности в стихийное рабочее движение. Первым практическим результатом борьбы с «экономизмом» и кустарничеством в Латвии явилось объединение четырех самостоятельных существовавших латышских социал-демократических организаций и создание «Прибалтийской латышской социал-демократической рабочей организации» (ПЛСДРО).

В апреле 1902 года в Риге состоялась объединенная конференция, на которой присутствовали представители Рижской, Лиепайской, Вентспилской и Талсенской социал-демократических организаций. Обсудив организационные вопросы, конференция приняла решение об объединении вышеуказанных социал-демократических организаций, в которых насчитывалось до 1000 членов, в одну партийную организацию под названием «Прибалтийская Латышская социал-демократическая рабочая организация». Был создан единый центр объединенной организации — «Комитет», которому было поручено руководство всей работой объединенных местных организаций. Конференция утвердила печатным органом созданной организации выходивший за границей журнал «Социал-демократ» и признала его редакцию своим представителем за границей.¹

Серьезных успехов в борьбе с «экономизмом», кустарничеством и кружковщиной достигла рижская группа РСДРП. В период борьбы с «экономизмом» Рижская группа выступала как искровская организация, отстаивая ленинско-искровские идеи. К 1903 году Рижская русская организация сумела преодолеть существовавшую раздробленность среди членов РСДРП в Риге. Две самостоятельные социал-демократические группы объединились в одну организацию. Были установлены связи с рядом заводов, созданы новые социал-демократические кружки среди русских рабочих. Началась оживленная кружковая работа. Таких рабочих кружков, которыми руководили пропагандисты-интеллигенты, к весне 1903 года имелось 6. Кроме этих кружков, были кружки рабочих, в которых агитационную работу проводили развитые рабочие агитаторы, таких рабочих-агитаторов насчитывалось до 35 человек. Кроме рабочих кружков, в организацию входили два кружка интеллигентов, в которых систематически проводились чтения по организационным и тактическим вопросам.²

В письме в редакцию «Искры» агент «Искры» из Риги, характеризуя состояние местной русской социал-демократической организации, писал, что она создана и работает по типу

¹ «Советская Латвия» от 26 февраля 1949 г.

² «Искра», сентябрь 1903 года, № 47.

Петербургского Союза, читаются лекции, выдается литература. Организация ставит своей целью работу во всех слоях общества.¹

В начале 1904 года Рижская группа оформилась как Рижский Комитет РСДРП, из искровской группы выросла стойкая большевистская организация. Первые успехи, достигнутые социал-демократами Латвии в преодолении кустарничества и кружковщины, далеко еще не означали окончания борьбы с «экономизмом» и его идеологией.

Идейными вдохновителями и защитниками разброда и раздробленности выступили лидеры «Курземской группы латышских социал-демократов». Группа возглавлялась Калнинем П. и Калнинем К. (будущими лидерами латышских меньшевиков) и была связана с латышской эмигрантской группой националистически-эсеровского толка Ролава и Валтера.

В ПЛСДРО «Курземская группа» не вошла и проводила раскольнические действия, направленные на разрушение созданной партийной организации, на раскол единства рабочего класса. «Курземская группа» сумела распространить свое влияние на ряд рабочих социал-демократических кружков в Елгаве, Лиепаве и Риге. Агенты группы вели свою агитацию среди рабочих и создавали свои кружки на предприятиях, пытаясь противопоставить эти кружки и свою группу существующей социал-демократической рабочей организации. Выпускали свои обособленные листовки и обращения к рабочим. Лидеры «Курземской группы» стремились к захвату руководства всей партийной организацией, к подчинению ее своему кружку. Когда это не удалось, они, цепляясь за старые эмигрантские споры и склоки о заграничной типографии и прикрываясь ими, срывали все начинания по объединению существующих латышских социал-демократических организаций.

Прибалтийская латышская социал-демократическая рабочая организация, руководствуясь ленинско-искровскими идеями, развернула широкую воспитательную работу в социал-демократических кружках и рабочем классе, разъясняя на конкретных фактах вред той раздробленности и разброда, которые еще имелись в партии. В социал-демократических кружках, среди рабочих росла тяга к сплочению, усиливались требования объединения. Характерно, что в самой «Курземской группе» не было единства, здесь существовала оппозиция по отношению к руководству, отстаивавшая идею создания централизованной партии. С пополнением рядов «Курземской группы»

¹ Партархив при ЦК КПСС, фонд 24, опись 4-Н, ед. хр. 1431, л. 6.

новыми членами из рабочих эта оппозиция усилилась. В сентябре 1903 года главные защитники раздробленности и кустарничества — Калныни вынуждены были эмигрировать за границу. Это изменило соотношение сил внутри группы, победу одержали здоровые революционные элементы, и скоро было достигнуто соглашение об объединении Прибалтийской латышской социал-демократической рабочей организации и «Курземской группы латышских социал-демократов» в единую партийную организацию.

Одновременно с борьбой против «экономизма» «Курземской группы» Прибалтийской латышской социал-демократической рабочей организации пришлось вести упорную борьбу с полуанархистско-эсеровской группой, образовавшейся в рижской латышской социал-демократической организации. Возглавил эту группу интеллигентский кружок «Вперед» (Трауберг А., Ашуп и другие). Кружок оформился в 1903 году, объявил себя «теоретическим» и начал издавать журнал «Вперед» анархистско-эсеровского направления. «Впередовцы», прикрываясь громкими «левацкими» фразами, пропагандируя террор как единственно революционный метод борьбы, повели наступление на партию, против централизованного партийного руководства. Они демагогически обвиняли партийный центр в отрыве от масс, в бюрократизме, зажиме, диктаторстве, в несоблюдении демократизма, в малодушии.

Громкими демагогическими фразами «впередовцам» удалось увлечь за собой некоторые социал-демократические рабочие кружки на Русско-Балтийском вагоностроительном заводе, на заводе Розенкранца, фабрике Пола и некоторых других. Своей демагогией, анархистскими выпадами «впередовцы» срывали партийную работу, ослабляли рабочее революционное движение.

ПЛСДРО и ее руководству ЦК «впередовцы» пытались противопоставить свою «партию», свой кружок. Без ведома партийной организации издавали свои листовки, журнал, не соблюдали конспирации. В противовес первомайской демонстрации в Риге, организованной ПЛСДРО, они устроили собрание в лесу и пытались отвлечь их от участия в демонстрации.

Обнаглевшие «впередовцы», предъявив партийной организации ряд ультимативных требований, повели дело на раскол рижской партийной организации. Они требовали своей обособленной типографии, издания своей газеты, полной свободы действия, неподчинения партийной организации в агитационной работе, предоставления в ЦК трех мест для представителей

группы «Вперед». Угрожая партии расколом, «впередовцы» заявили о создании своей «Рижской социал-демократической рабочей партии».

Прибалтийская латышская социал-демократическая рабочая организация и Рижский комитет развернули большую разъяснительную работу в социал-демократических кружках, помогли рабочим распознать истинное лицо «впередовцев» и уяснить тот вред, который они несли рабочему классу и партии.

Газета «Циня» (№ 1, март 1904 года) в статье «Смыкайте ряды», разоблачая демагогию и раскольнические действия кружка «Вперед», писала о членах его, что эти люди, преследуя карьеристские цели, не думают, какой вред они наносят своими действиями общему делу, какой раскол вносят в партийную организацию и как срывают ее работу. Эти люди своими действиями оказывают помощь полиции, облегчают работу врагам рабочего класса. Таким карьеристам надо напомнить, что члены партии трудятся для общего блага, а не для удовлетворения честолюбия нескольких лиц и общую борьбу ставят выше личных ссор. Опровергая клеветнические обвинения, выдвигавшиеся «впередовцами» на руководящие учреждения партийной организации, «Циня» терпеливо разъясняла своим читателям, почему необходима в партии строгая дисциплина и конспирация, почему в интересах дела необходимо централизованное руководство партийной работой, необходимо разделение труда и строгое выполнение каждым порученного задания. Только соблюдая эти принципы, можно построить единую сплоченную партийную организацию и успешно вести борьбу против самодержавия.¹

К весне 1904 года «впередовцы» были изолированы от рабочих кружков и потеряли свое влияние на рабочих. После дискуссии в апреле 1904 г. рабочие, находившиеся под влиянием кружка «Вперед», перешли на сторону ПЛСДРО. Рижская партийная организация изгнала «впередовцев» из партии, очистила свои ряды от оппортунистов и тем самым укрепила и сплотила Прибалтийскую латышскую социал-демократическую рабочую организацию.

К лету 1904 года ПЛСДРО удалось привлечь на свою сторону и объединить все существовавшие в Латвии латышские социал-демократические организации и тем самым создать одно из необходимых условий для оформления единой централизованной политической партии рабочего класса.

¹ «Цина», Nr. 1, 1904. g.

Революционные латышские социал-демократы, успешно ведя борьбу против идеологии «экономистов», строили свою партийную организацию на ленинских искровских идеологических и организационных началах. Знакомство с организационным построением ПСЛДРО и установившимися порядками в партийных организациях на местах указывает, что революционная латышская социал-демократия широко использовала положения, изложенные в работе В. И. Ленина «Письмо к товарищу о наших организационных задачах», и организационные принципы, пропагандировавшиеся «Искрой».

В ПЛСДРО на основе ленинского принципа демократического централизма осуществлялось централизованное руководство всей партийной работой. «Центральный» комитет, состоявший, как писала о нем в 1904 г. «Циня», из «немногих доверенных лиц», «тайный и замкнутый», «исполнитель воли сознательных товарищей», всегда поддерживал тесную связь со всеми рядами борцов и руководил работой партийной организации.¹ «Центральный» комитет ведал связями, вопросами транспорта и распределения нелегальной литературы, устройства нелегальной типографии, издания листовок, распределения партийных сил, утверждения новых комитетов, ведал организацией общих демонстраций, стачек в Риге, Лиепаве и Елгаве.

Руководство и организацию практической работы на местах осуществляли местные комитеты. Такая крупная организация как Рижская была подразделена на районы. Районная организация состояла из фабричных и заводских социал-демократических кружков, из фабричных советов (или комитетов), пропагандистов и возглавлялась представителем района, который утверждался «Центральным» комитетом. Представитель района был связан с представителями заводских организаций, от них узнавал, что делается в организациях, получал собранные средства и передавал их в партийную кассу, распределял по партийным организациям района, полученную от «Центрального» комитета, нелегальную литературу и листовки. Через представителя района «Центральный» комитет доводил партийные решения до организаций и членов партии, поддерживал постоянную живую связь с местами.

Этот институт районных представителей, действовавший в ПЛСДРО, являлся претворением на практике ленинской идеи

¹ «Ціпа», Nr. 1, 1904. g.

о создании сети передатчиков-посредников, которые призваны связывать районные и городские партийные комитеты с местными заводскими партийными организациями. Особое внимание ПЛСДРО уделяла осуществлению ленинского требования упрочения заводских комитетов социал-демократии. В работе «Письмо к товарищу о наших организационных задачах» В. И. Ленин писал, что главная сила движения в организованности рабочих на крупных заводах. «...Каждый завод должен быть нашей крепостью.»¹

Заводской комитет через сеть социал-демократических кружков завода, через всевозможные созданные им беспартийные кружки, писал В. И. Ленин, должен стремиться охватить весь завод, втянуть в кружки большую часть рабочих завода.

В Рижской организации роль таких заводских комитетов осуществляли так называемые «фабричные советы».

«Фабричный совет» составлялся из представителей социал-демократических кружков завода, в него входили наиболее сознательные и опытные в революционной борьбе рабочие завода. «Совет» ведал на своем заводе агитацией, руководил группой товарищей, распространявших нелегальную литературу и листовки, организовывал забастовки, собрания рабочих, избивание шпионов, ведал делом приема новых членов организации. «Фабричный совет» имел постоянную связь с представителем района и всю работу проводил под руководством общего центра.²

Газета «Циня» в № 2 за 1904 год, пропагандируя ленинские идеи о значении заводских социал-демократических кружков, писала:

Кружок — это та часть организации, которая прокладывает мост между неорганизованной толпой и организацией, которая впитывает в себя все те самые лучшие, передовые и преданные силы, которые имеются в рабочем классе. В самые острые моменты борьбы: во время стачки, демонстрации, оказания сопротивления вооруженным силам врага, — социал-демократический кружок является той силой, которая «...ведет за собой неорганизованных, мало сознательных товарищей»³. Но успешной может быть работа кружка на заводе, писала «Циня», только при строгом соблюдении дисциплины,

¹ В. И. Ленин, Соч., том 6, стр. 216—217, изд. 4.

² «Цина», № 2, 1904. г.

³ Там же.

когда каждый член кружка будет точно выполнять решения партийной организации, строго соблюдать конспирацию¹.

Ленинские организационные принципы, их применение на практике превратили заводские социал-демократические кружки ПЛСДРО в монолитные, дисциплинированные первичные партийные организации. Поручая членам кружка агитационную работу, задания по переноске и хранению нелегальной литературы, по распространению листовок, по нахождению конспиративных квартир, по организации защиты демонстраций и лесных собраний и другие виды работы, заводской кружок требовал от каждого члена партии высокой ответственности за порученное дело и точного его выполнения. Таким путем заводской кружок воспитывал в своих рядах опытных конспираторов, стойких дисциплинированных борцов революции. Заводской социал-демократический кружок стал той частью латышской социал-демократии, через которую осуществлялась тесная связь партии с широкими массами рабочего класса, осуществлялись организация и руководство ими.

Важнейшим вопросом при создании революционной партийной организации был вопрос о том, кто может быть членом партии. Прибалтийская латышская социал-демократическая рабочая организация решила этот вопрос, руководствуясь ленинской формулировкой первого параграфа устава партии. От каждого члена организации требовалось строгое выполнение партийных решений, подчинение партийной дисциплине и работа в партийной организации.

Широкое применение в ПЛСДРО получило также ленинское требование разделения труда. В. И. Ленин писал:

«Комитет должен стараться возможно полнее проводить разделение труда, памятуя, что для разных сторон революционной работы нужны разные способности, что иногда человек, совершенно негодный в организаторы, будет незаменимым агитатором, или человек, неспособный к конспиративной строжайшей выдержке, будет превосходным пропагандистом и т. п.»²

В соответствии с этим ленинским требованием «Циня» разъясняла своим читателям, членам организации, что условия борьбы требуют проведения разделения работы, каждому поручается такая работа, которую он наилучшим образом способен выполнить. В партийной работе нет важных и неважных заданий, все они одинаково важны и нужны, если они на-

¹ «Сина», Nr. 2, 1904. g.

² В. И. Ленин, Соч., том 6, стр. 216.

правлены на пользу партии в той борьбе, которую она ведет. В борьбе все товарищи равны, нет избранников — лучших и второстепенных — худших. Члены комитета не какие-то «великие мужи», а только товарищи, более закаленные в длительной борьбе, более проверенные на революционной работе, поэтому они поставлены на самые опасные участки борьбы, им поручена самая ответственная и трудная часть партийной работы¹.

Разделение труда проводилось в «Центральном» комитете, в местных комитетах и кружках. Например, была создана и действовала специальная централизованная группа пропагандистов, была группа подготовленных и опытных организаторов, которые работали районными представителями, в «фабричных советах», представителями кружков. Были группы искусных «специалистов» по распространению листовок, специальные группы по охране собраний и демонстраций и т. д. Такое разделение труда при выполнении партийных поручений давало возможность повышать уровень всей проводимой работы.

Видными организаторами, проводившими большую практическую работу по созданию латышской социал-демократической рабочей партии, были: Озол Я. (Зарс), Лутерс Я. (Бобис), Трейманис Я. (Эглитис), Ленцманис Я. (Кенцис), Звирбулис Э. (Путнс), Грининьш Ф. (Бурлак), Кажмерс Я. (Попс) и другие. Работая пропагандистами, членами «Комитета», представителями районов, руководителями социал-демократических кружков, организаторами масс и агитаторами, они активно боролись за построение ПЛСДРО на ленинско-искровских идейных и организационных началах. После возвращения из ссылки в 1903 г. активное участие в работе по созданию партийной организации принял Стучка П. Поселившись в Витебске (самодержавие запретило Стучке проживать в Латвии), он установил тесные связи с партийной организацией Риги и много сделал для того, чтобы объединить разрозненные социал-демократические организации Латвии в единую марксистскую партию.

Большое внимание латышская социал-демократическая организация уделяла повышению политической сознательности членов организации. В кружках проводились беседы, пропагандисты Рижского комитета читали доклады и лекции. Теоретически подготовленных опытных пропагандистов было мало, требования на лекции и доклады были очень велики, поэтому для лучшего обеспечения районных и заводских организаций

¹ «Сіпа», Nr. 1, 1904. g.

пропагандистскими силами, из людей теоретически более подготовленных и способных к пропаганде была создана в Риге особая пропагандистская группа. Эта группа в составе около 20 человек в течение 1902, 1903 и начала 1904 годов проводила всю пропагандистскую работу, выступала с докладами и лекциями на конспиративных собраниях и в кружках, которых насчитывалось в Риге до 200. Создание пропагандистского коллектива давало возможность комитету осуществлять централизованное руководство пропагандистской работой и повышать ее качество. В группе пропагандистов систематически проводились занятия. Обычно на этих занятиях проходили читки, а затем обсуждения, дискуссии по прочитанному материалу. После такой подготовки пропагандисты шли в кружки и там передавали своим слушателям полученные ими знания. Так были прочитаны на занятиях пропагандистов: «Манифест Коммунистической партии», «Эрфуртская программа», работа В. И. Ленина «Что делать?» и другие, также читались отдельные передовицы и статьи из газеты «Искра» и журнала «Заря». На занятиях ставились и обсуждались вопросы о состоянии пропагандистской и агитационной работы в местных организациях. Связь пропагандистов с кружками осуществлялась через представителя района.

Обычно представитель района при очередной встрече с представителем кружка сообщал, что надо провести занятие кружка по такому-то вопросу, и они договаривались о времени и месте встречи с лектором. В назначенный час представитель кружка являлся в условленное место, к нему по заранее условленному опознавательному знаку подходил лектор и проносил пароль. Затем они шли на конспиративную квартиру, где члены кружка ждали их. Лекторы и докладчики, присылаемые комитетом, все время менялись и ни члены, ни представитель кружка не знали, кто они такие и как их зовут.¹ Строгая конспирация давала возможность оберегать от арестов подготовленные пропагандистские кадры.

Наиболее распространенными темами, на которые читались лекции и проводились доклады, были: «самодержавие и его режим», «политические свободы и конституция», «научный социализм», «религия и социализм», «хозяйственная политика самодержавия», «текущие политические события» (например, стачки на юге России в 1902 и 1903 годах и др.). Пропагандисты в своих беседах также использовали фактический материал местных заводов и фабрик.

¹ Центр. Гос. Архив Министерства Внутренних дел Латв. ССР, фонд 323, дело 256, стр. 503.

Организованная и проводимая таким образом пропагандистская работа имела свои положительные результаты, она содействовала политическому просвещению членов организации, расширяла кругозор, помогала осознать происходящие окружающие события.

Большую работу по идейно-теоретическому и политическому просвещению латышского пролетариата был призван осуществить журнал «Социал-демократ». Однако редакцией в идейной работе журнала были допущены серьезные оппортунистические ошибки. Большая заслуга редакции и сотрудников журнала в том, что они, особенно в первые годы существования «Социал-демократа», печатая марксистские пропагандистские статьи, содействовали распространению идей марксизма в Латвии. Напечатан в «Социал-демократе» проект искровой программы РСДРП, редакция сделала его доступным для всей латышской социал-демократии. Заслуга редакции «Социал-демократа» и в том, что она на страницах журнала систематически проводила политические обличения, беспощадно разоблачала самодержавие и воспитывала латышский пролетариат в духе революционной непримиримости к царскому самодержавию.

Редакция «Социал-демократа» издавала так называемую «Библиотеку социал-демократа», заслугой издателей было издание на латышском языке «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса. Были изданы несколько десятков переводов различных брошюр на латышском языке для массовой агитации. Наряду с этой положительной работой в деятельности редакции имелись серьезные упущения и ошибки.

Редакция журнала, находясь в эмиграции, в отрыве от революционного пролетариата и его борьбы, начала поворачивать к западно-европейскому ревизионизму и оппортунизму. Когда в РСДРП произошел раскол и образовались две фракции, — большевики и меньшевики, — редакция «Социал-демократа», формально занимая позиции примиренчества, фактически выступала с защитой меньшевиков против ленинцев большевиков. Тяготением редакции к оппортунизму объясняется и тот факт, что за пять лет существования «Социал-демократа» ни на его страницах, ни в издании «Библиотеки социал-демократа» не появилось ни одной работы В. И. Ленина ни в переводе, ни в переложении. В последние годы «Социал-демократ» мало пропагандировал и работы Маркса и Энгельса, зато широко печатал теоретически путаные реформистские статьи, развращавшие сознание латышского пролетариата буржуазной идеологией.

К сожалению не смогли организовать перевод и издание работ В. И. Ленина на латышском языке и руководители ПЛСДРО в Лавтии. Латышская социал-демократическая интеллигенция и передовые рабочие, владевшие русским и немецким языками, изучали произведения классиков марксизма-ленинизма в подлинниках, но таких социал-демократов было незначительное меньшинство. Большинство же членов латышской социал-демократии черпало свои теоретические знания из бесед и лекций, которые проводились в кружках пропагандистами. Отсутствие революционной марксистско-ленинской литературы на латышском языке задерживало поднятие идейно-теоретического уровня всей массы членов партии, задерживало теоретическую подготовку выдвинувшихся рабочих, способных организаторов рабочего класса, нуждавшихся в глубоком изучении марксистско-ленинской теории, чтобы стать крепкими, теоретически подготовленными ленинцами-большевиками.

Широкое применение в практической деятельности ПЛСДРО получила ленинская идея о необходимости политического воспитания рабочего класса как гегемона революции. Уже в годы промышленного кризиса революционные латышские социал-демократы начали систематическую борьбу за руководство стихийно поднимающимся рабочим движением. Комитет ПЛСДРО умело использовал такое средство массовой агитации, как листовки. В первую очередь они были использованы, как средство экономических обличений. В листовках на конкретных примерах чрезмерно тяжелого труда, низкой зарплаты, отсутствия минимальной охраны труда, безобразного отношения мастеров и директоров к рабочим и работницам раскрывалась и показывалась бесчеловечная эксплуатация капиталистами рабочих. Затем в листовках формулировались конкретные требования, которые рабочие предъявляли фабриканту-хозяину. Однако содержание листовок этим не исчерпывалось. В них указывалось, что за спиной врага рабочего — капиталиста-фабриканта стоит его защитник — самодержавие, царское правительство, второй враг рабочих и всех трудящихся. Листовки разоблачали преступные действия самодержавия и его слуг и указывали, что для успешного ведения рабочими борьбы против капиталистов необходимо свергнуть самодержавие. Листовки заканчивались большей частью призывом к объединению рабочих вокруг социал-демократической рабочей организации, к свержению самодержавия. Типичным примером такого рода листовок являются листовки: «Рабочие и работницы фабрики «Проводник», объединяй-

тесь...», «Рабочим фабрики Фельзер», «Рабочим фабрики Пола», «Рабочим фабрики «Текстиль»¹ и другие.

В листовке «Жертвы капитала», посвященной взрыву на патронной фабрике, во время которого 5 рабочих были разорваны на куски и трое смертельно ранены, раскрываются истинные причины взрыва и называются виновники его. Листовка указывала, что жертвы на патронной фабрике не исключение. Капитал ежедневно уродует, поглощает силы, здоровье и жизнь рабочих, вырывает все новые жертвы из их рядов. Листовка призвала рабочих жертвовать свои силы и жизнь святой борьбе за народное освобождение. «Нас миллионы и если мы будем единодушны, тогда ни капиталисты, ни правительство, никакая сила в мире не сможет нас подавить и одержать над нами победу»².

С помощью листовок латышская социал-демократия проникала со своей агитацией в самые широкие слои трудящихся, будила сознание масс, воспитывала в рабочих чувство классовой солидарности, классовой сознательности. Листовки, изданные Рижским комитетом ПЛСДРО на латышском, иногда на русском, литовском и немецком языках, имели большой успех среди рабочих. Появление листовок на заводе обычно возбуждало рабочих, начиналось активное обсуждение рядовыми рабочими вопросов, которые затрагивались в листовках. Рабочие предъявляли фабрикантам сформулированные в листовках требования: сокращения рабочего дня, повышения зарплаты, отмены штрафов, улучшения условий труда. На отказ фабрикантов удовлетворить предъявленные требования, рабочие отвечали организованными выступлениями — забастовками. Так, например, в гектографированной листовке «Рабочие и работницы фабрики «Джуто», объединяйтесь!», выпущенной Рижским Комитетом ПЛСДРО рассказывается о бесчеловечной эксплуатации рабочих, обреченных на нищету, голод, увечья. В листовке сформулированы 8 пунктов требований, которые рабочие предъявили администрации.

«И если правление фабрики откажется выполнить наши требования, будем бастовать — оставим все в один день работу и до тех пор не будем работать, пока не добьемся, чего требуем... На нас, возможно, пошлют слуг самодержавия — полицию и жандармов. Мы не должны бояться этих псов правительства — всем они ничего не сделают... Смело на борьбу, товарищи!.. Будем бороться вместе — и мы победим!

¹ Партархив ЦК КП Латвии. Фонд листовок.

² Proletariskā revolūcija Latvijā, I sēj., M. 1924. g. 614. lpp.

Долой самодержавие!.. Да здравствует общность и братство рабочих!»¹

ПЛСДРО возглавила стачку на фабрике «Джуте» в январе 1904 года, в которой приняло участие около 1200 рабочих. Хотя забастовка рабочих и закончилась поражением, она имела большое значение для дальнейшей борьбы. Рабочие стали более организованными, выше стала сознательность, укрепилась вера в успех дальнейшей борьбы. Через пару месяцев после подавления стачки администрация фабрики вынуждена была выполнить ряд требований, предъявленных рабочими во время стачки.

Такие же экономические забастовки под руководством ПЛСДРО в 1903—04 годах были проведены на фабрике «Проводник», ткацкой фабрике «Текстилс», на ниточной фабрике Эйкерта и некоторых других.

Наряду с руководством и организацией экономической борьбы ПЛСДРО проводила большую работу по политическому воспитанию рабочего класса. Используя листовки, массовые собрания, нелегальную газету «Циня», революционная социал-демократия по примеру ленинской «Искры» организовала всесторонние политические обличения. Листовки на конкретных фактах разоблачали издевательства самодержавия над народом, освещали революционную борьбу пролетариата России против царизма. Так, например, первомайская листовка 1903 года, изданная ПЛСДРО, разоблачала гнусное преступление самодержавия, учинившего кровавую расправу над златоустовскими рабочими, осмелившимися потребовать более человеческих условий существования.

Дикий произвол, самоуправство и издевательства слуг самодержавия — городских и жандармов над народом разоблачались в листовках, изданных комитетом ПЛСДРО по поводу убийства в Риге городскими рабочим Тупениса, по поводу схваченного городскими на улице ни в чем неповинного крестьянина, по поводу зверского избиения прохожего. В листовке «Товарищи и товарки», выпущенной в мае 1903 г., рассказывалось: на шоссе, напротив завода «Феникс» остановился крестьянин с возом салаки и начал беседовать с подошедшими двумя женщинами. Стоявший поблизости городской усмотрел в этом противозаконное сборище, подозвал другого городского и, «применяя обычную полицейскую вежливость», они стали избивать крестьянина кулаками и ножами. К месту происшествия подоспели еще два городских. Проходив-

¹ Proletariskā revolucija Latvijā, I sēj., M. 1924. g. 633. lpp.

ший мимо молодой человек сделал попытку заступиться за крестьянина. Городовые, «как проголодавшиеся звери бросились на молодого человека, схватили его, бросили оземь, колотили кулаками, били и ударяли ногами по животу, груди, лицу»... Затем и молодого человека и крестьянина увезли в участок. И дальше на конкретном примере листовка показывает, что ожидает простых людей в участке. «Наш святой долг защитить каждого против полицейского насилия, вырвать каждую жертву из когтей этого зверя»¹. Листовка призывала объединить силы для защиты человеческих прав.

Призывая к борьбе с самодержавием, листовки указывали рабочим, что делать, чтобы выйти победителями в этой борьбе. «Товарищи, из нас высасывают нашу кровь, угнетают, бьют и напоследок пытаются и капиталисты, и самодержавие; у нас нет защиты — поэтому позаботимся сами о средствах защиты: объединимся в тайные кружки, будем читать запрещенную литературу и будем побуждать также своих товарищей на общую борьбу против кровопийц и самодержавия. Объединимся под красным знаменем свободы!»²

Особой листовкой была отмечена грандиозная мартовская демонстрация в Ростове, ряд листовок был посвящен всеобщей стачке рабочих на юге России. Обращаясь к угнетенным и эксплуатируемым латышским рабочим и крестьянам, Рижский комитет ПЛСДРО писал: «Весь великий русский народ не хочет мириться с рабской судьбой, борется за свободу. В первых рядах этих борцов стоит революционная социал-демократия России, которая является рабочей партией. Если мы хотим добиться лучшего будущего, и мы должны примкнуть к этой партии. Мы должны бороться за те же права, которые начертаны на красном боевом знамени социал-демократов»³.

Все эти листовки были яркими политическими обличениями самодержавия, они раскрывали гнусные издевательства и зверства царизма над народом, гнилость всего царского режима и обосновывали необходимость его свержения. Они призывали латышский пролетариат к совместной борьбе с пролетариатом России под руководством Российской социал-демократической рабочей партии.

Только за один год, с лета 1903 г. по июнь 1904 г., комитетом ПЛСДРО вместе с Рижским комитетом было издано

¹ Proletariskā revolucija Latvijā, I sēj., M. 1924. g. 598.—599. lpp.

² Turpat, 613. lpp.

³ Turpat, 603. lpp.

300.000 экземпляров листовок. Комитету удалось создать целую сеть агентов, искусно и быстро распространявших выпущенные листовки.

Сотни и тысячи листовок и прокламаций одновременно распространялись по Риге и по всей Латвии так умело, что очень незначительное количество их попадало в руки полицейских, еще более редко полицейским и жандармам удавалось схватить самих распространителей. В своих донесениях о найденных прокламациях участковые полицейские обычно вынуждены были писать, что «распространители листовок не обнаружены».¹

Создание такой гибкой, постоянно действующей сети агентов, давало возможность комитету держать постоянную связь с массами, организовывать массовые собрания и демонстрации без помех со стороны полиции, осуществлять большую оперативность и гибкость в работе. Часто полиция узнавала о собрании, на котором присутствовало 400—500 и более рабочих, когда оно уже заканчивалось. Прибыв на место происшествия, полицейские обнаруживали только внушительного размера дубинки, брошенные рабочими, охранявшими собрание, они и доставлялись в участок, как вещественные доказательства происшедшего «нарушения порядка».²

Об огромном значении для революционной борьбы наличия такой постоянно действующей сети агентов свидетельствует, например, следующий факт. В декабре 1904 г. жандармерия, пронюхав о готовящейся рабочей демонстрации в Риге, для расправы с рабочими вытребовала войска. Солдаты, снабженные боевыми патронами, приведенные в боевую готовность, 6 декабря были выведены из казарм на улицы и ждали выступления рабочих. Проходили день за днем в томительном ожидании, а рабочие не выступали. 9-го декабря после напрасного ожидания солдаты были отведены в казармы, а на следующий день 10 декабря состоялись многотысячные демонстрации и митинги рабочих в различных районах города.³

Практика полностью оправдала ленинское указание, что организация дела быстрой и правильной передачи литературы, листовок, прокламаций, приучение к этому сети агентов обес-

¹ Центр. Гос. Архив Минист. Внутр. дел Латв. ССР, фонд 51, дело 25934, лист 131, 235, 281, 357.

² Там же, фонд 51, дело 26454-п, лист. 3.

³ «Спра», № 9, 1904. г.

печат «большую половину дела по подготовке в будущем демонстраций»¹.

Огромную роль в деле сплочения рабочего класса Латвии, политического его воспитания и подготовки к революционным боям сыграла газета «Циня» («Борьба»). Комитет ПЛСДРО по примеру ленинской «Искры» организовал издание нелегальной марксистской газеты, которая выступила коллективным агитатором и организатором широких масс трудящихся Латвии. «Циня» начала выходить как нелегальный орган ПЛСДРО в марте 1904 года в Риге.

Много энергии, упорства и находчивости при подготовке издания и организации печатания первых номеров «Цини» проявил Лутерс Я. (Бобис), организатор первой нелегальной, регулярно работающей партийной типографии в Латвии в 1903 г. Активнейшее участие в издании «Цини» принимали также такие бесстрашные революционеры и прекрасные организаторы партийной работы, как Трейманис Я. (Эглитис), Грининьш Ф. (Бурлак). Установив тесную связь с широкими трудящимися массами, «Циня» печатала на своих страницах сообщения своих корреспондентов с заводов, фабрик, хуторов и имений Латвии, широко освещала развернувшуюся в России борьбу рабочих и крестьян, умело направляя внимание читателей на важнейшие задачи политической борьбы. С первых дней своего существования «Циня» выступила с всесторонними политическими обличениями, воспитывая на них социал-демократическую сознательность латышского пролетариата. «Циня» быстро завоевала широкую известность и авторитет, стала любимой газетой латышского пролетариата.

Большая роль в политическом воспитании рабочих принадлежала массовым собраниям рабочих, которые обычно проводились за городом и получили название «лесных собраний». Организатором этих собраний была ПЛСДРО. За год, с лета 1903 года по июнь 1904 года, в Риге было проведено до 7 таких массовых «лесных собраний» с количеством участников от 150 до 500 человек.

Выступавшие на этих собраниях докладчики освещали вопросы политической и экономической борьбы пролетариата, знакомили участников собрания с учением марксизма о социализме. Обсуждались вопросы повседневной социал-демократической работы и борьбы². Тут же распространялись листовки комитета. Собрания часто заканчивались пением револю-

¹ В. И. Ленин, Соч., том 6, стр. 214.

² «Сіца», Nr. 5, 1904. g.

ционных песен. В результате проводившейся работы и агитации быстро росло доверие рабочих масс к Прибалтийской латвийской социал-демократической рабочей организации.

Под ее руководством нарастали активность и сознательное стремление рабочих к революционным действиям.

Первым открытым массовым политическим выступлением рижских рабочих, организованным Комитетом ПЛСДРО, были проводы 10 товарищей, которых правительство высылало в ссылку в Архангельскую и Вологодскую губернии. 17 августа 1903 года к моменту появления на вокзальной площади колонны ссылаемых весь вокзал и площадь были заполнены провожающими, собралось более 500 человек.

Появление ссыльных было встречено криками «ура», приветствиями, им бросали цветы, слышались возгласы «долой самодержавие». Полиция и жандармы пытались удерживать и не пропускать провожающих на перрон, но были изрядно побиты и обращены в бегство.¹ Следующие массовые выступления состоялись в октябре и ноябре 1903 года.

Комитет ПЛСДРО организовал похороны погибшего от бесчеловечной капиталистической эксплуатации молодого рижского рабочего Кемписа. 26 октября 1903 года собралось на кладбище на проводы товарища до 1000 человек рабочих. Над могилой были произнесены речи, спеты революционные песни. 16 ноября 1903 года состоялись похороны жертвы полицейского произвола рабочего Тупениса, убитого городскими. Это зверское убийство глубоко возмутило и взволновало рабочих. В день похорон около кладбища собралось до 1000 рабочих и несколько сот человек неорганизованной публики. Среди присутствующих было распространено до 1000 экземпляров листовки, посвященной памяти убитого. После окончания церемонии погребения рабочие пели революционные песни, в двух местах появились красные флаги, раздались возгласы — «долой самодержавие!», «долой полицию!». На могилу был возложен венок с красными лентами и надписью «Жертва полиции. — Товарищи», «Долой полицию!». Похороны закончились демонстрацией. Рабочие организованно с пением революционных песен направились в город. Присутствовавшие полицейские предпочли не вмешиваться, а затем совсем спрятались².

Эти первые, организованные ПЛСДРО, выступления рабо-

¹ Центр. Гос. Архив Минист. Внутр. дел Латв. ССР, фонд 51, дело 29110-в, лист 3, 4.

² «Socialdemokrats», Nr. 21, 1903. g.

чих укрепили веру в свои силы и возможность организованной борьбы против самодержавия.

В 1904 году была организована первомайская демонстрация у церкви Павла, на которую собралось свыше 5000 человек. Происшедшее вооруженное столкновение демонстрантов с усиленными отрядами пешей и конной полиции, сорвало выполнение программы демонстрации. Смелая борьба революционеров против полицейских произвела глубокое впечатление на все трудящееся население Риги.¹ В августе 1904 года комитетом Латышской социал-демократической рабочей партии (ЛСДРП) была организована политическая демонстрация протеста.

Около 500 рабочих демонстрантов, появившись у Рижской губернской тюрьмы, заявили свой протест самодержавию и тюремному режиму России и выразили свою моральную поддержку заключенным товарищам, объявившим в тюрьме голодовку. Демонстрация закончилась вооруженным столкновением с полицейскими, открывшими стрельбу по демонстрантам. В результате столкновения имелись раненые рабочие и несколько тяжело раненых полицейских чинов. К моменту прибытия к тюрьме крупных вооруженных сил правительства демонстранты успели рассеяться.²

Рижский полицмейстер жаловался губернатору, что во время событий у тюрьмы полиция не получила содействия и помощи со стороны находившихся рядом солдат унтер-офицерского учебного батальона, которые «безучастно» смотрели на происходящие «беспорядки» и «на избивание чинов полиции».³ В уличных столкновениях с царскими охранниками закалялась воля рабочих к борьбе, и нападения вооруженных отрядов «блюстителей порядка» уже не могли запугать рабочих и приостановить развитие дальнейшей борьбы.

26 сентября 1904 года на состоявшемся «лесном собрании» присутствовало более 2000 человек. После окончания собрания все участники стройной колонной, с двумя красными флагами, с революционными песнями организованно вернулись в город.⁴

25 октября комитет ЛСДРП организовал демонстрацию протеста против суда правительства над революционерами социал-демократами в Риге. Собралось свыше 1000 демонстрантов. Пока полицейские и жандармы ждали появления

¹ «Socialdemokrats», Nr. 26, 1904. g.

² «Cīņa», Nr. 6, 1904. g.

³ Центр. Гос. Архив Минист. Внутр. дел Латв. ССР, фонд 51, дело 26454, лист 7.

⁴ «Cīņa», Nr. 8, 1904. g.

демонстрантов у здания суда, последние с возгласами «долой самодержавие», «долой полицию!» продемонстрировали у главного здания полиции.

Проводя ленинскую, большевистскую тактику по отношению к русско-японской империалистической войне, ЦК ЛСДРП организовал ряд мощных уличных демонстраций протеста. Так 10 декабря 1904 года в Риге, в фабричном районе за Двиной в демонстрации участвовало свыше 3000 рабочих. С красными знаменами, с возгласами «долой самодержавие!», «долой мобилизацию!», с пением революционных песен демонстранты шли от завода к заводу, присоединяя все новых участников шествия. В нескольких местах поднятые на плечи рабочих выступали ораторы. Они рассказывали о грабительской войне на Востоке, о борьбе рабочих в России, призывали пролетариат Латвии к объединению и организованной борьбе против мобилизации, за свержение самодержавия. Полиция, пытавшаяся задержать движение демонстрации, мощным требованием демонстрантов «долой полицию!» была обращена в бегство. В тот же вечер такая же демонстрация, в которой участвовало более 1000 рабочих, произошла на другой стороне Двины¹.

Эти и другие демонстрации, проходившие в Риге в 1904 г., свидетельствовали о широте и силе рабочего движения и его организованности, о том, что в движение втянуты массы рабочих, идущих за ЛСДРП и готовых по ее зову выступить на борьбу за свержение самодержавия. Уже накануне первой русской революции пролетариат Латвии шел в ногу с пролетариатом всей России, принимая активное участие в революционном движении.

Рост политической активности рабочих, подъем рабочего революционного движения в городе оказали свое влияние и на массы крестьянства и батраков латышской деревни. Городской пролетариат и социал-демократическая рабочая партия помогли батракам и крестьянской бедноте начать организованную борьбу против помещиков. Революционная латышская социал-демократия, руководствуясь ленинскими идеями о пролетариате как гегемоне демократической революции, о союзе рабочего класса и крестьянства и о необходимости социал-демократам работать во всех слоях населения, развернула большую агитационную разъяснительную работу среди крестьянства. Революционные социал-демократы — рабочие были первыми агитаторами и распространителями социал-де-

¹ «Сипа», Nr. 9, 1904. g.

мократических идей в деревне, поставщиками нелегальной марксистской литературы и листовок. Возникшие с помощью городских организованных рабочих первые сельские социал-демократические кружки развернули массовую агитацию среди батраков и различных групп малоземельного крестьянства.

Газета «Циня» в 1904 г. писала, что в Латвии, пожалуй, не найти района, куда бы не проникла листовка социал-демократов, где бы не говорили о социалистах. Листовки появлялись повсюду — в батрацких жилищах, на дверях сараев, у мостов, на дорогах и т. д., в ряде волостей не осталось почти ни одного телеграфного столба, с которого урядники не соскабливали бы крепко приклеенные прокламации.¹

В результате социал-демократической агитации в деревне исчезали вековая забитость и покорность крестьян и батраков, быстро росло недовольство против гнета и эксплуатации немецких баронов, священников, нежелание дальше терпеть этот гнет и кабалу. Таяли остатки патриархально-семейных отношений между батраками и хозяевами-кулаками, глубже, ощутимее выступала классовая дифференциация крестьянства. Среди батраков появилось стремление к объединению, были сделаны первые попытки оказать организованное сопротивление помещикам и кулакам. Так, например, в Лиепайском районе батраки организовались и провалили затею барона Корфа. Последний, желая еще больше прижать батраков и усилить их эксплуатацию, созвал 20 окружающих помещиков и выработал с ними единый контракт найма батраков. По этому контракту батрак ставился в худшее положение, чем крепостной. Распропагандированные батраки отказались принять предложенный баронами контракт. Там, где помещики не хотели считаться с требованиями батраков, последние начали применять силу. В некоторых имениях бароны были выпороты своими батраками. При заключении договоров с дворохозяевами батраки начали действовать более организованно, заранее договаривались между собой об условиях найма и не шли работать на более худших условиях. Хозяева жаловались, что батраки возгордились, что с ними невозможно стало сговориться.²

В одной из корреспонденций, напечатанной в «Социал-демократе», рассказывалось, что если до недавнего прошлого деревенская беднота считала существующий порядок вечным, установленным самим богом, то теперь повсюду слышны речи

¹ «Цина», Nr. 3, 1904. г.

² «Socialdemokrats», Nr. 21, 1903. г.

против местных угнетателей, не оставляют в покое и служителей церкви и самодержавие, признают, что его надо сбросить и уничтожить.¹ Разбуженные социал-демократической агитацией, латышские крестьяне не желали дольше мириться с существующими порядками.

Социал-демократическая пропаганда и агитация, развернувшаяся в деревне, столкнула широкие слои трудящегося крестьянства с блюстителями «порядка» царской России, с оравой полицейских и жандармов. Массовые обыски, аресты, допросы крестьян и батраков только озлобляли и усиливали ненависть к царизму, и призыв социал-демократической партии «долой самодержавие» находил все большее сочувствие и поддержку в рядах крестьянства.

Революционная часть ПЛСДРО своей работой в деревне расширила связи и упрочила влияние рабочего класса на крестьянство, подготовила условия для создания в 1905 году того боевого союза, в котором десятки тысяч крестьян под руководством рабочего класса Латвии выступили против немецких баронов, против всего самодержавного строя.

* * *

Мощный подъем рабочего революционного движения в стране в 1901—1904 годах, разраставшееся вширь крестьянское движение, рост политической сознательности все новых слоев населения свидетельствовали о быстром нарастании народной революции в России. Это требовало дальнейшего сплочения революционных сил, повышения организованности и единства рабочего класса и, в первую очередь, его авангарда — партии.

Возникший на II съезде РСДРП большевизм, как течение политической мысли и как политическая партия, стал единственной ведущей революционной силой в стране, проводившей революционную линию, отвечающую коренным интересам пролетариата, крестьянства и всех народов России. После II съезда большинство комитетов крупных промышленных центров в России, ознакомившись с материалами съезда, высказались за ленинское большинство съезда и в дальнейшем отстаивали и защищали ленинские организационные принципы построения партии, против организационного оппортунизма меньшевиков. В этой принципиальной борьбе большевиков за партийность против дезорганизаторства меньшевиков Рижская

---

¹ «Socialdemokrats», Nr. 23, 1904. g.

группа РСДРП без колебаний примкнула к большинству съезда. В принятом решении Рижская группа заявляла, что она приветствует II съезд партии как решительный шаг к уничтожению дезорганизации, мешавшей партии развернуть свои силы, присоединяется к решениям и постановлениям съезда и выражает готовность подчиняться центральным учреждениям партии. Рижская группа заявила свой решительный протест против нарушений партийных решений так называемым меньшинством съезда.¹

Когда Ц. О. «Искра» попал в руки меньшевиков и стал органом оппортунистического кружка, Рижский комитет РСДРП в принятом решении писал, что кооптация, произведенная Плехановым под давлением отвергнутых II-ым съездом редакторов, была узурпацией Ц. О. меньшинством, Рижский комитет признает данный состав редакции Ц. О. незаконным и выражает ему недоверие.²

Ведя борьбу против дезорганизаторских действий меньшевиков, Рижский комитет последовательно защищал и отстаивал ленинский принцип централизма, как наиболее соответствующий задачам и условиям деятельности Российской социал-демократии.

После захвата меньшевиками ЦК партии большевики, чтобы отстоять партийность и разгромить меньшевиков, развернули борьбу за созыв III-го съезда. Под руководством В. И. Ленина в августе 1904 года в Швейцарии было проведено совещание 22-х большевиков, которое приняло обращение «К партии», ставшее для большевиков программой борьбы за созыв III-го съезда.

Рижский комитет РСДРП горячо поддержал требование о созыве III-го съезда. Когда появилось обращение совещания 22-х большевиков, оно впервые было напечатано в августе же месяце 1904 года в нелегальной типографии Рижского комитета, организатором и несменным руководителем которой в течение нескольких лет был большевик-ленинец Эмиль Липхард (Емельян). Напечатанное обращение «К партии» член большевистской организации Землячка из Риги развезла по партийным организациям России. Обращение получило широкую известность среди членов партии. Рижский комитет, присоединяясь к обращению 22-х «К партии» заявил о своей поддержке требования немедленного созыва III-го съезда сделан-

¹ Н. Шахов. Борьба за съезд — сборник документов, изд. Женева 1904 г. стр. 7.

² Там же, стр. 106.

ного «частным собранием 22-х товарищей — наших единомышленников, выступивших с открытым обращением к партии и дающих в нем определенный лозунг борьбы с кружковщиной».¹ В резолюции по поводу партийного кризиса Рижский комитет подверг беспощадной критике антипартийные действия меньшевиков и захваченных ими партийных центров. Рижский комитет указывал, что такими действиями, как раскассированием экспедиции большевиков, роспуском большевистского южного бюро, запрещением агитации за съезд, отказом печатать и перевозить литературу большевиков, отказом «Искры» печатать статьи большевиков и резолюции комитетов, где выражена поддержка ими большинства и другими подобными действиями, меньшевики дезорганизуют и разрушают партию, срывают всякую положительную работу. Но в результате этих действий меньшевики и захваченные ими центры потерпели провал в комитетах и у рабочих, оторвались от масс и держатся лишь при помощи насилия.

Рижский комитет заявил, что положение стало невыносимым и тот, кому дорого дело партии, должен признать необходимость разрешения кризиса. Такое разрешение может дать только немедленный созыв III-го съезда.

Отстаивая и защищая партийность против дезорганизаторства меньшевиков, В. И. Ленин придавал большое значение сплочению и организационному оформлению большевиков. Ленинская идея нашла широкую поддержку в местных большевистских комитетах.

Рижский комитет, приветствуя начинание 22-х по объединению сил, заявил о своем присоединении к предложению по созданию «Бюро комитетов большинства», которое должно обеспечить созыв съезда.²

В. И. Ленин, оценивая роль местных комитетов в борьбе за партию, писал: «Мы делаем почин такого сплочения, составляя Бюро Комитетов Большинство по инициативе и с согласия комитетов Одесского, Екатеринославского, Николаевского, Рижского, Петербургского и Московского».³

Рижский комитет горячо поддержал поставленную В. И. Лениным задачу организации издательства большин-

---

¹ Н. Шахов. Борьба за съезд. Сборник документов. Изд. Женева 1904 г., стр. 80.

² Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов, изд. Москва, 1955 г., стр. 124.

³ В. И. Ленин, Соч., том 7, стр. 459.

ства для идейного и организационного сплочения большевиков-ленинцев в России и за границей.¹

Рижские большевики выступили с энергичным протестом против фракционных действий меньшевистского ЦК, отказавшегося доставлять местным комитетам большевистскую литературу. Не следовало забывать, писал Рижский комитет, что именно в большевистской литературе находят выражение принципы и взгляды, одобренные высшим органом партии — съездом, и что только большевистская литература отвечает назревшим потребностям большинства комитетов. Не следовало забывать, что «...во главе этого издательства стоит т. Ленин, которому II съездом вверено идейное руководство партией, а что с другой стороны, взгляды, разделяемые партийными цензорами — ЦО и ЦК — отвергнуты партией в лице съезда².

Выражая протест ЦК, отказавшемуся транспортировать большевистскую литературу, Рижский комитет заявил, что он вынужден обратиться к товарищам Бонч-Бруевичу и Ленину о просьбой взять на себя, кроме издательства, и заботу о транспортировке литературы «большинства».

Все эти приведенные материалы из решений, принимавшихся Рижским комитетом РСДРП после II съезда, характеризуют его как большевистскую организацию, которая последовательно стояла на ленинских позициях, живо реагировала на важнейшие события партийной жизни, вела борьбу за единство партии, за ленинские организационные принципы против дезорганизации и оппортунизма меньшевиков. В. И. Ленин в «Предисловии к брошюре Н. Шахова «Борьба за съезд», в которой были напечатаны и выше указанные решения Рижского комитета РСДРП, писал: «Содержание печатаемых документов вращается около одного центрального пункта, именно: борьбы партийности с кружковщиной, борьбы за съезд».³

В Латвии борьба за создание прочной большевистской организации охватила как местную организацию РСДРП, так и национальные социал-демократические организации.

После II-го съезда Рижский комитет РСДРП начал работу среди местных социал-демократов по ознакомлению их с ито-

---

¹ Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов, изд. Москва, 1955 г., стр. 124.

² Там же, стр. 126.

³ В. И. Ленин, Соч., том 7, стр. 455.

гами съезда. Члены комитета объезжали социал-демократические кружки и группы и знакомили рабочих с решениями съезда. Сторонники большинства из Риги писали ленинцам за границу, что съезд сильно заинтересовал всю местную публику, имеющую отношение к революции и социал-демократии. Это внимание и интерес, проявленные к съезду, встревожили местных меньшевиков и бундовцев. Они забеспокоились и тоже начали «пропаганду» решений съезда, главным образом, по вопросу об отношении съезда к Бунду. При этом бундовцы извращали истинный смысл решений съезда, клеветнически обвиняли партию в антисемитизме. Выступив с антипартийными и клеветническими заявлениями, бундовцы, как сообщалось в письме из Риги к Н. К. Крупской, искали сближения и поддержки у латышской социал-демократической организации, но латыши выжидали и до получения протоколов съезда ничего предпринимать не хотели.¹ Отпор бундовцам и меньшевикам, разоблачение их подрывной деятельности дал Рижский комитет РСДРП. Борьба с меньшевиками развернулась в самом комитете. В составе Рижского комитета имелись меньшевики и примиренцы, которые пытались срывать и дискредитировать работу большевиков. Так, например, один из членов Рижского комитета — меньшевик несколько раз, преднамеренно не являясь на заседания комитета, срывал обсуждение и принятие Рижским комитетом решения об отношении к воззванию 22-х большевиков «К партии». Решение было принято лишь после того, как большевикам удалось изгнать этого меньшевика из состава комитета.

Меньшевистские настроения в Риге усилились после приезда агента меньшевистского ЦК, который несколько дней провел в Риге и усиленно агитировал среди интеллигенции против большинства. Местные социал-демократы, назвавшие себя меньшевиками, развернули агитацию против «так называемого, бюрократического бонапартизма большинства»². В своей агитации меньшевики ставили недостатки и слабости работы местного комитета в непосредственную связь с большевистским составом Рижского комитета, кричали, что эти недостатки результат «убивающего всякую живую работу бюрократизма, самодержавничанья «твердокаменных»³. Но эта агитация успеха у рабочих не имела и меньшевики вели свою работу преимущественно среди интеллигенции.

¹ Партархив ЦК КП Латвии, фонд 200, оп. 1, дело 23, лист 24.

² Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов, изд. Москва 1955 г., стр. 617.

³ Там же.

Узнать правду о том, что произошло на II съезде РСДРП помог местным социал-демократам большевистский Рижский комитет. Благодаря ему в Риге была получена и распространена съездовская и послесъездовская литература. В письме к ленинской группе за границу большевики из Риги писали, что в полученном транспорте литературы имеются: протоколы съезда, «Шаг вперед» (имеется в виду брошюра В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад»), комментарии к протоколам лиги, работа В. И. Ленина «Письмо к товарищу» и другие, и указывалось, что теперь на месте материала достаточно, чтобы разобраться в происшедших на съезде разногласиях¹. О наличии большевистской литературы в Латвии свидетельствуют и следующие факты: в 1904 году жандармам удалось при обыске у партийного представителя района «Красная Двина» ЛСДРП обнаружить библиотеку нелегальной литературы. Среди книг и брошюр на русском и латышском языках в библиотеке имелись брошюры В. И. Ленина «Письмо к товарищу о наших организационных задачах», «Письмо в редакцию «Искры»². В том же 1904 году в Риге при обыске в руки жандармов попали 6 брошюр В. И. Ленина «К деревенской бедноте»³. У рабочего завода «Унион» Наумова, схваченного у ворот фабрики Кузнецова, в момент, когда он вслух читал толпе рабочих брошюру, жандармы отняли 8 брошюр «Извещение о втором съезде Российской социал-демократической рабочей партии»⁴. В Риге при обыске у Захарова Степана, не пожелавшего дать о себе никаких сведений, жандармами были обнаружены работа В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад», листовки Рижского комитета РСДРП и программа Российской социал-демократической рабочей партии, принятая на II съезде и изданная Рижским комитетом РСДРП⁵.

Своей разъяснительной работой большевики помогли местным социал-демократам разобраться в происшедших на съезде принципиальных разногласиях, приведших к расколу и к той борьбе, которая развернулась между большевиками и меньшевиками после съезда. В другом письме из Риги сообщалось, что после принятия Рижским комитетом решения о поддержке воззвания 22-х большевиков, настроение «подкомитетской

¹ Партархив ЦК КП Латвии, фонд 200, оп. 1, дело 23, лист 32.

² Центр. Госуд. Архив, Минист. Внутр. дел Латв. ССР, фонд 323, дело 256, лист 561 п.

³ Там же, фонд 323, дело 212, лист 6.

⁴ Центр. Гос. Архив МВД. Латв. ССР, фонд 323, дело 540, листы, 6, 17.

⁵ Там же, дело 698, лист 3, 13.

публики» твердое. В письме выражалась уверенность, что и рабочие поддержат большевистскую резолюцию, принятую Рижским комитетом.¹

Потерпев поражение в местной организации, меньшевики из Риги в поисках защиты обратились в редакцию «Новой Искры» с жалобой на большевиков. Редакция, извращая факты, выступила на страницах «Искры» с обвинением Рижского комитета, его членов и всех большевиков вообще в политической недобросовестности и непорядочности.² Но и эта защита не помогла рижским меньшевикам, не укрепила их позиции и влияние на социал-демократов рабочих в Риге.

В начале 1905 г. в один из наиболее острых моментов внутривнутрипартийной борьбы, когда меньшевикам удалось захватить в свои руки связи и руководство партийными организациями в районах Риги и довести дело до раскола в Рижской организации РСДРП, даже тогда рабочие не пошли за меньшевиками. Меньшикам не удалось протолкнуть на партийном собрании резолюцию, выражающую недоверие комитету. Под этой резолюцией, кроме десяти оппозиционеров-интеллигентов, подписались лишь два рабочих. Заявление о полном прекращении с комитетом всяких организационных сношений подписали все те же десять интеллигентов. Рабочие не поддержали раскольнические действия меньшевиков.³ Рижский комитет РСДРП прочно стоял на позициях большевизма и вел борьбу против меньшевиков. Его авторитет среди рабочих и влияние на развитие революционных событий росли вместе с распространением правды о II съезде и послесъездовской борьбе, вместе с упрочением в Латвии идей большевизма.

Своеобразие и трудность в налаживании массовой работы, в доведении идей большевизма до широких масс рабочих представлял многонациональный состав пролетариата Латвии. Эта трудность усугублялась тем, что в Латвии и после II-го съезда РСДРП продолжали существовать три самостоятельные национальные социал-демократические организации и несколько национальных социал-демократических групп, каждая из которых работала обособленно, по своему плану среди пролетариев своей национальности. Это вносило раздробленность, дезорганизацию, ослабляло силы пролетариата. Еще в начале 1902 года в Риге встал вопрос об объединении существующих

¹ Партархив при ЦК КПСС, фонд 18, опись 17-Н, ед. хр. 1254, л. 10.

² Н. Шахов. Борьба за съезд. Сборник документов, издание Женева, 1904 г., стр. 70.

³ Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов, изд. Москва 1955 г., стр. 628.

национальных социал-демократических организаций. Рижская группа РСДРП уже тогда отстаивала необходимость создания единого нераздельного партийного комитета, который своей деятельностью и влиянием охватил бы весь местный пролетариат, без различия его религиозной и национальной принадлежности. Но отстаивать этот интернациональный принцип построения партийной организации Рижская группа РСДРП, тогда еще малочисленная и слабо связанная с заводами, не сумела.

Представители Комитета ПЛСДРО и Рижского комитета Бунда отстаивали националистический принцип федеративной организации партийной работы. Они настояли на создании в Риге «объединенного комитета социал-демократических организаций». Такой комитет на федеративных началах был создан в Риге в 1902 году. Комитет заседал, намечал планы работы, но за год своей «деятельности» не выполнил ни одного пункта им же принятых решений, показал полную свою бесплодность и бездеятельность.

Рижская группа РСДРП в своем письме II съезду писала: «эта неудачная попытка еще более убедила нас в том, что пока в нашем городе не образуется одного партийного комитета, работающего над всем местным пролетариатом, до тех пор не видать нам настоящего рабочего движения». ¹ Существование нескольких национальных организаций становилось тормозом для дальнейшего развития революционного движения. У латышских социал-демократов не было единства по национальному вопросу в партийном строительстве. После II съезда РСДРП, решительно отвергнувшего «...как безусловно недопустимую в принципе всякую возможность федеративных отношений между РСДРП и Бундом как ее составной частью», ² и ухода Бунда из РСДРП борьба в рядах латышской социал-демократии по национальному вопросу не прекратилась. Члены Рижской группы РСДРП писали большевистскому центру за границей, что национальный вопрос у латышей неясен, имеются товарищи, стоящие на общепартийной точке зрения и есть националистические элементы. Автор письма сообщал, что на откровенное обсуждение национального вопроса латыши не идут, затягивают, видимо, оппортунисты пугают, что партия лишит их самостоятельности в работе ³. Рижский комитет

¹ Второй съезд РСДРП — 1903 г. — (протоколы), М. 1932 г. стр. 444.

² КПСС в решениях и резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК, часть I, изд. 7-е, 1953 г. стр. 47.

³ Партархив ЦК КП Латвии, фонд 200, дело 23, лист. 24.

РСДРП начал переговоры с комитетом ПЛСДРО относительно объединения. В этих переговорах выяснилось, что сколько-нибудь существенных препятствий к объединению не имеется. Но местные латышские социал-демократы не хотели решать этот вопрос самостоятельно, вне зависимости от всей Прибалтийской латышской социал-демократической рабочей организации. Решение вопроса было отложено до предстоящего летом 1904 года съезда всех латышских социал-демократических организаций¹.

Национальный вопрос в свете партийного строительства широко обсуждался в рядах латышской социал-демократии. Националистические элементы из латышской социал-демократии, отстаивавшие принцип федерализма, в дальнейшей борьбе выступили открытыми защитниками организационного оппортунизма русских меньшевиков. Так; например, в статье «Единение и федерация», напечатанной в «Социал-демократе», автор ее вкуче с русскими меньшевиками обрушился против ленинского принципа централизма и конспирации, называя его «бюрократизмом». В национальном вопросе автор статьи выступил защитником федерации, выдавая за образец подлинного единства и объединения австрийскую социал-демократическую партию, «перестроившую» свою работу на федеративных началах.

Автор требовал объединения национальных организаций с РСДРП на федеративных началах². Редакция «Социал-демократа» накануне 1-го съезда ЛСДРП заявила, что она и живущие за границей товарищи полностью поддерживают мысли, высказанные в вышеприведенной статье по вопросу объединения с РСДРП.

Систематическую борьбу с буржуазно-националистическими элементами в латышской социал-демократии вели революционная латышская социал-демократия и большевистский Рижский комитет РСДРП. В этой борьбе они руководствовались ленинскими идеями централизма и интернационализма. Еще на страницах «Искры» В. И. Ленин, разоблачая национализм Бунда и Польской социалистической партии (ППС), подверг уничтожающей критике принцип федеративного построения партии. «...мы должны, — писал В. И. Ленин, — выступать как единая, централизованная, боевая организация, мы должны опираться на весь пролетариат, без различия языка и на-

¹ Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов, изд. Москва, 1955 г. стр. 613.

² «Socialdemokrats», Nr. 27, 1904. g.

циональности, сплоченный совместным постоянным решением теоретических и практических, тактических и организационных вопросов...»¹ Эти указания В. И. Ленина были программой действия для революционной социал-демократии всех угнетенных наций царской России, в том числе и латышской. Первым выступившим с критикой националистических ошибок латышской социал-демократии была ленинская «Искра». В напечатанной в № 47 за 1903 год корреспонденции из Риги указывалось, что латышская социал-демократическая организация в своей работе проявляла национальную ограниченность. Широкою массовую агитацию она проводила главным образом среди латышского пролетариата, большая часть листовок издавалась на латышском языке, оставаясь непонятной для пролетариев других национальностей, проживавших и работавших в Латвии. Различные организационные мероприятия также проводились только среди латышских рабочих, не охватывая рабочих других национальностей. Такая тактика латышской социал-демократической рабочей организации, как писал корреспондент, рождала в латышском пролетариате чувство национальной обособленности. «Искра» писала, что латышская социал-демократическая рабочая организация является самой сильной в Риге, но деятельность ее тормозится «...некоторым организационным национализмом. Ограничивая до самого последнего времени свою агитацию и организационную работу исключительно латышскими рабочими и совершенно не затрагивая рабочих других национальностей, латышские товарищи не могли приобрести сильного и прочного влияния на местный пролетариат», так как латышские рабочие составляли лишь около 50% всех рабочих Риги. Русских рабочих среди рабочих Риги было 15%, литовских — 15%, польских, немецких и прочих национальностей 20%².

После II съезда РСДРП революционная латышская социал-демократия и Рижский комитет РСДРП усилили политическую агитацию и пропаганду интернационального сотрудничества пролетариев различных национальностей. Рижская группа, ограничивавшаяся ранее работой главным образом среди русских рабочих, с укреплением сил, с превращением ее в комитет и с организацией нелегальной типографии в 1903 г. начала вести систематическую пропаганду большевизма в более широких слоях латышского пролетариата и интеллигенции (главным образом студенчества). Рижский комитет

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 299—300.

² «Искра», № 47, 1 сентября 1903 г.

организовал выпуск листовок на русском языке, а с осени 1904 года также и на латышском языке. С января 1904 года по март 1905 года комитетом было выпущено 50 листовок, в количестве 107.000 экземпляров, которые были широко распространены среди рабочих¹.

В целях интернационального воспитания рабочих Латвии Рижский комитет выпустил особую листовку, обращенную к рижским рабочим и работницам. В ней Рижский комитет дал подробное освещение национального вопроса. Листовка указывала, что в Риге национальная раздробленность и национальная замкнутость пролетариата ослабляют его силы в борьбе, и призывала к сближению рабочих различных национальностей в повседневной работе, к участию в общих кружках, собраниях, организациях, к участию в проведении общих мероприятий. Нельзя победить врага не объединившись во все-русскую армию рабочих; во главе этой армии стоит Российская социал-демократическая рабочая партия, она объединяет пролетариев разных национальностей. Листовка от имени рабочих, объединенных в Рижском комитете РСДРП, призывала всех товарищей, к какой бы национальности они не принадлежали, на каком бы языке не говорили, объединиться под знаменем этой партии для борьбы за освобождение от самодержавия и ига капитализма. Листовка призывала всех сознательных рабочих всех национальностей агитировать по кружкам за присоединение к РСДРП. Заканчивалась листовка призывом: «Долой самодержавие, кружковщину, национальную замкнутость»². Листовка эта, изданная в количестве 2500 экземпляров, получила широкое распространение как среди русских, так и латышских рабочих, содействовала укреплению дружбы и сотрудничества между рабочими различных национальностей. Большое воспитательное значение имела и другая листовка Рижского комитета РСДРП, выпущенная в количестве 3.500 экземпляров под названием «Что такое наша партия». Охарактеризовав нетерпимость положения пролетариев в России, листовка указывала революционные пути и средства борьбы пролетариата, разъясняла роль РСДРП в той борьбе. Листовка знакомила рабочих с работой и структурой РСДРП, призывала всех рабочих без различия веры и языка сплотиться вокруг партии, поддержать ее, так как это

¹ Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов, изд. Москва, 1955 г. стр. 616.

² Центр. Госуд. Архив, Министр. Внутр. дел Латв. ССР, фонд 323, опись 1, дело 639, лист 21.

партия рабочего класса, ведущая борьбу за общее всем рабочим дело¹.

Для расширения своего влияния на латышских рабочих Рижский комитет использовал и районные собрания. Такие собрания с количеством участников от 15 до 30 человек устраивались почти каждую неделю по районам. На этих собраниях, кроме организованных товарищей, т. е. членов партии, присутствовали и беспартийные рабочие, мало еще затронутые социал-демократической пропагандой. Здесь они знакомились с программой и организационными принципами большевизма.

Для работы среди интеллигенции была выделена Рижским комитетом специальная группа пропагандистов, она вела работу главным образом среди студентов, устраивала дискуссии по вопросам партийной программы и тактики, вела массовую агитацию посредством листовок. Систематическую пропагандистскую работу Рижский комитет проводил в интеллигентских кружках РСДРП, которых в начале 1905 года в Риге насчитывалось до 10.

В результате развернувшейся работы расширилось влияние большевиков Рижского комитета на латышский пролетариат. Были созданы новые рабочие кружки РСДРП, в которые вовлекались не только русские, но и латышские рабочие. Таким образом Рижская организация РСДРП начала расти и за счет латышских рабочих. К марту 1905 года Рижский комитет РСДРП имел прочные связи с 25 заводами города и проводил там работу как среди русских рабочих, так и среди латышей, евреев, немцев, литовцев.²

Уже в 1904 году, когда начались массовые выступления рабочих, демонстрации и митинги, большевики-ораторы и докладчики Рижского комитета РСДРП пользовались у рабочих большим успехом.³ Под влиянием ленинских большевистских идей усилила работу по интернациональному воспитанию пролетариата и революционная латышская социал-демократия. Многие листовки стали издаваться на 2-х—3-х языках, больше стали обращать внимание на организацию и вовлечение в проводимые массовые мероприятия и пролетариев других национальностей. Издававшиеся листовки, проникнутые глубоким чувством братской солидарности и дружбы народов разру-

¹ Партархив ЦК КП Латвии, фонд 903, опись 5, единица хранения 10.

² Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов, изд. Москва 1955 г., стр. 629.

³ Партархив ЦК КП Латвии, фонд 200, оп. 1, ед. хр. 23, лист 19.

шали национальную отчужденность, обособленность, помогали многонациональному пролетариату Латвии освобождаться от национальных предрассудков, воспитывали в нем классовую сознательность, взаимное доверие, убеждали в необходимости интернационального объединения для борьбы против общих врагов.

Ярким примером такого рода листовок является листовка, изданная совместно комитетами РСДРП и ПЛСДРО. Листовка рассказывала об издевательствах и кровавой расправе полицейских и жандармов с пролетариатом Вильно, с крестьянами Полтавской и Харьковской губерний, с демонстрантами в Финляндии, рассказывала о преследованиях евреев в Риге. Все народы России одинаково угнетены и бесправны, над всеми издевается и бесчинствует самодержавие. Листовка призывала к объединению сил всех народов России, чтобы свергнуть самодержавие и завоевать свободу. «А потому, — писала листовка, — организуйтесь, товарищи, приобретая друзей и среди представителей других национальностей. Помогите и вы отомстить за их позор, их горе пусть будет и вашим горем, ибо их победа будет и вашей победой!»¹

Листовки и газета «Циня» знакомили латышских рабочих с той бесстрашной героической борьбой, которую вели русские рабочие с полицейскими и жандармами против царя и правительства. Но эта бесстрашная борьба станет успешной, когда все народы объединятся. Рабочие Ростова и Златоуста не смогли достичь того, чего желали, потому что им на пути встало войско, «но все полки солдат и казаков бессильны, когда поднимется большая часть рабочих России»². И латышскому пролетариату необходимо организоваться. «Товарищи! организуемся, будем распространять запрещенные книги и прокламации, подавим личные чувства вражды и объединимся в одну сильную латышскую социал-демократическую партию. Тогда мы, объединившись с Российской рабочей партией, будем такой силой, которая разгромит в развалины загнившее самодержавие. Тогда мы сможем, если нужно будет, своим костлявым кулаком и своей кровью завоевать себе свободу!»³

В листовках «Будьте бдительны», «Белградская кровавая ночь», «Долой самодержавие» и других Комитет ПЛСДРО,

¹ Партархив ЦК КП Латвии, фонд 35, опись 4, ед. хран. 5, лист 7.

² Партархив ЦК КП Латвии, фонд листовок. Листовка от апреля 1903 г.

³ Proletariskā revolūcija Latvijā. I s., M. 1924. g. 606. lpp.

обращаясь к латышским рабочим и крестьянам, призывал их к совместной борьбе с пролетариатом и крестьянством всей России, к борьбе под общим знаменем Российской социал-демократической рабочей партии, за общие требования социал-демократии, за свержение самодержавия. В листовках указывалось, что только объединив свои силы с рабочей партией России, можно создать ту силу, которая вдребезги разобьет самодержавие.¹

Совместная работа латышских революционных социал-демократов и русских большевиков по интернациональному воспитанию пролетариата подготавливала условия для создания единой большевистской централизованной территориальной организации РСДРП в Крае. Большую роль в деле создания такой организации должен был сыграть съезд Латышской социал-демократической рабочей партии.

*

Подготавливавшийся I-ый съезд ЛСДРП должен был подвести итог длительной борьбе революционного крыла латышской социал-демократии с оппортунистическими элементами по программным и организационным вопросам. Задача съезда состояла в том, чтобы объединить единомышленников и принятием единой программы и устава партии, обеспечить создание марксистской, строго дисциплинированной партии рабочего класса, сказать свое слово по вопросу об объединении с РСДРП.

Вопросами программы и устава партии латышская социал-демократия интересовалась и занималась давно. Еще в 1901 г. журнал «Социал-демократ» писал, что у латышей появилось социал-демократическое движение, но нет еще партии, что одной из существенных помех для создания рабочей партии в Латвии является отсутствие практической программы борьбы и отсутствие организации. Автор статьи в ответ на вопрос «какая организация нам нужна?» советовал, учитывая условия существующие в России, брать пример с социал-демократических организаций России.²

В последующих номерах «Социал-демократ» напечатал ряд статей, освещающих борьбу народов России и деятельность социал-демократических организаций Польши, Литвы, Бунда. Несколько статей было посвящено развитию русской социал-демократии³. В «Социал-демократе» был напечатан также ряд

¹ Proletariskā revolucija Latvijā. Maskava, 1924. g. 603., 605., 621. lpp.

² «Socialdemokrats», Nr. 4, 1901. g.

³ «Socialdemokrats», Nr. 2, 3, 1901. g.

статей, освещавших деятельность социал-демократических организаций стран Западной Европы. Редакция «Социал-демократа» издала на латышском языке перевод эрфуртской программы, получивший широкое распространение в Латвии.

В № 21 «Искра» опубликовала ленинский проект программы РСДРП и организовала широкое его обсуждение. «Социал-демократ», следуя призыву «Искры», напечатал полный текст искровского проекта на латышском языке, и таким образом сделал его достоянием всей латышской социал-демократии. Редакция журнала указывала, что этот проект выработан двумя наиболее значительными русскими социал-демократическими редакциями: редакцией «Искры» и «Зари» и что разработка проекта программы дает возможность и маленькой латышской социал-демократической организации определить свое отношение к русской социал-демократии. Редакция «Социал-демократа», напечатав опубликованный «Искрой» проект, начала обсуждение его публикацией своих замечаний. По мнению редакции «Социал-демократа», искровский проект программы в своей теоретической части удался, а в практической части неудачен, по крайней мере для условий Латвии он неприемлем. Из практических требований, наиболее удовлетворяющими латышскую социал-демократию, писал журнал, являются политические требования: свержение самодержавия и учреждение демократической республики. Совершенно неприемлемыми для латышской социал-демократии в силу особых аграрных условий Прибалтики «Социал-демократ» признал все требования искровского проекта программы по аграрному вопросу. Делая упор на «особые» и «отличные» условия и будто бы имеющуюся чрезвычайно большую разницу между Прибалтикой и Россией, «критики» из «Социал-демократа» делали свой главный вывод о том, что они сомневаются, возможно ли присоединение латышской социал-демократии к РСДРП, что латышским социал-демократам необходимо будет выработать и принять свою самостоятельную программу и учредить свою самостоятельную партию.¹

После II съезда РСДРП «Социал-демократ» дал краткую информацию о состоявшемся съезде. В ней сообщалось, что съезд принял программу, в основу которой был взят проект, разработанный «Искрой» и «Зарей», обсудил и принял устав партии, признав принцип централизма. В своей информации «Социал-демократ» полностью обошел вопрос о возникших

---

¹ «Socialdemokrats», Nr. 7, 1902. g

разногласиях между искровцами по организационным вопросам, умолчал о происшедшем на съезде расколе искровцев на большинство и меньшинство¹. Уже с первых шагов появления большевизма и начавшейся борьбы против оппортунизма меньшевиков редакция «Социал-демократа» заняла позицию примиренчества.

Разрабатывая программу и устав Латышской социал-демократической рабочей партии, революционная часть латышской социал-демократии руководствовалась ленинско-искровской программой и уставом партии, оппортунистическая же часть ориентировалась на эрфуртскую программу немецкой социал-демократии и отстаивала буржуазно-националистический принцип федерализма.

В ходе борьбы были составлены и опубликованы два проекта программы Латышской социал-демократической рабочей партии. Проект программы, разработанный и опубликованный от имени ПЛСДРО находился еще под сильным влиянием немецкой социал-демократической эрфуртской программы. В проекте указывалось, что вводная теоретическая часть программы может быть взята из немецкой эрфуртской программы. Из искровской программы надо взять и подчеркнуть необходимость политической борьбы в России и Прибалтике как ближайшую политическую задачу, надо поставить свержение самодержавия и учреждение республики на основах демократической конституции.

Проект программы, вступительная часть которого была позаимствована из эрфуртской программы, оказался без ленинского требования диктатуры пролетариата как необходимого условия победы социалистической революции, оказался без важнейшего требования революционной программы партии пролетариата. Практические требования, связанные с уничтожением самодержавия и всех других остатков крепостничества и установлением демократической республики, авторы проекта почти полностью позаимствовали из искровской программы, и в этой части проект программы ЛСДРП в основном совпадал с программой-минимум РСДРП.

В аграрной части проекта программы были взяты из искровской программы требования отмены всех преимуществ, имеющихся у помещиков и крупных землевладельцев, и уничтожения оброков и повинностей, падающих только на крестьян. Проект требовал наложения высоких налогов на крупнейших собственников земли. Но в проекте не было ленинского

¹ «Socialdemokrats», Nr. 21., 1903. g.

требования учреждения крестьянских комитетов, призванных устранить остатки крепостнических отношений в деревне. Там указывалось, что, хотя латышская социал-демократическая рабочая партия и выступает против всякого гнета и эксплуатации, но в данный момент не выдвигает и не защищает требований, отвечающих только интересам класса мелких собственников и упрочению их собственности за счет общества.¹

Проект программы, разработанный и опубликованный от имени ПЛСДРО был революционным, искровским в отношении требований программы-минимум. В отношении же программы-максимум он еще не был проектом революционной программы партии нового типа.

Второй проект программы ЛСДРП, получивший распространение в Латвии, был составлен «некоторыми членами Курземской группы».

Этот проект, по своему содержанию был близок к программе РСДРП, принятой II-ым съездом, отвечал основным требованиям ленинской программы партии нового типа.

В соответствии с искровской программой РСДРП, в проекте давалась характеристика развития капиталистического общества, создающего материальные условия для победы социалистической революции. Но социальная революция возможна единственно тогда, когда государственную власть захватит в свои руки пролетариат, т. е. пролетариату необходимо установить в государстве такую политическую власть, которая сможет подавить всякое сопротивление со стороны эксплуататоров. Сформулировав требование диктатуры пролетариата, но не употребляя этого выражения, авторы проекта в соответствии с ленинской программой излагали задачи деятельности социал-демократической партии.

Проект, кроме программы-максимум, формулировал основные требования программы-минимум, главным политическим требованием среди которых являлось свержение царского самодержавия и установление демократической республики. Практические требования программы-минимум в проекте позаимствованы из искровской программы РСДРП.

В аграрной части проекта сформулированы те же требования, что и в проекте ПЛСДРО, но в отличие от авторов последнего некоторые члены курземской группы не считали принципиально невозможным для Латышской социал-демократической рабочей партии защиту интересов мелких собственников, крестьян. Поскольку в этом проекте программы были

¹ «Socialdemokrats», Nr. 17., 1903. g.

сформулированы конечная цель борьбы пролетариата — социалистическая революция и требование диктатуры пролетариата, не отрицалась принципиально возможность поддержки крестьянского движения, его борьбы против остатков средневековья, он был более близким ленинско-искровской программе партии. Кроме этих двух проектов программы, распространенных в латышской социал-демократии, в журнале «Социал-демократ» был напечатан также ряд дискуссионных статей по отдельным программным вопросам. Знакомство с этим материалом указывает, что в латышской социал-демократии накануне I-го съезда ЛСДРП имелись два течения — революционное и оппортунистическое, между которыми шла борьба по вопросу о том, на каких идейных, программных основах создавать партию.

Острая борьба при обсуждении организованных вопросов в предсъездовский период в латышской социал-демократии развернулась по национальному вопросу.

Создавая партию, латышским социал-демократам необходимо было определить свое отношение к Российской социал-демократической рабочей партии и те принципы, на которых необходимо объединить работу пролетариев различных наций. Революционные латышские социал-демократы, руководствуясь указаниями В. И. Ленина, отстаивали принципы интернационализма, объединения ЛСДРП и РСДРП на началах централизма. Оппортунистически-националистические элементы латышской социал-демократии отстаивали буржуазно-националистический принцип федерации.

Эта борьба захватила широкие слои латышской социал-демократии. В 1904 году редакция «Социал-демократа» вынуждена была признать, что в Латвии сторонников федерализма примерно столько же, сколько и сторонников автономизма, последних, возможно даже больше.¹

I съезд ЛСДРП собрался нелегально в Риге 7 (20) июня 1904 года. На съезде участвовало 14 делегатов, представлявших Рижскую, Лиепайскую, Елгавскую, Вентспилскую, Талсенскую социал-демократические организации, 2.500 членов партии, объединенных в нелегальные социал-демократические кружки².

В ходе работы съезд заслушал сообщения местных социал-демократических организаций, обсудил вопрос о программе

¹ «Socialdemokrats», Nr. 27., 1904. g.

² «Cīņa», Nr. 5., 1904. g.

партии, об уставе, об отношении ЛСДРП к другим социал-демократическим партиям в России и организационные вопросы.

Обобщая материал отчётов местных социал-демократических организаций съезду, «Циня» писала, что в результате проведенной работы, социал-демократическая организация получила сочувствие и отклик в широких слоях населения, движение разрасталось. Местные организации латышской социал-демократии не только руководили экономической и политической борьбой рабочих в городе, но сумели установить прочные связи с трудящимися массами ряда сельских районов. «Циня» указывала, что число тех, кто понимает нашу борьбу, читает нашу литературу, сочувствует нам, в 4—5 раз больше, чем членов организации. Слабой стороной движения, как отмечала «Циня», была нехватка во многих районах подготовленных пропагандистов и агитаторов, способных поднять уровень теоретических знаний членов организации. Нехватало опытных агитаторов, которые направили бы разраставшееся движение по правильному пути¹. Поэтому съезд, как писала газета, и уделил такое внимание вопросам улучшения всей партийной и агитационной работы, основательно обсудил вопросы внутривнутрипартийной работы и принял решение как работать и действовать дальше.

По вопросу о программе съезд обсудил проект программы, составленный ПЛСДРО и опубликованный в «Социал-демократе» № 17 (проект, о котором речь шла выше). Как указывает в своих воспоминаниях Кажмер-Поп, живые дебаты на съезде развернулись при обсуждении аграрного вопроса программы. Так как у делегатов съезда не было ясности в этом вопросе, то было принято решение не включать в программу раздела с аграрными требованиями². Остальная часть проекта в основном была принята без изменений, но окончательно программа не была утверждена съездом. Съезд избрал комиссию, которой поручил подготовить проект к очередному съезду. Состоявшийся в 1905 году II съезд ЛСДРП принял предложенный комиссией проект. Ознакомление с проектом программы, напечатанном в «Социал-демократе» (№ 17), и программой, принятой II съездом ЛСДРП, указывает, что между проектом и принятой программой существенных различий нет. Первая часть их — программа-максимум, составлена по образцу эрфуртской программы немецкой социал-демократии.

¹ «Цина», Nr. 4., 1904. g.

² Proletariskā revolūcija Latvijā, I s., 383. lpp., izd. M. 1924. g.

Вторая часть программы, где формулировались задачи и требования буржуазно-демократической революции, в основном соответствовала искровской программе-минимум.

Съезд ЛСДРП обсудил и принял устав партии. В основу построения ЛСДРП были взяты ленинско-искровские организационные принципы демократического централизма.

Важнейший вопрос устава — кто может быть членом партии — был решен съездом в духе ленинского принципа централизма. «Циня», говоря об организованных товарищах — членах партии, отмечала, что таковыми считаются только те, кто участвует в работе организации, подчиняется ее решениям и кого в любой момент можно призвать на борьбу. В другом месте по этому же поводу «Циня» разъясняла, что членом партии считается только тот, кто аккуратно посещает собрания кружка, платит членские взносы и в каждый момент готов подчиниться общему решению организации.¹ Хотя в этих формулировках нет четкого ленинского определения, кто может быть членом партии, в практике партийного строительства ПЛСДРО строго руководствовалась ленинской формулировкой первого параграфа устава. Каждый член партии обязательно состоял в социал-демократическом кружке, утвержденном центром, и партийную работу проводил по заданию и под контролем партийной организации. От каждого члена партии требовалось активное участие в работе партийной организации, строгое выполнение партийной дисциплины и беспрекословное подчинение партийным решениям. Ленинские организационные принципы, прочно вошедшие в жизнь партийной организации еще до съезда, получили свое отражение в уставе.

Вопрос об отношении к социал-демократическим партиям других народов России был поставлен на съезде отдельным вопросом. Решая этот вопрос, большинство съезда не сумело подняться до уровня понимания общих партийных интересов, противопоставить пролетарский интернационализм буржуазному национализму, не сумело разоблачить защитников федерации и преодолеть оппортунизм в организационных вопросах. Присланное съезду письмо Бунда, пропитанное буржуазным национализмом, не встретило должного отпора на съезде, оно не было разоблачено и отвергнуто как вредное, идущее в разрез с коренными интересами рабочего класса. В принятом решении съезд правильно указывал: «... сознательный пролетариат народов России может успешно вести совместную

¹ «Цица», № 4., 1904. г.

освободительную борьбу только на основе единой социал-демократической программы и тактики». Съезд считал «чрезвычайно желательным объединение всех революционных социал-демократических организаций и фракций в единую Российскую социал-демократическую партию», но это объединение может быть осуществлено только на федеративных началах. Съезд требовал создания самостоятельных национальных социал-демократических партий и объединения их в одну партию на федеративных началах.¹ Имея в виду присоединение ЛСДРП к РСДРП, съезд требовал признания полной самостоятельности ЛСДРП во всей внутренней работе (национальные съезды, центры, комитеты, печатные органы, литература и т. д.), самостоятельности в распоряжении силами и средствами ЛСДРП, особого представительства на съездах и в ЦК РСДРП, требовал признания ЛСДРП единственной представительницей латышского пролетариата в партии, обращения к латышскому пролетариату только с разрешения ЦК ЛСДРП. Эти принятые съездом условия объединения были списаны у Бунда.

Съезд обсудил также вопрос об отношении ЛСДРП к буржуазным и мелкобуржуазным партиям. В принятом решении указывалось, что ЛСДРП отказывается от какого-либо сотрудничества с либералами-освобожденцами и эсерами.

I съезд ЛСДРП разрешил ряд организационных вопросов. Съезд утвердил центральным органом ЛСДРП нелегальную газету «Циня». Ежемесячник «Социал-демократ», выходивший в Берне, был утвержден в качестве заграничного органа партии. Съезд избрал единый руководящий орган партии — Центральный Комитет.

Подводя итоги работе I съезда ЛСДРП необходимо отметить, что он имел большое положительное значение в развитии латышской социал-демократии. Съезд покончил с кружковщиной и впервые объединил все революционные силы латышской социал-демократии в одну латышскую социал-демократическую рабочую партию, в массовую и сильную своим пролетарским составом партию (до 70% членов составляли промышленные рабочие).

Принятие съездом устава партии, избрание единого руководящего центра, содействовали дальнейшему сплочению сил и повышению боеспособности рядов ЛСДРП. Оформив партию на ленинско-искровских организационных началах как единую строго централизованную массовую политическую ор-

---

¹ Партархив ЦК КП Латвии, фонд 2165, опись 1, дело 1.

ганизацию латышского пролетариата, съезд превратил ее в несокрушимую силу.

Приняв проект программы, в котором были изложены основные требования искровской программы-минимум, съезд нацелил партию на подготовку сил для совместной с РСДРП и с пролетариатом всей России борьбы по уничтожению самодержавия, мобилизовал латышский пролетариат на борьбу за победу демократической революции. Вооруженная такой программой, ЛСДРП выдвинулась в ряды передовых борцов России против самодержавного строя.

Но съезд имел и существенные недостатки. Им были допущены серьезные ошибки оппортунистического характера. Не включив в принятый проект программы требования социальной революции и диктатуры пролетариата, тем самым съезд не вооружил партию пролетариата боевой революционной программой-максимум, способной мобилизовать вокруг своих лозунгов пролетариат на революционную борьбу вплоть до победы диктатуры пролетариата. Отказавшись от включения в программу аграрных требований, съезд допустил ошибку, не нацелил партию на необходимость работы среди крестьянства, не вооружил революционными, программными требованиями, которые помогли бы партии и рабочему классу подготовить крестьянство как союзника к участию в революции.

Верно Озолс-Зарс в своих воспоминаниях указывал, что отказ от принятия аграрной программы, не означал отказа латышской социал-демократии от руководства революционным движением на селе как за осуществление чисто пролетарских требований, так и за уничтожение последних остатков крепостничества в деревне¹.

При разрешении организационных вопросов, съезд допустил националистические ошибки, противопоставив пролетарскому принципу интернационализма и централизма националистический принцип федерализма. Оппортунистические решения съезда по этому вопросу затруднили работу по объединению национальных социал-демократических организаций Латвии, задержали создание единой централизованной партийной организации рабочего класса в Крае. Несмотря на все ошибки и недостатки, I съезд ЛСДРП сыграл положительную роль в дальнейшем развитии латышской социал-демократии. «Циня», оценивая значение I съезда, писала: «Если бросить взгляд на многочисленные наши ряды, на наши тесные взаимные связи, на проделанную нами работу и блестящие успехи борьбы, то

¹ Proletariskā revolūcija Latvijā, I d., M., 1924. g., 381. lpp.

можно сказать, что латышская социал-демократическая партия представляет теперь такую силу, которую не может больше ни сокрушить, ни сломить никакая темная власть. И то, что эта сила будет еще больше возрастать и крепнуть, в этом твердо убежден каждый член партии»¹.

После съезда революционная латышская социал-демократия, укрепившись, развернула дальнейшую борьбу по разоблачению оппортунистических, буржуазно-националистических элементов за дальнейшее упрочение ленинских идейных и организационных принципов и тактики. В условиях развертывающейся революции преодолевались ошибки, допущенные съездом.

Когда в 1905 году вспыхнула революция, пролетариат Латвии выступил вместе с пролетариатом всей России, его борьба была частью общей борьбы революционной России за свержение самодержавия. Революционная часть РСДРП и Рижский комитет РСДРП, возглавив мощное революционное движение, подняли пролетариат Латвии на массовое стачечное движение, превратили политические стачки в массовые уличные демонстрации. В этой борьбе пролетариат Латвии показал свою организованность, активность и политическую сознательность. Из 8-ми всеобщих стачек, проведенных в Риге только за 1905 год, 6 были политическими. По настойчивости пролетарской стачечной борьбы Лифляндская губерния, как указывал В. И. Ленин, стояла на первом месте в России. Каждый фабрично-заводской рабочий Лифляндской губернии бастовал в 1905 году в среднем 5 раз, в Риге рабочие крупнейших предприятий бастовали в течение года по 10 и более раз. Идя во главе революционного движения, пролетариат Латвии своей решительностью и организованностью увлек за собой широкие массы трудящихся, превратив это движение в подлинно массовое. Количество участников в демонстрациях и митингах в Риге достигало до 60—100 тысяч человек. В рабочих районах пролетариат Латвии широко осуществлял демократические свободы. Революционная латышская социал-демократия, вопреки ошибочному решению съезда по аграрному вопросу, была организатором и руководителем массового крестьянского движения в Латвии. Под ее руководством прошли массовые стачки батраков, она организовала сельские крестьянские демонстрации весной и летом 1905 года, в которых участвовало свыше 80.000 человек. Батраки и крестьяне, учредив революционным путем комитеты действия, взялись за создание новой

¹ «Сіпа», Nr. 5., 1904. g.

революционной власти на местах. Во главе этой борьбы шла революционная латышская социал-демократия.

Руководствуясь ленинскими тактическими лозунгами, революционная часть ЛСДРП и Рижский комитет большевиков были организаторами вооруженных сил революции. Они подготовили рабочий класс к вооруженному восстанию. Под их руководством рабочему классу удалось упрочить союз с латышским крестьянством и повести его на вооруженную борьбу против немецких баронов и самодержавия. В результате этой борьбы были уничтожены сотни имений помещиков. В. И. Ленин, оценивая роль латышской социал-демократии и рабочего класса Латвии в революции 1905 года, писал:

«Во время революции латышский пролетариат и латышская социал-демократия занимали одно из первых, наиболее важных мест в борьбе против самодержавия и всех сил старого строя»¹.

Указывая на сознательность, единодушие и революционность выступлений латышского пролетариата, В. И. Ленин писал: «... он шел в авангарде вооруженного восстания, он больше всех содействовал поднятию движения на наивысшую ступень, то есть на ступень восстания. Он больше, чем кто-либо другой втянул в великую революционную борьбу против царизма и помещиков латышский сельско-хозяйственный пролетариат и латышское крестьянство».²

В огне революционной борьбы закалялась дружба народов России. Совместные выступления в стачках и уличных демонстрациях, совместная борьба с оружием в руках и вместе пролитая кровь латышских и русских рабочих в 1905 году спаяли нерушимой дружбой русский и латышский народы. Усилилась тяга сознательных латышских рабочих к русским большевикам, к объединению с ними в РСДРП. Ярким документом, отразившим интернациональные чувства и классовую солидарность пролетариев Риги, является листовка, выпущенная Рижским комитетом ЛСДРП и Рижским комитетом РСДРП в связи с кровавыми событиями 13 января в Риге. Листовка заявляла, что рабочие Риги в ответ на кровавую расправу самодержавия с пролетариями Петербурга организовано, независимо от национальности и веры, бросили работу и поддержали рабочих Петербурга. Всеобщей забастовкой, уличными демонстрациями и своими требованиями пролетариат Риги, как писала листовка, открыто заявил свою полную солидарность

¹ В. И. Ленин, Соч., том 16, стр. 236.

² Там же.

с сотнями тысяч пролетариев Петербурга, поднявшихся на борьбу за права и интересы трудящихся.

«...Своей кровью, пролитой 13 января, мы навеки укрепили эту солидарность, самые прочные связи наших рижских рабочих с миллионами русского пролетариата, который борется за свое освобождение».¹

Развернувшаяся революционная борьба в 1905 году все больше убеждала на опыте местные партийные организации ЛСДРП и рядовых ее членов в полной несостоятельности и вредности федерализма, в том, что обособленность национальных социал-демократических организаций ведет к раздроблению и ослаблению сил пролетариата. По инициативе местных латышских партийных организаций перед ЦК ЛСДРП был поставлен вопрос о необходимости объединения всех национальных социал-демократических организаций в единую партию.

В «Цине» в феврале—марте 1906 года был опубликован ряд решений, принятых на собраниях представителей партийных организаций предприятий (заводов: Маузнер, Фельзер, Сириус, Спалва, Кригман, Зенгабуш). В принятых решениях указывалось, что современные политические условия и дальнейшая борьба против самодержавия требуют объединения всех сил борющихся, объединения всех работающих в России социал-демократических организаций. Однако, как отмечала резолюция, представители социал-демократических кружков заводов Фельзера и Сириуса, существующие ненормальные отношения между местными социал-демократическими организациями приводят к расколу, к искусственному и вредному ослаблению сил пролетариата².

Во всех резолюциях представители социал-демократических кружков обращались к ЦК ЛСДРП с призывом и требованием принять меры, чтобы в ближайшее время достичь объединения с другими национальными социал-демократическими организациями для создания в Прибалтике единой территориальной партийной организации, требовали создания единой социал-демократической рабочей партии в России³. Требования этих резолюций подкреплялись положительным опытом организации совместной борьбы и деятельности различных национальных социал-демократических организаций. Так в Лиепае еще в дни всеобщей Октябрьской политической стачки 1905 года возник Объединенный комитет лиепайских социал-

¹ Latvijas socialdemokratisko organizaciju lapinas Krievijas pirmās revolūcijas gados, Rīgā, 1955. g. 37. lpp.

² «Cīņa», Nr. 27., 1906. g.

³ «Cīņa», Nr. 26., 27., 1906. g.

демократических организаций, в котором объединились существовавшие в Лиепае организации ЛСДРП, РСДРП и Бунда.

«Объединенный комитет» принял решение, что объединившиеся организации выступают и действуют только от имени «Комитета». «Объединенный комитет» руководил всей пропагандистской и агитационной работой, он возглавил стачечную политическую борьбу рабочих. Под его руководством в Лиепае была проведена всеобщая политическая стачка, многолюдные митинги, на которых ежедневно участвовало от 20—40 тыс. человек. Митинги проводились на латышском, русском, польском, литовском, еврейском, немецком языках с общей трибуны. На трибуне развевались знамена с надписями на всех языках.

В процессе совместной работы между национальными социал-демократическими организациями стерлись рамки, разъединявшие их прежде. «Объединенный комитет» стал единой организацией, в руках которой находилась вся социал-демократическая работа в Лиепае. В целях формального закрепления единства, созданного в процессе борьбы, «Объединенный комитет» в принятой резолюции признал необходимым и впредь оставаться единым комитетом и высказался за полное слияние повсюду на местах социал-демократических организаций в единые комитеты и за необходимость созыва в ближайшем будущем объединенного съезда всех социал-демократических партий России для создания единой Российской социал-демократической рабочей партии¹.

Газета «Петербургас Латвиетис» в сообщении о деятельности «Объединенного комитета» в Лиепае писала, что объединение рабочих стало таким прочным, что «...представители рабочих избираются не по национальностям, а от всего числа рабочих», поэтому нет различных категорий представителей и комитетов, а «...есть только один рабочий комитет, состоящий из латышей, русских, евреев и т. д. Обсуждение вопросов происходит на латышском языке, причем содержание дебатов дается рабочим других национальностей в переводе. Хотя такому виду объединения присущи неудобства, все же пролетариат весьма доволен подобным объединением»².

По инициативе и требованию низовых партийных организаций и рабочих социал-демократов, вопреки националистически настроенным элементам, ЦК ЛСДРП поставил на обсуждение

¹ Партархив ЦК КП Латвии, фонд 1, опись 1, единица хранения 3, листы — 31, 49.

² «Pēterburgas latvietis», Nr. 1, 1906. g.

вопрос об отношении к РСДРП и начал переговоры об объединении. Состоявшаяся в марте 1906 г. так называемая «Весенняя» конференция ЛСДРП приняла решение, требовавшее объединения национальных социал-демократических партий в единую социал-демократическую партию пролетариата России. В резолюции указывалось, что одержать победу в борьбе за освобождение можно лишь тогда, когда пролетарии всех областей и наций ведут борьбу под единым централизованным руководством, проводят единую тактику.

Конференция наметила условия объединения и избрала трех делегатов для участия на IV съезде РСДРП. IV (объединительный) съезд РСДРП (апрель 1906 года) обсудил и принял проект условий объединения Латышской социал-демократической рабочей партии с РСДРП. Съезд поручил ЦК в случае согласия ЛСДРП на объединение осуществить его безотлагательно, не дожидаясь следующего общепартийного съезда.

Собравшийся в июле 1906 г. съезд ЛСДРП одобрил и утвердил условия объединения. В принятом решении заявлялось об упразднении ЛСДРП и образовании автономной территориальной социал-демократической организации, входящей в состав РСДРП и именуемой «Социал-демократия Латышского края Российской социал-демократической рабочей партии». Осенью этого же года было проведено практическое слияние всех национальных социал-демократических организаций края в единую партийную организацию на началах демократического централизма, на основе единой программы РСДРП (за исключением пункта об аграрной программе, который был оговорен как не обязательный для социал-демократии Латышского края).

Длительная многолетняя борьба в Латышской социал-демократии против национализма и оппортунизма в организационных вопросах закончилась победой ленинских принципов централизма и интернационализма. Созданием Социал-демократии Латышского края были объединены силы русских, латышских, литовских, эстонских пролетариев в единую организацию для дальнейшей борьбы под руководством единой Всероссийской партии. Опыт работы СДЛК подтвердил, что единственно правильное разрешение национального вопроса в деле построения партии рабочего класса дает принцип интернационализма.

В. И. Ленин в письме к А. М. Горькому в 1913 году писал: «У нас на Кавказе с.-д. грузины + армяне + татары + русские работали вместе, в единой с.-д. организации больше

десяти лет. Это не фраза, а пролетарское решение национального вопроса. Единственное решение. Так было и в Риге: русские + латыши + литовцы; отделились **лишь сепаратисты** — Бунд. То же в Вильне»¹.

В рядах РСДРП, руководствуясь единой революционной программой и большевистской тактикой, большевики Латвии развернули дальнейшую борьбу за партию нового типа. В этой борьбе большую помощь латышским большевикам оказали русские большевики и непосредственно В. И. Ленин.

Будучи всегда в курсе происходящих событий, В. И. Ленин в своих многочисленных выступлениях в печати: «От обороны к наступлению», «Ультиматум революционной Риги», «Партизанская война», «Юбилейному номеру «Циня», «Уроки революции» и других, обобщая опыт революционной борьбы в Латвии, давал указания по организации дальнейшей борьбы. Принимая непосредственное участие в партийной жизни социал-демократии, В. И. Ленин участвовал на двух съездах Социал-демократии Латышского края в 1907 и 1914 годах и на обоих выступал с докладами, написал «Проект платформы к IV съезду социал-демократии Латышского края». В. И. Ленин поддерживал тесные сношения с латышскими большевиками, критиковал их за допущенные ошибки, помогал исправлять и преодолевать их.

Непосредственная помощь В. И. Ленина и русских большевиков, глубокое изучение марксистско-ленинской теории, овладение ленинскими принципами большевизма и перестройка на их основе всей партийной работы и непримиримая борьба с оппортунизмом и примиренчеством обеспечили большевикам Латвии создание революционной партии нового типа — славной Коммунистической партии Латвии.

---

¹ В. И. Ленин, Соч., том 35, стр. 58.

A. Stikāne

CĪŅA PAR MARKSISTISKIEM PRINCIPIEM LATVIEŠU LITERATURAS KRITIKĀ STOLIPINA REAKCIJAS LAIKĀ

Marksistiskā literatūras kritika veidojas un attīstās darba tautas revolucionarajā cīņā.

Stolipina reakcijas laikā, kad kontrrevolūcija trako ar sevišķu spēku, kad proletariāta partijai no tiešas bruņotas cīņas pret patvaldību, buržuaziju un vācu baroniem jāpāriet uz citiem cīņas veidiem, ideoloģiskā cīņa, īpaši literatūras kritika, sasniedz ārkārtīgi krāsas izpausmes formas.

V. I. Ļeņins raksta: «Sabiedriskās un politiskās reakcijas laiks, revolūcijas bagāto mācību «sagreimošanas» laiks ne aiz nejausības ir tas laiks, kad galvenie teoretiskie, tai skaitā filozofiskie jautājumi, katram dzīvam virzienam izvirzās vienā no pirmajām vietām.»¹

Latviešu tāpat kā krievu literatūras kritikā aiz strīdiem estētikas un literatūras jautājumos iezīmējas divas naidīgas nometnes: buržuaziskā un proletariskā.

Literatūras kritika kā sabiedriska tribuns reizē ar literatūras vērtējumu nodod spriedumu par daudzām sabiedriskām parādībām.

Latviešu progresīvie kritiķi, saistījušies ar darba tautu, ar tās atbrīvošanās cīņām, Stolipina reakcijas gados daudz plašāk, salīdzinot ar Jauno strāvu, izvērsis marksistiskās kritikas principus.

Jaunā strāva pacēla literatūras kritiku līdz teoretiskas un politiskas cīņas līmenim. Literatura bija viens no galvenajiem kaujas laukiem, kur jaunstrāvnīeki izcīnīja daudz spožu uzvaru. Tādēļ arī Jaunās strāvas periodā latviešu literatūrā un kritikā iezīmējās liels uzplaukums. Jaunās strāvas literatūras kritikas labākā daļa jau nonāk līdz šķiru mākslas izpratnei, tā orientē rakstniekus aizstāvēt darba tautas intereses, norāda uz literatūras lielo lomu sabiedrības pārveidošanā. Galveno estētikas jautājumu — mākslas attieksmi pret īstenību — jaunstrāvnīeki

¹ V. I. Ļeņins, Raksti, XVIII sēj., 1950., 51. lpp.

atrisina marksistiski, tāpēc marksistiskās literatūras kritikas aizsākumi datējami ar Jaunās strāvas laiku.

Marksistiskās literatūras kritikas principi veidojas cīņā pret buržuāzijas pagrimuma mākslu — dekadenci un cīņā par demokrātisku un revolucionāru latviešu literatūru.

Asajās diskusijās un polemikās ar buržuāziskās mākslas pautējiem attīstās un veidojas progresīvie kritiķi. Progresīvās literatūras un kritikas fronte arī nav vienota. Starp pašiem progresīvajiem kritiķiem pastāv uzskatu pretrīkības, nepilnības marksistiskās kritikas apguves ziņā.

Lieli nopelni latviešu realistiskās literatūras attīstībā un marksistiskās kritikas izveidē ir Jansonam-Braunam. Literatūras kritikas laukā Jansons-Brauns konsekventi cīnās par demokrātisku un partejisku literatūru, kas kalpotu kopējiem proletariāta uzdevumiem, bet politiskajā darbībā viņam daudz kļūdu. Stolipina reakcijas laikā, sevišķi pēc 1910. gada, viņš nostājās samierinātāju (centristu) pozīcijās, ieņemdams it kā vidutāja lomu starp boļševikiem un meņševikiem. Pūlēdamies samierināt principiāli nesamierināmus virzienus, samierinātāji darīja lielu ļaunumu partijai. Viņi bremzēja Latvijas socialdemokrātijas biedru apvienošanās ap revolucionāro boļševiku virzienu.

Liela nozīme latviešu progresīvās literatūras kritikas attīstībā ir Andrejam Upītim. Dzīvi atsaukdami uz dažādām sabiedriskām parādībām literatūras laukā, A. Upīts Stolipina reakcijas laikā veidojas un izaug par ievērojamu rakstnieku, publicistu un literatūras kritiķi. Noteiktā nostāšanās progresīvo, demokrātisko spēku pusē liecina, ka A. Upīts atradis pareizo ceļu, pa kuru ejot, viņš ap 1911.—1912. gadu nostājās marksisma pozīcijās.

Blakus Jansonam-Braunam un A. Upītim veidojas arī jauni demokrātiskie kritiķi, kā R. Pelše un A. Birkerts, kuri daudzos jautājumos pauž marksistiskas idejas. Visi minētie kritiķi veido galveno fronti cīņā pret dekadenci Stolipina reakcijas laikā.

Progresīvās literatūras un kritikas cīņa pret dekadenci cieši savijas ar pašas buržuāziskās sabiedrības kritiku. Pirmo reizi latviešu literatūras kritikā tik spilgti nostādīta pretī buržuāziskās mākslas teorijai «mākslu mākslai» proletariskā šķiru mākslas teorija, pretī buržuāzijas idealistiskajai filozofijai — marksistiskā filozofija.

Progresīvie kritiķi, arvien vairāk apgūdami dialektiskā un vēsturiskā materialisma pamatus, cīņā pret dekadenci latviešu literatūrā atklāj tās sakņojumu imperialisma laikmeta sabiedriski ekonomiskajā dzīvē un parāda dekadenci kā reakcionārās buržuāzijas politisku ieroci, kas vērsti pret strādnieku šķiru.

Latviešu progresīvo kritiķu polemikas ar dekadentiem un to «advokātiem» (M. Valteru u. c.) skaidri atklāj divu nesamierināmu nometņu cīņu filozofijā un estetikā. Balstīdamies uz marksistiskās estetikas, uzskatīdami mākslu par vienu no īstenības izziņas veidiem, latviešu progresīvie kritiķi Stolipina reakcijas laikā realisma prasību vārdā cīnās pret idealistiskās filozofijas izpausmēm literatūrā. Viņi atklāj, ka aiz dekadentu sludinātā individualisma, simbolisma un misticisma, kā arī aiz «Zalkša» grupas sludinātā «tautiskuma» un «objektivisma» izkārtnes, «mākslas tradīciju svētnīcas» mūriem slēpjas reakcionarās buržuāzijas ideoloģi. Literarajās sadursmēs starp progresīvajiem kritiķiem un dekadentiem būtībā atspoguļojas asa politiska cīņa.

Cīņa pret dekadenci nenobeidzas ar dekadentu organizētu grupējumu likvidēšanu un dekadentu iekārtošanos buržuāzijas laikrakstu redakcijās Stolipina reakcijas beigu periodā. Progresīvie kritiķi tiem seko arī tālāk, atklājot, ka dekadentu dažādās metamorfozas iezīmē arvien naidīgāku nostāju pret tautas revolucionāro kustību, arvien dziļāku buržuāziskās mākslas pagrimumu.

Saprazdami mākslu kā noteikta vēsturiska laikmeta produktu un personības brīvību saistot ar tautas cīņu par socialismu, progresīvie kritiķi un rakstnieki izvirza mākslai uzdevumu — audzināt tautu sabiedriski un estētiski, veicināt šķiras apziņas izveidošanos un parādīt dzīves pamatu pārveidošanas nepieciešamību.

Progresīvie kritiķi, apkarojot dekadenci un tās pārstāvju liekulīgo un dīvokosīgo taktiku, cīnās par demokrātisku un revolucionāru literatūru, izmantojot šim nolūkam visu tā laika nozīmīgāko devumu latviešu, krievu un aizrobežu literatūrā.

Sai laikā latviešu demokrātiskās un revolucionārās literatūras nozīmīgākie darbi sasniedz augstu idejisku un māksliniecisku līmeni. Tie atsedz imperialisma laikmeta šķiru pretišķības un parāda darba tautas masu revolucionāro cīņu pret muižniekiem, carismu un kapitalismu. Demokrātiskās un revolucionārās literatūras izveides procesā savukārt liela nozīme progresīvajai kritikai. Tā, atsedzot Apsīšu Jēkaba, A. Saulieša u. c. rakstnieku reakcionaros uzskatus un viņu realisma ierobežotību, reakcionarā romantisma izpausmes J. Poruka un Fr. Bārdas darbos, vērtējot un izceļot Raiņa, A. Upīša un Ed. Veidenbauma, Ed. Treimaņa-Zvārguļa un Aspazijas progresīvās un revolucionārās tradīcijas latviešu literatūrā, progresīvā kritika kļūst par aktīvu sabiedriskās dzīves virzītāja spēku, par darba tautas audzinātāju. Cenšoties audzināt rakstniekus idejiski un estētiski, progresīvā kritika ar diezgan tālu atskatu, pat līdz pagājušā gadsimta 80. gadiem, parāda, uz kāda literārā mantojuma izaug latviešu

demokratiskā literatūra, parāda tiem īsto ceļu uz realismu un plašām tautas masām.

Latviešu progresīvās kritikas cīņa par demokrātisku un revolucionāru literatūru nav iedomājama bez krievu un aizrobežu rakstniecības labāko sasniegumu popularizācijas. Sevišķi tuva progresīvajiem kritiķiem ir krievu klasiskā literatūra (N. Nekrasovs, N. Gogolis, A. Čehovs, Ļ. Tolstojs, M. Gorkijs) ar savu idejiskumu, netaisnās iekārtas drosmīgu atmaskojumu, neapšaubāmu ticību tautas revolucionārajiem spēkiem, cīņu pēc labākas dzīves un lielisko formas meistarību. Tāpēc progresīvie kritiķi (Jansons-Brauns, A. Upīts, A. Birkerts, R. Pelše u. c.) daudzos apcerējumos un recenzijās atklāj, kādu pozitīvu ieguldījumu kultūras mantojumā sniedz šie darbi. Saprotot, ka M. Gorkija, A. Čehova, Ļ. Tolstoja u. c. demokrātisko un revolucionāro rakstnieku darbi radoši ietekmē latviešu progresīvās sabiedriskās domas attīstību, latviešu literatūras nostāšanās uz realisma pamatiem, progresīvā kritika izceļ šo darbu tulkojumu nepieciešamību latviešu valodā.

Popularizējot krievu klasisko literatūru, latviešu progresīvā kritika veicina latviešu un krievu kultūras sakarus.

Latviešu progresīvie kritiķi, cīnoties par demokrātiskās kultūras nostiprināšanu un tālāku izveidošanu, pievēršas arī aizrobežu rakstniekiem un to darbiem, popularizējot un izceļot demokrātiskās parādības un ārdot reakcionāras.

Galvenais kriterijs pozitīvo sasniegumu meklējumos ir literatūras ciešais sakars ar dzīves īstenību.

Stolipina reakcijas gados aizrobežu progresīvie rakstnieki (Gijs de Mopasans, Ibsens, Fr. Šillers) kā buržuaziskās sabiedrības negatīvo parādību atsedzēji, kā cilvēka tiesību, humanisma un nacionālās atbrīvošanās sludinātāji gūst pozitīvu vērtējumu. Ja arī ziemeļnieku rakstnieku (H. Ibsena, Bj. Bjernsona) daiļrades vērtējumos nav pilnīgi atsijāti reakcionārie elementi no pozitīvā devuma, tomēr, izceļot šo rakstnieku progresīvos sasniegumus, sava laika aktuālo problēmu risinājumu augstvērtīgā mākslas formā, progresīvā kritika veicina latviešu demokrātiskās domas atbrīvošanos no feodalisma un mietpilsonības pinekļiem un rosina to cīņā pret kapitalismu.

1905. gadā V. I. Leņina izvirzītais partejiskuma princips: «Literatūrai jāklūst partejiskai — literatūra vispār nevar būt individuāla lieta, neatkarīga no kopējās proletariskās lietas,»¹ iezīmējas Jansona-Brauna, R. Pelšes un ap 1910. gadu arī A. Upīša kritiskajos rakstos. «Skaidri redzams,» raksta A. Upīts,

¹ V. I. Leņins, Raksti, X sēj., 1949., 27. lpp.

«latviešu rakstniecībai jāgriežas uz sabiedrisko ideju ceļa, ja viņa grib nokļūt tālu un augstu. Un viņai jānokļūst turpu. Tie spēki, kas visu dzen, arī rakstniecības attīstību neapturami griež uz šo ceļu.»¹

Izejot no literatūras šķiriskuma un partejiskuma pozīcijām, Stolipina reakcijas laikā progresīvajā kritikā izvirzīta prasība pēc marksistiskās metodes mākslas darbu analizē. Tā Jansons-Brauns 1910. gadā raksta:

«... katrs mākslas darbs ir zināms dzīves attēlojums un katrs mākslinieks ir zināmu sabiedrisko šķiru un grupu jūtu un domu izpaudējs, tad, mākslas darbu analizējot, mums jāizceļas līdz pašam māksliniekam un viņa sabiedriskai apkārtni, no kurienes mākslinieks savus iespaidus ņēmis, pārstrādājis un izveidojis. Jo «nevis cilvēku apziņa nosaka viņa dzīves veidu, bet taisni otrādi, viņu sabiedriskais dzīves veids nosaka viņu apziņu.» Marksistiskā teorija jeb «šķiru mākslas kritika» — kā to mūsu pretinieki nosauc — līdz ar to sniedz arī mērķu, pēc kā vērtēt zināmā ražojuma estētisko pilnību, jo tikai caur šādu sabiedriski-kritisku analīzi mēs spējam spriest, vai tiešām mākslas darinājums saskan ar paša mākslinieka būtību un vai māksliniekam izdevies zināma vēsturiska laikmeta un zināmas sabiedriskas grupas kopsajūtas kristalizēt par īstu, paliekamu dailes tēlu»² (pasvītrojums mans — A. St.).

Tieši šīs metodes trūkumu mākslas darbu analizē Jansons-Brauns saskata A. Upīša «Studijās un kritikās», pirmajā daļā, kas iznāk 1910. gadā, tāpēc tam izsaka nopietnus pārmetumus:

«A. Upīts pārmeklē, cik tālu rakstnieks izpildījis savu mākslinieka uzdevumu, kādā mērā savu idejisko nodomu spējis pārvērst konkrēti apjaužamā mākslas tēlā.»³ Tas ir pareizi, bet Jansons-Brauns norāda, ka no tāda vien viedokļa literārā darba analīze ir nepilnīga, tai trūkst īsti zinātniski kritiska pamata. Kaut arī A. Upītim «Studijās un kritikās» šur tur iznāk atsaukties un zināma rakstnieka sabiedriski vēsturisko apkārtni, tomēr vēl trūkst literāru parādību dziļākas marksistiskas analīzes.

Visi Stolipina reakcijas laikā progresīvie kritiķi ir vienis prātis par kritikas uzdevumu rakstniecības un sabiedriskās dzīves attīstībā.

Pretstatā buržuāzisko literatūras pētnieku domām, ka kritikas

¹ A. Upīts, Latv.(iešu) rakstniecība krustceļā, «Jaunā Dienas Lapa», 1910., 297. nr.

² J. [Jansons-Brauns], Piezīmes par literatūru, «Vārpa», 1910., 68. nr.

³ Jansons [-Brauns], A. Upīts, «Studijas un kritikas». «Izglītība», 1910., 471. lpp.

uzdevums ir tikai «asināt un attīstīt ... intelektualos kontrastus» (M. Valters), «reģistrēt literatūras attīstību» (T. Zeiferts), progresīvie kritiķi to uzskata par sabiedrisku cīņas līdzekli. Novadot tautas masās galvenokārt tagadnes literāros sacerējumus, kritika kaujnieciski uzstājas kā dzinējs un virzītājs, ārdītājs un radītājs spēks. Zīmīgi par to 1909. gadā izteicies Fr. Mierkalns: kritikai «... jānoskaidro, cik lielā mērā rakstnieka darbs modinājis sabiedrisko apziņu, atklājis sabiedrībai viņas pašas dvēseli, iemiesodams konkrētos tipos veselu grupu centienus un jēdzienus.»¹

Šo lielo un atbildīgo uzdevumu kritiķis varēs veikt, ja tas ieņems šķirisku un partejisku nostāju visos sabiedriskās dzīves un literatūras jautājumos.

Ļoti asi progresīvie kritiķi, sevišķi Jansons-Brauns un A. Upīts, uzbrūk tolaik ievērojamākam latviešu buržuaziskajam literatūras vēsturniekam Teodoram Zeifertam,² kas savos literāri kritiskajos rakstos «... grib stāvēt pāri visām šķirām un partijām uz sava pārākā tautiskā viedokļa.»³ Sis «tautiskais» stāvoklis ir tas, ka Teodors Zeiferts tautu arvien uzskata par nediferencētu kopumu. Taču antagonistisku šķiru sabiedrībā nav vienas «tautas», bezšķiru tautas.

T. Zeiferts, gribēdams būt bezpartejisks, savos literāri kritiskajos rakstos parāda apbrīnojamu nekonsekvenci un pretrunību. «Vieniem vārdiem kritizē un peļ, otriem atzīst un slavē, trešiem mēģina izlīdzināt, savienot, kas pēc savas dabas nesavienojams, pretēji kā diena naktij. Teodors ir gājis ar visādiem virzieniem un strāvām, rakstījis par un pret dažādām kustībām un personām, bet neviens šodien vēl nevarēs pasacīt, vai Teodors draugs vai ienaidnieks.»⁴ Tā zīmīgi raksturo T. Zeiferta metodi A. Upīts.

Progresīvie kritiķi nenoliedz T. Zeiferta lielās darba spējas un neatlaidību. T. Zeiferts rakstījis par dažādiem literatūras teorijas jautājumiem, centies atsaukties uz visām latviešu literārās dzīves parādībām, bet viņa ilgā publicista un kritiķa darbība pēc Jaunās strāvas perioda palikusi bez ievērojamākiem rezultātiem latviešu kritikas vēsturē. T. Zeiferts nav varējis samierināties ar to, ka progresīvie kritiķi jau kopš Jaunās strā-

¹ Coilos [Fr. Mierkalns], Krievu literatūras virzieni. «Jaunās Dienas Lapa», 1909., 240. nr.

² Sakarā ar T. Zeiferta 25 gadu darbības jubileju periodikā parādās vairāki raksti par viņu. Nozīmīgākie: J. [Jansons-Brauns], Piezīmes par literatūru, «Vārpas», 1910., 69. nr.; A. Upīts, Teodors Zeiferts un viņa loma latviešu sabiedriskā dzīvē. «Jaunās Dienas Lapa», 1910., 268. nr.; A. Upīts, Teodors Zeiferts, «Izglītība», 1911., 1. nr.

³ A. Upīts, Teodors Zeiferts, «Izglītība», 1911., 1. nr., 15. lpp.

⁴ A. Upīts, Teodors Zeiferts, «Izglītība», 1911., 16., 17. lpp.

vas laika prasa literatūrā ievērot proletariāta šķirīškās intereses. Pēc T. Zeiferta kā sīkburžuja uzskatiem tas nav savienojams ar objektīvo patiesību, jo kritika nevarot literatūrai nospraust uzdevumus, bet tikai reģistrēt tās attīstību. Tādā veidā arī sastādīta T. Zeiferta «Latviešu rakstniecības chrestomatija» ar literatūrvēsturiskajām piezīmēm.

No pirmajiem rakstu sākumiem latviešu valodā līdz chrestomatijas iznākšanas laikam T. Zeiferts ir centies ievietot visu redzamāko autoru darbus, fragmentus, dodot rakstnieku biogrāfiju un īsu darbu raksturojumu. Chrestomatijā maz kritiska vērtējuma un tas pats pa lielākai daļai ieturēts buržuazisko teoriju reakcionarajā «viena plūduma» garā, bet no izvēlētajiem autoru darbiem samērā labi atklājas atsevišķa rakstnieka vieta literatūras procesā.

Nav šī darba uzdevums sīki analizēt T. Zeiferta rakstniecības chrestomatiju un pārējās Stolipina reakcijas laikā iznākušās literatūras vēstures. Taču nepieņemt tās nevar, jo literatūras vēstures vispārīgais uzdevums līdz ar kritiku un teoriju ir noskaidrot tautas masām cilvēces attīstības gaitā uzkrātās literatūras bagātības. Literatūras kritika novada tautas masās galvenokārt tagadnes literatūras sacerējumus, literatūras vēsture turpretī vērtē pagātnes literāros darbus, iesaistot katru literātu parādību tās dzīves sakaros un pretrunās, kad tā ir radusies un bijusi nozīmīgs ideoloģisks veidojums šķiru cīņā. Citiem vārdiem — literatūras vēstures uzdevums ir pētīt un šķiriski vērtēt visu literatūras procesu, skatot to sakarā ar saimniecisko dzīvi un ideoloģisko virsbūvi.

Latviešu literatūras vēsturi «sakarā ar tautas vēsturisko attīstības gaitu», kā uzsvērts grāmatas virsrakstā, mēģinājis uzrakstīt Plūdonis.¹ Taču tautas vēsturiskās attīstības gaita skatīta no idealistiskajām pozīcijām. Pavisam nepilnīgs ir latviešu literatūras raksturojums feudālo attiecību laikmetā, feudālisma sairuma un kapitalisma tapšanas periodā. Lai gan Plūdonis pilnīgā pretstatā Vecā Stendera un viņa pēcnieku literārajiem ražojumiem nostāda Garliba Merķeļa kareivīgos darbus, tomēr latviešu literatūras pamatos viņš liek kropļos vācu mācītāju vingrinājumus latviešu valodā.

Vēl spilgtāk šī «viena plūduma» teorija izpaužas Roberta Kļaušņa un Līgotņa Jēkaba literatūras vēsturēs.

Roberta Kļaušņa skolām domātā literatūras vēsture² ir

¹ Plūdonis, Latvju literatūras vēsture, sakarā ar tautas vēsturisko attīstības gaitu, Vidusskolu kurss, I daļa, Folklorā, Jelgavā, 1908.; II daļa, Verdzības periods, Jelgavā, 1909.

² Roberts Kļaušņš, Latviešu rakstniecības vēsture skolām, R., 1907.

visreakcionarākā un nepilnīgākā no visām tai laikā izdotajām literatūras vēsturēm. Tani trūkst jebkādas sistēmas, tā sastādīta pēc paša autora gaumes un personiskiem uzskatiem, kas iezīmējas ar asu reacionāru nostāju. V. Stenders un viņa pēcnieki cildināti bez gaļa, viens otrs progresīvs rakstnieks noklusēts (piem., Ed. Treimanis-Zvārgulis), par dažiem doti pilnīgi aplami vērtējumi (par Blaumani, Veidenbaumu, Aspaziju, Raini u. c.). Rob. Kļaušņš kā buržuāzijas pārstāvis, apzināti atraujot literatūras parādības no sabiedriski ekonomiskās dzīves, necenšas atsegt īstenību, uzsvērt šķiru cīņu, bet tieši otrādi — viņa nolūks ir novirzīt darbaļaudis no vēsturiskajām šķiru cīņām. Tādējādi Rob. Kļaušņa literatūras vēsture ir pilnīgi nezinātniska.

Arī Līgotņu Jēkaba 1906. gadā izdotā «Latviešu literatūra»¹ nekādā ziņā nav uzskatāma par literatūras vēsturi. Tas ir bez jebkādas metodes principiem sniegts salīpinājums no Līgotņa paša agrākajiem apcerējumiem un recenzijām par atsevišķiem darbiem.

Pamatoti šo Līgotņu Jēkaba «Latviešu literatūru» bargi nokritizējis A. Upīts jau 1907. gadā.²

Daudz labāka nav arī 1908. gadā izdotā Līgotņu Jēkaba «Latviešu literatūras vēsture»³. A. Upīts to savā recenzijā⁴ pārvērtē, nosaukdams par ievērojamu, lielu un svarīgu darbu latviešu literatūras zinātnē. Šī recenzija nozīmīga tai ziņā, ka A. Upīts te pirmo reizi asi vēršas pret Līgotņu Jēkaba un citu buržuāzisko literatūrvēsturnieku uzskatiem par vācu latviski rakstīto literatūru. Viņš pamatoti nosoda Līgotņu Jēkabu, pirmkārt, par to, ka pēdējais nav nemaz saskatījis vācu mācītāju literāro ražojumu negatīvo ietekmi uz latviešu valodas attīstību un, otrkārt, protestē pret V. Stendera dēvēšanu par apgaismoņtāju un humanistu, kā to dara Līgotņu Jēkabs. A. Upīts izceļ, ka V. Stenders nav protestējis pret zemnieku apspiešanu un dzimtniecības sistēmu, tāpēc nav salīdzināms ar Ruso, Volteru, Garlibu Merķeli u. c. apgaismoņtājiem.

Pamatīgāk šo domu A. Upīts izvērs 1911. gadā izdotās «Latviešu jaunākās rakstniecības vēstures» I daļā. Bez plašāka feodalisma laikmeta literatūras apskata viņš skaidri parāda, ka latviešu literatūras īstā sākotne nav meklējama ne Manceļa,

¹ Līgotņu Jēkabs, Latviešu literatūra (Materiali latviešu rakstniecības vēsturei), R., 1906.

² Andr. Upīts, Latviešu literatūra, «Balss», 1907., 46. nr.

³ Līgotņu Jēkabs, Latviešu literatūras vēsture, R., 1908.

⁴ Andrejs Upīts, Latviešu literatūras vēsture, «Dzimtenes Vēstnesis», 1908., 219. nr.

ne Firekera, ne V. Stendera darbos, bet gan tautas mutvārdu daiļradē.

A. Upīša viedokli par vācu mācītāju latviski rakstīto literatūru atbalsta arī citi progresīvie kritiķi. Tā R. Pelše rakstā «Šķiru elementi mākslā», vērsoties pret buržuazisko literatūras vēsturnieku uzskatiem, izsaka izbrīnu, kāpēc tie V. Stenderu piešķaita pie apgaismotājiem.¹

Nozīmīga parādība latviešu literatūras zinātnē ir Stolipina reakcijas beigu periodā iznākusi A. Upīša «Latviešu jaunākās rakstniecības vēsture» (1911.). Savā literatūras vēsturē A. Upīts pierādīja reakcionāro kritiķu apgalvojumu nepareizību, ka patiesu literatūras vēsturi esot iespējams rakstīt tikai par attālākiem pagātnes laikmetiem, uz kuriem varot jau raudzīties ar neitrālu un no aizspriedumiem brīvu skatu.

A. Upīša literatūras vēsture aptver laika posmu, kad latviešu proletariātā veidojas šķiras apziņa un kad tas iziet varonīgā cīņā pret buržuaziju.

Vērtējot atsevišķus rakstniekus un to darbus, A. Upīts iziet no tā kriterija, kā rakstnieki cīnās par tautas interesēm — vai tie aizstāv progresīvo spēku attīstību, vai pauž reakcionāru šķiru ideoloģiju. Šāds kriterijs ir nepieņemams reakcionāriem kritiķiem. Tāpēc J. Jankavs, lai mazinātu A. Upīša literatūras vēstures kā ideoloģiska cīņas līdzekļa nozīmi, apgalvo, ka tanī nav nekādu citu kā tikai paša A. Upīša personiskie kritikas principi.²

A. Upīts «Latviešu jaunākās rakstniecības vēsturē», materialistiski izprazdams un analizēdams literatūru, tālu pārsniedz iepriekšējo pētnieku nezinātniskās koncepcijas. Tomēr marksistiskā metode tanī nav pilnīgi ieturēta. Šī trūkuma dēļ A. Upīts izpelnās nopietnus Jansona-Brauna pārmetumus.³

Jansons-Brauns kritizē A. Upīti par to, ka tas nesniedz sistematisku, noapaļotu latviešu literatūras ainu, kas būtu organiskā sakarā ar sava laikmeta ekonomisko un sabiedrisko dzīvi, bet gan dod vairāk atsevišķu rakstnieku un literāru virzienu kritisku raksturojumu. Jansons-Brauns citē A. Upīša domas, ka «latviešu rakstniecība tikai retos atsevišķos gadījumos bijusi tā, kam rakstniecībai vajadzētu būt: sava laika augstāko ideju un kultūrelās apziņas spēcīgākā izteicēja, lielākais tālākā kultūras posma ievirzītājs spēks.»⁴ Kritiķis noraida šo A. Upīša apgal-

¹ P. Roberts [R. Pelše], Šķiru elementi mākslā, «Vārds», 1912., 167. lpp.

² J. [Jankavs], A. Upīts par latviešu jaunāko rakstniecību. «Dzimtenes Vēstnesis», 1911., 82. nr.

³ Jansons [Brauns], A. Upīts «Jaunākās rakstniecības vēsture», «Izglītība», 1911., 7. nr.

⁴ A. Upīts, Latviešu jaunākās rakstniecības vēsture, R., 1911., 3. lpp.

vojumu, jo rakstniecība, lai cik šaura un sīka tā būtu, vienmēr ir sava vēsturiskā laikmeta izteicēja. Tāpēc savas «augstākās idejas» un sava «kultūrelā apziņa» atrodama vienmēr un visur latviešu literatūrā, sākot ar Neredzīgo Indriķi un beidzot ar Raini. Literaturvēsturnieku uzdevums ir rādīt un izskaidrot vēsturisko laikmeta ideju rašanos un sabiedriskās apziņas pārveidošanos, kas atrod izpausmi literatūrā.

Otrs nopietnākais trūkums A. Upīša literatūras vēsturē, kā pareizi norāda Jansons-Brauns, ir tas, ka nav pienācīgi raksturota Jaunā strāva ar tās dziļo ietekmi latviešu literatūras procesā.

Jansons-Brauns, augsti novērtēdams A. Upīša rakstnieka un kritiķa spējas, ar tālredzīgu skatu piebilst, ka dažas «Latviešu jaunākās rakstniecības vēstures» nodaļas neapmierinās pašu autoru. Un tiešām, A. Upīts 1921. gadā izdod pārstrādātu latviešu jaunākās rakstniecības vēsturi, kurā ievērojami novērstas pirmās literatūrvēstures kļūdas — dots pilnīgāks un precīzāks latviešu literatūras attīstības apskats.

Lai arī A. Upīša 1911. gadā izdotajā «Latviešu jaunākās rakstniecības vēsturē» ir nopietni trūkumi, tomēr tā vērtējama atzinīgi kā «pirmais nopietnais mēģinājums latviešu literatūras vēstures pētniecībā nostāties uz marksistiskiem pamatiem.»¹

Marksistiskie principi, kas latviešu literatūras kritikā aizsākas kopš Jaunās strāvas laikiem, Stolipina reakcijas laikā izvēršas plašāk, bet tie vēl nav pilnīgi saprasti un kritikā izlietoti. Tas tāpēc, ka vēsturiskā materialisma principus nevar apgūt bez zinātniski nopamatota pasaules uzskata, šķiriskās apziņas izveides. Bet šķiriskās apziņas izveide ir ilga sabiedriskās attīstības procesa rezultāts. Šķiras apziņas attīstības procesā māksliniekskritiķis organiski saaug ar savu šķiru, un, A. Upīša vārdiem runājot, «dzīvo vienu dzīvi, elpo vienā elpā.» Arī tad, kad izveidojusies savas šķiras apziņa, daudz jāmacās no marksisma-leņinisma klasiķiem. «Uz savas šķiras pamata nostājušam,» raksta 1912. gadā A. Upīts, «savas šķiras dzīvi līdzdzīvodamam latviešu kritiķim jāiet skolā pie vēsturiskā materialisma nodibinātājiem un viņu labākajiem popularizētājiem.»²

Stolipina reakcijas beigu periodā, kad latviešu proletariats gatavojas jauniem revolūcijas uzplūdiem, marksisma zinātne strādnieku masās iegūst vēl lielāku spēku. Darba tauta tiecas arvien dziļāk apgūt marksismu kā vadoni savai darbībai, tiecas izprast mākslas nozīmi šķiru ciņā. Rodas jautājums par prole-

¹ A. Grīgulis, Tautas rakstnieks Andrejs Upīts un viņa daiļrade. LVI, R., 1952., 52. lpp.

² A. Upīts, Latviešu rakstniecība. «Vārds» I, 1912., 234. lpp.

tarisko mākslu. Tagad šāds jautājums var likties vienpusīgs un var radīt zināmas asociācijas ar proletkultu. Terminu «proletariskā māksla» plaši lietoja kritikā un publicistikā līdz padomju laikam. Tas lietots arī V. I. Ļeņina darbos. Šim terminam bija plaša nozīme. V. I. Ļeņins vairākkārt uzsvēra, ka proletariskajai literatūrai jāizsaka visas darba tautas intereses, «tai jābūt ne cecha, bet cīnītājas šķiras literatūrai, kas ved aiz sevis zemnieku miljonus». Toreiz ar terminu «proletariskā māksla» darbaļaudis saprata šķirisku, proletariskās ideoloģijas mākslu, kas spētu modināt un sakausēt atsevišķus strādniekus vienotā kolektīvā, «kopējā spēka apziņā» (kā toreiz rakstīja progresīvie kritiķi) un dot šim spēkam virzienu cīņā par spožo nākotni. Tātad toreiz kapitalisma apstākļos, kad proletariats sāk jaunu cīņas posmu pret ekspluatatoriem, šāds jautājums ir nozīmīgs kā darbaļaužu mākslas un visas sabiedriskās attīstības veicinātājs cīņā par socialismu.

Jautājums par proletarisko mākslu ir darbaļaužu masu kustības izraisīts. Pamatšķira prasīja noskaidrot, vai proletariskā māksla var veidoties kapitalistiskā iekārtā vai tikai pēc proletariata uzvaras, noskaidrot attieksmi pret agrāko ekspluatatoru šķiru valdīšanas laikā radušos mākslu un noskaidrot mākslinieciskās meistarības jautājumus jaunajā mākslā.

Šo jautājumu risināšanai pievēršas kā krievu, tā latviešu progresīvie kritiķi.

Krievu boļševistiskie laikraksti «Pravda» un «Zvezda», balstīdamies uz V. I. Ļeņina 1905. gadā izstrādātajiem partejiskuma principiem, plaši popularizē topošās proletariskās mākslas pārstāvju darbus. Marksistiskie kritiķi, kā M. Olminskis un V. Vorovskis, šais laikrakstos no boļševistiskajām pozīcijām noskaidro svarīgākos literatūras teorijas jautājumus, ierādot lielu vietu jautājumam par proletariata attieksmēm pret klasiskās literatūras tradīcijām.

Nozīmīgu ieguldījumu proletariskās mākslas jautājumu izpratnē devis A. Lunačarskis apcerējumā «Vēstules par proletarisko mākslu».¹

Noskaidrodams proletariskās mākslas būtību, A. Lunačarskis uzstājas pret meņševiku-likvidatoru Potresovu, kurš centās apgalvot, ka darba tauta par mākslu neinteresējas, ka strādniekam literatūra ir izšķērdība, jo, pirmkārt, strādnieks tai neatrodot laika un, otrkārt, literatūra viņa cīņā lieka, strādniekam vajadzīgi ieroči, bet ne puķes.

¹ А. В. Луначарский, Этюды критические. Письма о пролетарской литературе, М.—Л., 1925, стр. 15—33.

Nokritizējot šādu uzskatu kā pilnīgi aplamu, A. Lunačarskis ar faktiem pierāda, ka jaunie proletariskie literāti aktīvi piedalās legalajā krievu boļševistiskajā presē, ka iznākuši vairāki proletariskie daiļdarbu krājumi un ka «Pravdas» redakcija gatavo izdot proletarisko dzejnieku dzejoļu krājumu. Pierādot darba tautas lielo interesi par mākslu, par proletariskās mākslas iespēju kapitalisma apstākļos, A. Lunačarskis tieši pasvītro, ka proletariskā māksla apvieno masas un aicina cīņai par jauniem mērķiem.

Latviešu literatūras kritikā proletariskās mākslas jautājumi skatīti ļoti asi. Tā kā latviešu proletariats revolucionarajā cīņā ieņem vienu no pirmajām vietām, tad arī literatūras kritikā proletariskās mākslas jautājums kļūst aktuāls un nozīmīgs. Šī jautājuma risināšanai pievēršas R. Pelše, Jansons-Brauns, A. Upīts u. c., lai kopējiem spēkiem sekmētu progresīvās sabiedrības vajadzības. Diskusijas raksti publicēti periodiskajos izdevumos «Laika Balss», «Jaunais Laiks», «Vārds», «Domas» u. c.

Proletariskā māksla latviešu progresīvos kritiķus interesējusi jau dekadentisma ziedu laikā (1906.—1910. g.). Cīnoties pret dekadentisko mākslu, Jansons-Brauns, A. Upīts, R. Pelše u. c. arvien domājuši tās pretstatu — paša proletariata šķiras mākslu un literatūru. Ja toreiz viņi vēl nevar noformulēt proletariskās mākslas būtību, tas ir pilnīgi saprotams un izskaidrojams ar reakcijas smagajiem apstākļiem un ar to, ka marksistiskās mākslas un literatūras teorija nav pietiekami izstrādāta, ka viņi vēl nav pilnīgi iepazinušies ar V. I. Ļeņina un G. Pļechanova rakstiem, kuros var atrast marksistiskus literatūras vērtējumus.

Proletariskās mākslas rašanās iespējas latviešu progresīvie kritiķi sāk skaidrot 1911. gadā. Daži kritiķi apgalvo, ka par to agri runāt kapitalisma apstākļos. Tā kāds -pp- «Laika Balsī» raksta: «Proletariskai mākslai šo laiku sabiedrībā nav un nevar būt vietas. Viņa (t. i. proletariata — A. St.) māksla spēj izaugt tikai nākotnē, uz kapitalisma drupām, kad vairs nebūs šķiru sabiedrības, bet cilvēce būs atkal kaut kas nedalāms un vesels ar kopējiem centieniem, kopējām iluzijām un interesēm. Māksla tad vairs nebūs šķiru māksla, nekalpos tikai zināmām šķirām, bet viņa būs visas cilvēces cīņas ierocis, pieejams ikkatram.»¹

Pret šādu proletariskās mākslas koncepciju uzstājas R. Pelše 1911. gadā, vēlāk Jansons-Brauns un A. Upīts.

Kritizēdams uzskatu, kas noliedz proletariskās mākslas iespēju kapitalistiskā iekārtā, R. Pelše vispirms noskaidro proletariskās mākslas jēdzienu, norādot, ka «... par proletarisku mākslas

¹ -pp- Māksla un strādnieku biedrības, «Laika Balss», 1911., 44. nr.

darbu uzskatāms katrs tas darbs, kurš apgaismots no proletariata filozofijas, no viņa pasaules uzskata.»¹

Izejot no šīs proletariskās mākslas koncepcijas, R. Pelše pareizi norāda, ka «... proletariskā māksla var rasties un pastāvēt tikai pašam proletariātam pastāvēt. Bet tiklīdz proletariāts kā atsevišķa šķira zaudē savus saimnieciski sabiedriskos pamatus, tūlīt pārgrozībām jānotiek arī visā viņa ideoloģijā. Tādēļ pēc-kapitalistiskā sabiedrībā nebūs vis proletariska, bet būs gan vispārcilvēciska māksla. Tagadnes proletariskā māksla ir un var būt tikai kā pāreja vēl uz augstāku nākotnes mākslu — — — jau irstošās sabiedrības klēpī ronas nākotnes sabiedrības dīgli. Tā arī tagadējā sabiedrība sevī nes nākošās sabiedrības dīgļus.»²

R. Pelše minētajā rakstā «Proletariskā un neproletariskā māksla» un Jansons-Brauns rakstā «Vai gaidāma mums proletariskā māksla»³ kaujnieciski apkaro buržuazisko kritiķu izteiktās rupjās nejēdzības par to, ka proletariāts nīstot kulturu un mākslu un tāpēc tam neesot savas šķiras centienu izteicējas mākslas. Kritiķi norāda, ka proletariātam jau ir sava dzeja un savi dzejnieki, latviešiem — «lielo ilgu un titanisko sāpju dzejnieks» — Rainis, krieviem — M. Gorkijs, beļģiem — Emils Verharns, dāņiem — Andersens-Nekse u. c.

Norādot, ka proletariskā māksla veidojas pamazām, lai gan droši un bez apstājas jau kapitalisma apstākļos, Jansons-Brauns piezīmē: iemesli tam meklējami dziļāk nekā pašos proletariskos dzejniekos un kritiķos — darbaļaužu psihiskajā strukturā. Līdz ar masu proletariskās psiķes izaugšanu, izaug arī īsti proletariskā māksla. Tā sāk savu gaitu ar tās pašas vecās mākslas elementiem un tikai tālākajā attīstībā pārveido vecās mākslas saturu un formu. Tāpēc proletariātam jāapgūst kultūras mantojums.

Tieši jautājumā par attieksmi pret agrāko ekspluatatoru šķiru valdīšanas laikā radušos mākslu ievērojamāko kritiķu domas dalās.

R. Pelše 1912. gadā kultūras mantojuma un mākslas darbu šķiriskuma problēmu risina vēl vienpusīgi, nedialektiski. Viņš raksta: «... tā kā savi mākslinieki līdz šim bijuši tikai mantī-

¹ P. Roberts [R. Pelše], Proletariskā un neproletariskā māksla, «Jaunais Laiks», 1911., 30. nr.

² P. Roberts [R. Pelše], Proletariskā un neproletariskā māksla, «Jaunais Laiks», 1911., 30. nr.

³ Jansons [Brauns], Vai gaidāma mums proletariskā māksla, «Vārds» II, 1913.

gām šķirām un valdošām grupām, tad visā līdzšinējā mākslā atspoguļojas tikai valdošo šķiru un aprindu ideoloģija.»¹

Šāds apgalvojums, kas ir pretrunā V. I. Ļeņina norādījumam par divām kulturām katrā nacionālā kulturā, dod iemeslu arī Jansonam-Braunam² sašutumā vērst savus asos kritikas zobenus pret R. Pelši. Jāsaka, ka Jansons-Brauns drusku pārspīlē R. Pelšes kļūdu, taču viņa kritikai zināms pamats bija.

R. Pelšem oponentams, Jansons-Brauns tieši pasvītro, ka vēsturi nedarina tikai viena valdošā šķira, bet antagonistiskās šķiras, starp kurām notiek nemītīga cīņa. Pētīt un analizēt šo šķiru cīņu vēsturi, šķiru mākslu un atklāt proletariskās mākslas priekštečus ir marksistiskās kritikas metodes uzdevums. Jau 1908. gadā, kritizējot dekadenci, Jansons-Brauns norāda: «Visu, ko cilvēces ģenijs pa gadu simteņiem lielu un nemirstīgu radījis zinātnē un mākslā un dzejā, proletariats saņems kā savu mantojumu.»³ Skaidrāk šo domu par kulturas mantojumu Jansons-Brauns nopamato 1913. gadā. «Socialisms nav nācis atmest cilvēces augstākos centienus, bet tos piepildīt,» raksta Jansons-Brauns. «— — — Lielie buržuazijas rakstnieki parasti mēdz būt arī buržuazijas lielākie pretinieki un soģi: Balzaks, Flobers, Zolā, Mopasans, Ibsens un Strindbergs, kuri proletariātam stāv daudz tuvāk nekā pilsonībai. Tie ir kapitalistiskās sabiedrības satricinošie kritiķi, ja arī ne socialisma ideju praviēši, tie līdz ārdīt veco pasauli, ja arī tie neprot jaunu celt, bet ir šādā ziņā viņu nozīme jo liela.»⁴

Tāpat pilnīgi pareizi Jansons-Brauns novērtē klasiskās literatūras nozīmi kultūras mantojumā. Tikai pārāk šauri tverts ir Jansona-Brauna uzskats, ka «proletariskā kultura, proletariskā māksla un literatūra var celties tikai no pašām darbaļaužu masām».⁵ Arī rakstnieki, kas nav cēlušies no proletariāta, spēj radīt izcilus darbus, kas kalpo šai šķirai (Rainis, Aleksejs Tolstojš u. c.).

Problema par kultūras mantojuma nozīmi proletariskās mākslas veidošanā skaidri risināta A. Upīša kritiskajos rakstos.

¹ P. Roberts [R. Pelše], Šķiru elementi mākslā. «Vārds» I, 1912., 171. lpp.

² Jansons [Brauns], Kāds vārds par «Vārdu». «Domas», 1913., 208. lpp.

³ Jansons [Brauns], Tautiskā birģelība un māksla. «Ziemeļblāzma», 1908., 86. nr.

⁴ Jansons [Brauns], Vai gaidāma mums proletariska māksla? «Vārds» II, 1913., 274., 275. lpp.

⁵ Turpat, 278. lpp.

Recenzijā par vēlākā buržuaziskā nacionalista A. Svābes diletantisko stāstiņu «Kā Dobuls brauca pie pelēkā barona viesos» A. Upīts norāda, ka «...visa proletariskā kultura nebūs veco piedēklis un turpinājums, bet visa pārveidotāja un atdzīvinātāja». ¹

Jaunā proletariata šķiras māksla nenoliedz kulturas mantojumu, bet cenšas izmantot «...visas tās vērtības, ko pilsoniskā līdz šim radījusi un kas var kalpot viņas nolūkiem,» ² raksta A. Upīts.

Plašāk šo domu par proletariata attieksmēm pret kulturas mantojumu A. Upīts izvērš 1914. gadā rakstā «Barbari un Roma» ³, norādot, ka proletariata nolūks ir nevis noārdīt kulturas vērtības, kā apgalvo buržuaziskie ideologi, bet padarīt tās pieejamas plašām tautas masām.

Šāds uzskats pilnīgi sakrīt ar marksisma-ļeņinisma klasiķu domām par kulturas mantojumu.

Kritizējot «proletkultiešus» un «rappiešus», kas kulturu identificēja ar valdošās šķiras ideoloģiju un noliedza kulturas mantojumu, V. I. Ļeņins vairākkārt norādīja, ka socialistiskā kultura nerodas tukšā vietā, bet gan kritiski pārņem un pārstrādā visu progresīvo un labāko, ko radījusi cilvēce savā vēsturiskajā attīstības gaitā.

«Bez skaidras izpratnes,» saka V. I. Ļeņins, «ka proletarisko kulturu var celt tikai tad, ja precīzi pārzina un pārstrādā to kulturu, ko radījusi cilvēce visā savā attīstībā, bez tādas izpratnes mēs šo uzdevumu neatrisināsim.» ⁴

Ļoti svarīga nozīme kulturas mantojuma izpratnē bija V. I. Ļeņina rakstiem par Ļ. Tolstoju, kuros, nenoklusējot rakstnieka pretrunas un viņa daiļrades vājās puses, bija izcelts proletariata revolucionarā cīņā noderīgais.

Saprotot satura un formas dialektisko vienību, progresīvie kritiķi izvirza lielas prasības proletariskajiem rakstniekiem mākslinieciskās meistarības ziņā.

Sevišķi daudz vērības mākslinieciskās meistarības jautājumiem piegriež A. Upīts, allaž uzsvērdams, ka «...forma izaug no satura un tikai caur formu saturs top dzīvs... Jaunajai mākslai, kas izaugs uz pilsoniskās mākslas trūdiem, jābūt tipiski

¹ Andrejs Upīts, A. Svābes «Kā Dobuls brauca pie pelēkā barona viesos». «Jaunais Laiks», 1912., 5. nr.

² A. Upīts, Latviešu rakstniecība, «Vārds» I, 1912., 237. lpp.

³ Domas», 1914., 6. nr.

⁴ V. I. Ļeņins, Raksti, 31. sēj., 1951., 248. lpp.

proletariskai tā saturā, kā formā. Viņa izlietos arī savas priekštecies ieguvumus, bet tikai pārkausētus savā īpatnējā ugunī, savas šķiras filtrā kristalizētus.»¹

Cīnoties par mākslinieciski pilnvērtīgu dzīves īstenības noteikumu, A. Upīts šai pašā recenzijā par A. Svābes stāstu tālāk prasa, lai mākslas darba notikumu aprakstā galveno vietu ierādītu cilvēkam un tā pārdzīvojumiem. Līdzīgi M. Gorkijam A. Upīts saka: «Cilvēks rakstniecības darbā ir galvenais; no tā izveidojas, no tā atkarājas viss pārējais: apkārtne, notikumi, tēlojuma stils.»²

Izejot no tā, A. Upīts pievēršas pozitīvā varoņa problēmai. Jau toreiz A. Upīts pareizi sapratis, ka pozitīva varoņa veidošana ir grūts rakstnieka uzdevums. Ja šo tēlu negrib parādīt attīstībā, rodas traфарets. «Savā iekšējā būtībā tāds tips ir pilnīgi nodibinājies, viņam tikai viena cīņa — uz ārieni, ar ārējiem apstākļiem un cilvēkiem, ar kuriem nāk sadursmē. Bet arī šī cīņa tādi iznāk stipri schematiska un vienmuļīga; katram taču jau iepriekš zināms: tas cilvēks neatkāpsies, kritīs un uzvarēs.»³

Tieši schematismu pozitīvā tēla veidojumā, tā attieksmēs ar sabiedrību A. Upīts konstatē A. Svābes stāstā. Tāpēc kritiķis norāda, ka jaunajā proletariskā mākslā arī sabiedrisku parādību tēlojumam jābūt psiholoģiski sarežģītākam un dziļākam.

Noteikta prasība pēc mākslinieciskās meistarības proletariskajā mākslā ļoti nozīmīga. Toreiz daudzi iesācēji iedomājās, ka proletariātam var rakstīt formā neizveidotus sacerējumus, lai tikai būtu proletariska tendence, piemēram, A. Svābe. Pamatoti viņu darbus asi kritizē Jansons-Brauns, A. Upīts un A. Birkerts, norādot, ka proletariāta šķiras rakstnieks nedrīkst būt paviršs un neveikls mākslinieciskās meistarības ziņā.

Mākslinieciskās meistarības trūkums dažu proletarisko rakstnieku iesācēju darbos deva iemeslu reakcionarajai sabiedrības daļai skandināt, ka tendence sabojā mākslas darba vērtību. Pret šādu uzskatu vēršas progresīvie kritiķi, norādot, ka bez tendences nav neviens mākslas darbs, bet, lai tendenci iemiesotu tēlos, «... vajadzīga mākslinieciska radišana un veidošanas spēja» (Jansons-Brauns). Tātad vainojama ne proletariskā tendence, bet gan rakstnieka diletantisms.

Kaut gan meistarības jautājumi šī laika progresīvo kritiķu

¹ Andrej Upīts, A. Svābes «Kā Dobuls brauca pie pelēkā barona viesos». «Jaunais Laiks», 1912., 5. nr.

² Turpat.

³ Turpat.

rakstos nav plašāk iztirzāti, tomēr viscauri izskan prasība pēc pareizas tautas valodas, pēc satura un formas organiskas vienības, pēc dzīva, plastiska mākslas tēla. Māksla runā tikai ar tēliem, kur beidzas tēls, sākas fraze. Tāpēc «... vārdam mākslā ik reiz jātop par miesu, lai būtu kultureli spēcīgs un ierosinošs.»¹ saka A. Upīts. Tādu mākslas tēlu var radīt tikai talantīgs rakstnieks. Tāpēc Stolipina reakcijas laikā progresīvā kritika asi un neatlaidīgi cīnās pret visiem tiem, kas ar saviem diletantiskajiem sacerējumiem «sagāna un profanē mākslu» (A. Upīts).

Visumā latviešu revolucionāro kritiķu uzskati par proletarisko mākslu ir principiāli un partejiski. Stingrā ticība darbaļaužu mākslai un pārliecība par to, prasība pēc tādas jau kapitalisma apstākļos liecina, ka Jansons-Brauns, R. Pelše, A. Upīts u. c. pareizi sapratuši proletariskās mākslas lielo nozīmi cīņā pret ekspluatatoriem, cīņā par socialismu. Risinot svarīgos proletariskās mākslas jautājumus, marksistiskā kritika kļūst par sevišķi nozīmīgu faktoru revolucionārā cīņā strādnieku kustības uzplūdu gados.

Lielā interese par proletariskās mākslas problemām neapstājas. Arī vēlākajos gados progresīvie kritiķi, sevišķi A. Upīts, daudz nodarbojas ar proletariskās mākslas estetikas principiāliem jautājumiem. 1920. gadā iznāk viņa «Proletariskā māksla», kas, kā norāda J. Niedre, «... paliek iezīmīga parādība latviešu literatūras pētīšanas laukā, grāmata, no kuras skan lepns apliecinājums jaunajai, no ekspluatācijas atbrīvotu cilvēku vārda mākslai — topošajai nākotnes mākslai.»² Šis A. Upīša darbs ir pirmais plašākais un veiksmīgākais mēģinājums noskaidrot proletariskās mākslas principus latviešu literatūras kritikā.

Secinājumi.

Marksistiskie literatūras kritikas principi, kas latviešu literatūrā aizsākās Jaunās strāvas laikā, Stolipina reakcijas periodā izvērsās plašāk Jansona-Brauna, R. Pelšes, A. Upīša u. c. progresīvo kritiķu rakstos. Cīņā pret buržuāzijas pagrimuma mākslu — dekadenci, cīņā par literatūru, kas būtu revolūcijas atbalstītāja, noderīga demokratiskajai sabiedrībai un proletariātam, progresīvie kritiķi visumā pareizi atrisina jautājumu par literatūru kā

¹ A. Upīts, Grāmatas un lasītāji. «Jaunības Tekas», 1910., 7. nr. 95. lpp.

² Tautas rakstnieks Andrejs Upīts, LVI, 1947., 267. lpp.

noteikta vēsturiska laikmeta produktu, jautājumu par literatūras tendenciozitati, šķiriskumu un partejiskumu. Partejiskums spilgti parādās Stolipina reakcijas beigu periodā strādnieku kustības izraisītajā jautājumā par proletarisko mākslu. Kaut arī marksistisko kritiķu uzskatos par proletarisko mākslu ir nepilnības un nepareizības, tomēr, kaujnieciski paverot ceļu darbaļaužu mākslai, viņi veicināja latviešu revolucionārās literatūras attīstību, veicināja proletariāta cīņu par socialismu.

М. П. Николаев.

САТИРА А. М. ГОРЬКОГО В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В эпохи отмирания старого и бурного развития нового в литературе всех времён и народов широкое распространение получает сатира. На её долю выпадает благородная общественная задача — помочь разрушить старое, способствовать торжеству нового. Сатира развивается по мудрой пословице: «Смеётся тот, кто смеётся последний». Последним смеётся тот, кто видит смешное, уродливое и враждебное старое и весело торжествует над ним победы молодости.

Эпоха первой русской революции явилась временем бурного проявления нового и ряда его блистательных побед над старым. В эту героическую эпоху воочию обнаружилась дряхлость старого мира и буйное цветение молодого, свежего, жизнеспособного, предвещающего грядущую и окончательную победу нового над старым. А. М. Горький всеми фибрами души гениального художника и крупного мыслителя почувствовал и понял наступление весны человечества, что способствовало взлету его творческих сил, в частности смелому, дерзновенному проявлению его грозного и гневного смеха над силами обречённого старого мира.

Годы первой русской революции были временем расцвета революционной сатиры А. М. Горького. В эти годы он активно сотрудничал в ряде сатирических русских журналов и написал немало сатирических произведений на внутренние и международные политические темы. В этих произведениях в новых исторических условиях он продолжал и развивал традиции передовой русской сатиры, ближайшим образом — могучей политической сатиры М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Сатира была свойственна ряду произведений А. М. Горького уже 90-х и первой половины 900-х годов. В условиях первой русской революции она заняла одно из ведущих мест в его творчестве. Достаточно сказать, что в годы революции им

написаны два цикла памфлетов «В Америке» и «Мои интервью», получившие мировую известность. Кроме того, он написал ряд сатирических миниатюр, появившихся в русских сатирических журналах 1905—1906 годов.

В ноябре 1905 года в сатирическом журнале «Жало» была напечатана первая миниатюра такого рода «С натуры». В ней отражён дикий разгул карательных сил, обрушенных царизмом на революционный народ, в частности на крестьянство после октябрьских событий 1905 года.

В миниатюре «С натуры» показано, как в деревню для успокоения возбуждённых крестьян явился администратор, представитель царских властей. Не выходя из коляски, окруженной казаками, он обратился к крестьянам с успокоительной речью. Один из мужиков допытывался о царе: останется ли он у власти? Ретивый начальник возмутился дерзким вопросом крестьянина и распорядился наказать его розгами.

Миниатюру «С натуры» Горький закончил политически смелой и резкой концовкой: «Мужика схватили. Разложили. Выпороли. Он встал и, застегивая штаны, сказал: «Ну, вот... Я так и думал, что, покуда он останется, — будут нас пороть...» (М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, том 5, стр. 448).

Очевидно, что в сатирической миниатюре «С натуры» художник показал зверства царизма и желание народа освободиться от ненавистного самодержавия. Это произведение было написано вскоре после октябрьских событий 1905 года, вырвавших у царя манифест «О свободах», которым массы народа не были удовлетворены: после «Кровавого воскресения» 9-го января они желали устранения самого царя.

Одновременно с миниатюрой «С натуры» в том же сатирическом журнале «Жало» Горький опубликовал памфлет «О Сером». Серым он называл мещанство, живущее между Чёрным и Красным. При этом Чёрный символизирует старый мир, Красный — новый. По тексту памфлета видно, что Чёрным художник аллегорически назвал буржуазию, порабощающую мир «железом, золотом и ложью». Красный — это революционный пролетариат, возглавляющий борьбу за новый мир. Он изображен автором с могучей лирической силой и задушевной теплотой.

Вся жизнь на земле изображена М. Горьким как столкновение между Красным и Чёрным. Иначе говоря, борьба пролетариата и буржуазии рассматривается им как центральный

конфликт эпохи. Силой, мечущейся между буржуазией и пролетариатом, является мещанство. По противоположности с пролетариатом, положительным героем истории, мещанство обрисовано художником памфлетно-сатирическими красками.

При всех колебаниях Серого между Красным и Чёрным его место — на стороне Чёрного. Поэтому памфлет о Сером автор заканчивает определением реакционной роли мещанства: «Серый задерживает смерть отжившего, затрудняет рост живого, он-то и есть вечный враг всего, что ярко и смело». (М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, том 5, стр. 458).

В ноябре 1905 года в московской социал-демократической газете «Борьба» А. М. Горький выступил с сатирическим рассказом «И еще о чёрте». В названии рассказа подчёркнута его прямая идейно-художественная связь с рассказами «О чёрте», «Еще о чёрте», написанными Горьким в конце 90-х годов. Теперь, как и раньше, писатель пользуется романтико-реалистической формой рассказа, в котором наряду с реальным образом человека действует фантастический образ чёрта.

В рассказе «И еще о чёрте», повествующем о сне И. И. Иванова и его разговоре во сне с чёртом, художник нарисовал яркий образ либерального деятеля, резко-гротескно обнажив его контрреволюционную сущность. Герой рассказа Иван Иванович Иванов показан в роли представителя руководства определённой политической партии: домой он пришёл с заседания «бюро своей партии». По ходу рассказа видно, что это либеральная партия.

В сюжете рассказа «И еще о чёрте» ставится и решается конкретно-исторический вопрос: какое отношение имел либерализм к начавшейся первой русской революции? Чёрт спрашивает И. И. Иванова, не является ли результатом его деятельности «огненная волна стремления к свободе?» и получает от него безусловно отрицательный ответ:

«Я, было бы вам известно, не разжигал никаких огней... Я не учил мужиков жечь мой дом... я не учил рабочих оставлять меня по неделям без огня и воды, без лекарств и железных дорог, без почты, телеграфа... И на революцию за все шестнадцать лет я дал всего семь рублей сорок пять копеек, — я это помню! И дал не из сочувствия, а... а из сострадания!»

Таким образом, либерал не имеет никакого отношения к революции рабочих и крестьян. Революцию он называет «переходом власти из рук абсолютизма в руки либеральных

групп общества, как истинных друзей культуры». Так раскрывается типично-буржуазная природа либерализма.

Цель либерала И. И. Иванова — проповедь умиротворения всех классов общества под властью дворянства и буржуазии. Он «играет до 48 года, не более». 89 год его пугает. Иными словами говоря, либералы — в лучшем случае сторонники буржуазно-демократических революций 1848 года. Они настолько трусливы, что боятся революционного размаха и повторения буржуазной революции 1789 года, не говоря уже о народной русской революции, начавшейся в 1905 году.

Как истый либерал, И. И. Иванов прикрывает классовое своекорыстие своих интересов пышными и красивыми фразами о родине. Он говорит: «Помилуйте — речь идёт о благе родины, о спасении культуры. . . Мы на границе краха: промышленность погибает, фабриканты закрывают фабрики и переводят капиталы за границу. Вы понимаете? Вот что сделал этот пролетарий! Он губит страну! — Иван Иванович! — ехидно подмигнув, перебил чёрт. — А что, если пролетарий, ради спасения страны, восстановит промышленность своими средствами?»

Так конец рассказа «И еще о чёрте» автор искусно переключает от либерального к пролетарскому пониманию революции и говорит о перспективе, когда пролетариат «посмотрит на господ капиталистов. . . как на бунтовщиков, идущих против воли народа, и затем конфискует фабрики, объявив их собственностью нации. . .»

В рассказе «И еще о чёрте» отчётливо отразилось марксистско-ленинское понимание роли либерализма в борьбе классов; в частности в этом произведении средствами сатиры показана контрреволюционная роль либерализма в первой русской революции. Горький обнаружил в этом рассказе, как и в других произведениях эпохи революции, марксистско-ленинское понимание сущности либерализма, противоположное меньшевистскому пониманию либералов.

Меньшевики и, в частности, Плеханов видели в либеральной буржуазии и интеллигенции союзников пролетариата в ходе первой русской революции. В. И. Ленин в целом ряде работ доказал обратное. А. М. Горький разделял ленинскую точку зрения по этому вопросу и отразил ее в рассказе «И еще о чёрте», в драме «Враги» и в некоторых других произведениях.

Выдающийся идейно-художественный интерес имеет рассказ «Мудрец», опубликованный в 1906 году в сатирическом журнале «Адская почта». Эта миниатюра имеет глубокий ис-

торико-философский смысл. Мудрецом автор иронически назвал философа-пессимиста, проповедующего реакционную идею бессмысленности и смертности всего сущего. Такого рода «мудрецов», как показывает автор, терпели люди всех предшествующих эпох, хотя и не все разделяли их убеждения.

Но вот «однажды, на окраине шумного города, в тёмной, узкой улице грязи и нищеты, в смрадном тумане запахов гниения, мудрец увидел тесную толпу работников; один из них говорил им речь, и удивился мудрец вниманию слушателей, — никогда люди не слушали его проповедь с такой жадностью и острый укол зависти коснулся сердца мудреца». У него возникло желание выступить со своей проповедью, противоположной речи оратора-рабочего. И мудрец говорил свою пессимистическую проповедь, объявив заблуждением речь предшествующего оратора. Рабочие слушали «мудреца», а затем один из них сказал: «Матвей! У меня рука болит, — дай ты в шею этой старой обезьяне...»

Автор так заканчивает рассказ «Мудрец»: «Вот и все... Да, конечно, я согласен, он несколько грубоват, этот рабочий народ, но разве он виновен в этом? Ведь его никто и никогда не учил хорошим манерам».

Смысл рассказа «Мудрец» в том, что революционный пролетариат имеет своё, оптимистическое мировоззрение, противоположное миропониманию «мудрецов» старого мира. Мировоззрение пролетариата кладёт конец пессимистической философии такого рода «мудрецов». Истинная мудрость принадлежит революционному мировоззрению пролетариата, и задача настоящих мудрецов — способствовать освобождению рабочего народа и его культурному росту.

В сатире «Письмо в редакцию», написанной в автобиографической форме в конце 1905 — начале 1906 года, Горький высмеял бесчинства царских властей, производивших обыски и аресты в квартирах политически подозрительных лиц. Пользуясь иронией и сарказмом, автор говорит: «в квартире моей решительно ничего явно преступного не было обнаружено и ничего не пропало, если не считать, что нижние чины отряда, сидя в кухне, выпили там купленное мною для гостей пиво в количестве семи бутылок и бутылку Понте-Кане и съели, очевидно, вместе с жестянками коробку сардин и маринованную кефаль».

Таким образом, уже первые сатирические произведения 1905—6 годов А. М. Горький направлял против врагов революции — самодержавия, буржуазии, мещанства, либералов, пессимистов и оружием сатиры защищал интересы народа и

развернувшуюся в стране народную революцию. В 1906 году в сатирических журналах «Адская почта» и «Жупел» он выступил с «Правилами и изречениями», с «Афоризмами и максимами», в которых остроумно бичевал силы контрреволюции.

Сатирические «Правила и изречения» Горького метко и хлестко били по реакционным мероприятиям царизма и по тем силам, которые осуществляли их. Изречения были направлены, главным образом, против жандармерии и полиции, а также против реакционных военных, которые стояли во главе карательных сил. Бичуя полицию и жандармерию как душителей свободы, А. М. Горький с болью и гневом писал: «Жаждешь свободы? Иди служить в полицию. Жаждешь абсолютной свободы? Поступи в агенты охранного отделения». Эти изречения парадоксально говорят о том, что в самодержавной России после «Октябрьских свобод» 1905 года не было свободы ни для кого, кроме прислужников царизма.

Остроумно Горький высмеивал реакционных военных, которые, преданно служа самодержавию, зверски расправлялись с революционным народом. Наиболее выразительно в этом отношении изречение: «Хотя у верблюда и длинная шея, однако не решайся утверждать, что верблюд подобен лебедю. Так же и о генералах, ныне занятых успокоением страны: некоторые из них человекообразны, но как докажешь ты, что они не суть звери». (М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, том 5, стр. 466).

Одно из политически острых и гневных «Правил и изречений» касается первой Государственной Думы и обличает политически умеренный, продажный и обывательски буржуазный характер первой Думы, которую бойкотировали большевики. Это правило гласит: «Если ты пойдёшь в Думу Государственную, помни, сидя там, что ты сидишь в кресле, которое стоит 57 рублей, а потому веди себя сообразно особенностям сидища твоего».

По мере того, как реакция всё больше зверела и наглела, А. М. Горький переходил от небольших сатирических произведений к памфлетам. Самым значительным его сатирическим памфлетом о реакционном самодержавии Николая кровавого явился памфлет «Русский царь», включённый в книгу «Мои интервью». Несмотря на то, что это произведение ближайшим образом имеет в виду Николая II, его идейно-художественное содержание шире. Это памфлет против самодержавия в целом как реакционной политической системы и против последнего типичного представителя этой системы — Николая II.

В самом начале этого памфлета художник подчёркивает

такую типичную особенность реакционного самодержавия, как его опора на жандармерию. В том же начале показано, из каких отбросов общества вербовались жандармы и каким цинизмом они обладали. «Как только я вошёл, — говорит интервьюер, от имени которого написан весь памфлет, — меня окружила толпа жандармов, и руки их тотчас же с настойчивой пытливостью начали путешествовать по пустыням моих карманов.

— Господа! — любезно сказал я им, — я знал, куда еду, и не взял с собой ни копейки!..» (М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, том 7, стр. 71).

Рисую типические черты резиденции Русского царя, расположенной в Царском селе, А. М. Горький подчёркивает военный, милитаристский характер реакционного самодержавия. С убийственной иронией он говорит о приёмной, в которой происходил обыск интервьюера, что она была «убрана просто, но со вкусом: у каждого окна стоял пулемёт дулом на улицу, перед дверью — скорострельная пушка, у стен — стойки с ружьями».

Далее писатель обнажает бесчеловечие и холодную жестокость жандармов и опекаемого ими самодержавия. Он показывает, как жандармы приказали интервьюеру совершенно раздеться, а когда он сказал: «Благодарю вас! Если вы хотите меня мыть — это лишнее, я брал сегодня ванну», — последовал жандармский окрик: «Без шуток!» В голову интервьюера был наставлен револьвер, и жандармы сняли с него платье, «как кожу с апельсина». «Начальник жандармов, — говорит интервьюер, — снова молча и тщательно осмотрел моё тело и, когда, наконец, все убедились, что со мной нет бомбы, и я обладаю шеей, вполне удобной для того, чтобы повесить меня, — мне сказали:

— Идите!

— А ... одеться можно?..

— Не нужно!

— Но позвольте...

— Не рассуждать! Марш!

Двое из них, обнажив сабли, встали у меня с боков, третий пошёл сзади, держа револьвер на уровне моего затылка».

Изображая милитаризм как характерную черту самодержавия в эпоху империализма, пролетарский писатель обращает внимание на то, что вооружённость до зубов характеризует не силу, а слабость реакционных политических режимов. Страх за судьбу командующих классов и их правящую верхушку является главным мотивом всех военных предосторож-

ностей царизма. Страхом объясняется и то, что во всех залах дворца «сидели и стояли люди, вооруженные от пяток до зубов», и то, что в приёмной царя, куда привели интервьюера, «под лампой стояла небольшая пушка и, кроме нее, . . . не было ничего. Мои конвоиры крепко привязали меня животом к дулу пушки».

В образе Николая II, занимающего центральное положение в памфлете «Русский царь», художник собрал и подчеркнул такие особенности монарха, как механическую, бездушную волю самодержавия, его опору на штыки, трусость, ложь, лицемерие, религиозную мистику, кровавую внутреннюю политику, направленную против народов России, готовность на всевозможные преступления, лишь бы удержаться у власти.

Само появление царя перед интервьюером показано как результат механического действия руки, дёрнувшей сонетку. «И вслед за нею, — говорит рассказчик, — передо мною выскочил из-под пола, как пробка из бутылки, сам русский царь со всеми своими титулами и весь в железе».

Трусость царя художник остроумно раскрыл в таком его рассуждении: «Когда мы видим руки подданного около карманов, Нам кажется, что он хочет бросить в нас бомбу, даже тогда, когда он намерен дать Нам рубль. . .»

С чувством смертельного страха перед подданными логически связано то, что Николай II одет в броню и царствует на троне из штыков. Эта особенность подчёркивает империалистический характер царствования последнего из Романовых и сознательно связывается автором с империалистической политикой всех властителей, современных последнему русскому царю.

Политическая сущность царствования Николая II гениально определена А. М. Горьким буквально в нескольких словах: «Весь с головы до ног закованный в броню, подобно древнему рыцарю, он, как все властители народа в наши дни, сидел на троне из штыков. Но костюм его был слишком тяжёл, и трон не казался прочным».

Примечательно, что Николай II сравнивается с древним рыцарем. Этим выделяется феодальная давность монархической власти, крайне несвоевременной в XX веке. Сравнение Николая II, сидящего на троне из штыков, со всеми современными ему властелинами подчеркивает империалистический характер эпохи его царствования. Замечательно, что в том же маленьком отрывке Горький пророчески сказал о непрочности трона последнего из Романовых.

В обобщённый, типический образ последнего русского царя

автор памфлета включил ряд индивидуальных подробностей, свойственных только Николаю II. Воссоздавая портрет этого царя, Горький пишет: «Лицо царя совсем не поражало величием. Это было лицо человека прежде всего болезненно трусливого, а потом уже злого и неумного...»

Данный портрет Николая II позже будет использован Горьким в первом томе «Жизни Клима Самгина», в картине Нижегородской Промышленно-художественной выставки 1896 года, завершающей этот том. Следует отметить, что мы имеем здесь дело не с повторением одного и того же литературного портрета в двух разных произведениях, а с использованием одного и того же приема для обрисовки последнего Романова в различные моменты его царствования.

Личность Николая II в сравнительно небольшом памфлете «Русский царь» показана с максимумом возможных в таком произведении деталей. В частности, художник показал лицемерную игру Николая II с организацией Государственной Думы как учреждения, призванного поддерживать трон царя, не больше. Ханжество царя как средство маскировки его реакционных антинародных действий выступает в роли одной из типичнейших черт Николая II. Горький выделил и бездарность последнего Романова в качестве тоже индивидуальной его черты.

Характерно в последнем отношении то, что Николай II в изображении Горького мало говорит сам, а больше читает написанные для него услужливыми лакеями бумажки. Это даёт сатирику основание воспользоваться убийственным для главы огромного государства сравнением. О Николае II автор говорит, что «он был набит бумажками, как поросенок кашей».

Стремясь к максимальной индивидуализации образа Николая II, Горький воспроизвёл и его манеру говорить о себе во множественном числе: «Мы — царь... Мы правы всегда». Передавая лицемерную и реакционную игру Николая II с Государственной Думой, писатель влагает в его уста такое изуверское выражение о Думе: «Мы разгоним её штыками Нашей доброй гвардии...»

Главным в политическом образе Николая II в соответствии с реальным положением вещей выступает его реакционное, кровавое изуверство, выразившееся в организации русско-японской войны, в массовом расстреле рабочих 9-го января 1905 года, в расстрелах и казнях последующего времени. Отвратительно то, что все свои антинародные кровавые действия Николай II и его реакционное окружение стремились прикрыть маской религиозного благолепия.

Небывало реакционная политика, прикрываемая фиговым листком религии, выступает в гениальном сатирическом освещении Горького как жуткая политика, направленная на истребление миллионов народных масс. С особой силой эта политика выражена в следующем рассуждении иезуита-царя:

«...Невинно убиенный, он — в рай идёт! Зачем же тут кричать о зверствах, преступлениях... и прочее? Не всякий может в рай попасть так дешево и быстро, как верноподданный царя России, наместника Христова на земле и сына православной церкви...» И далее: «Что значит для страны с таким огромным населением хотя бы миллион убитых? А Мы за целый год трудов по укрощению народной воли убили меньше полумиллиона... Евреев перебили? Но — ведь не всех же!»

С большой идейно-художественной силой А. М. Горький показал в памфлете «Русский царь» бесправие всех сословий русского общества перед неограниченным самодержавием Николая II и его правительственной своры. Пользуясь гротеском, писатель вложил в уста царя много саморазоблачительных тирад, в том числе и такую: «Пред его лицом — все равны! Купцы, дворяне, духовенство, рабочие и мужики в моей Демократической стране — все равные права имеют пред законом на штык и петлю. А Мы имеем право гордиться этим».

Николай II показан как лицемер, называющий себя конституционалистом и вместе с тем проповедующий, будто «Россия слишком некультурна и дика для европейских форм правления, она может благоденствовать только под скипетром царя, в руках которого — сосредоточена вся власть...»

Многостороннюю характеристику отталкивающего политического лица Николая II А. М. Горький заканчивает изображением продажности последнего из Романовых, его готовности буквально распродать территории России кайзеровской Германии и империалистическим Англии и Америке для того, чтобы любой ценой удержать своё прогнившее деспотическое господство.

В конце интервью с журналистом Николай II говорит о своей готовности продать Польшу «Василию Федоровичу», то есть Вильгельму II, а заодно и Францию, «когда она не станет давать нам денег... Кавказ продать полезно... Он очень много нам стоит, но ничего не даёт, всё только беспокойство, восстания, бунты... Сибирь — американцы купят, — ссылать людей в Архангельск можно, там очень много места для этого. Прохладно и пустынно...»

Затем царь резюмирует: «Россию можно округлить, по-

добно яблоку, и затем так зажать её в кулак, что она, наконец, успокоится. . .»

Памфлет «Русский царь» закончен описательной характеристикой Николая II, главным художественным средством которой являются сатирические сравнения, уподобления и эпитеты, придающие царю характер паразита на огромном теле России.

Художник пишет о царе, что «пальцы (его) рук шевелились, как ножки паука. . . и уши двигались, как уши кролика». Сквозь беспокойно бегающие глаза царя «был виден мрак его души, сморщенной тревогами жизни, как печёное яблоко. Какой-то серый тёпленый кисель наполнял эту душу. В нём медленно копошились маленькие червячки честолюбия и, как испуганная ящерица, метался страх за жизнь. Душа ничтожная, больная страхом, маленькая, жадная душа — коптела предо мной подобно огарку свечи, наполняя страну мою смрадом духовного разврата и преступлений. . .»

Естественно, что такой памфлет не мог быть напечатан в России до свержения Николая II-го. В книге «Мои интервью», напечатанной в сборнике товарищество «Знание» в 1906-м году, он был обозначен только словом «Царь», — весь текст его был заменен многоточиями. Впервые напечатанный во французском журнале «Красное знамя» в 1906-м году и тогда же вышедший отдельным изданием в Германии, памфлет «Русский царь» в нашей стране стал печататься только после Великой Октябрьской социалистической революции. Его выдающееся идейно-художественное значение заключается в том, что он явился революционным приговором М. Горького реакционной системе Николая II-го и последнего.

Второе крупное сатирическое произведение А. М. Горького 1906 года — знаменитый памфлет «Прекрасная Франция». Он создавался под влиянием сатирических очерков «За рубежом» Салтыкова-Щедрина, статей В. И. Ленина и хода тогдашних событий. Памфлет мыслился как актуальное, боевое произведение, способное сыграть определенную идейно-политическую роль в политических событиях того времени.

В мае 1906 года, посвящая И. П. Ладыжникова в замысел памфлетов «Мои интервью», А. М. Горький писал: «Прекрасная Франция», как вещь, имеющая характер злободневный, должна быть, на мой взгляд, издана отдельной брошюрой немедленно. Если вы не найдете этого возможным — продайте её газетам теперь же. Она может иметь некоторое практическое значение».

Практическое значение памфлета «Прекрасная Франция»

заклучалось в том, что автор стремился парализовать им политику западных буржуазных правительств, политику денежной и иной помощи Николаю II-му в его борьбе с революционными народами России. Буржуазная Франция в начале 1906-го года дала займы деньги царскому правительству России, и Горький горячо разоблачал эту Францию, чтобы по её реакционному пути не шли другие страны Запада.

Идейно-политическим источником памфлета «Прекрасная Франция» были статьи В. И. Ленина, в которых он разоблачал сговоры царизма с западно-европейской реакцией. О её кознях против русской революции Ленин писал в статьях: «Первая победа революции», «Заговоры реакции и угрозы погромщиков» и в других.

Агитировать против иностранных займов царизму поручила А. М. Горькому большевистская партия перед его отъездом за границу в начале 1906-го года. Следовательно, памфлет «Прекрасная Франция» явился идейно-художественным выполнением одного из партийных поручений, полученных Горьким перед отъездом из России. Не удивительно, что большевистская партийность составляет внутренний идейно-художественный принцип памфлета о буржуазной Франции, «республике без республиканцев», как назвал её Щедрин в очерках «За рубежом».

Горький в своём памфлете следовал Щедрину в изображении революционной и прогрессивной в прошлом Франции, провозгласившей лозунги Равенства, Братства и Свободы, и Франции великой литературы — Вольтера, Жорж Занд, Беранже, Гюго, Флобера. М. Горький учился у Салтыкова-Щедрина также революционной ненависти к реакционной буржуазии Франции, превратившейся к эпохе первой русской революции в корыстную и беспринципную ростоващицу, в продажную банкиршу, давшую деньги на подавление революции в нашей стране.

Памфлет «Прекрасная Франция» начинается с мотива поисков прекрасной Франции. Идейный смысл этого мотива в том, что прежней прекрасной Франции больше нет: в эпоху империализма она превратилась в свою прямую противоположность.

Мотив поисков прекрасной Франции сопровождается двумя выразительными репликами старика и рабочего. Из вопрос автора — «Где она живёт?» — один старик, должно быть, шутя, но почему-то со вздохом сказал мне, пожав плечами:

— Кто это знает? Когда-то она жила во всей Европе.

— В улице банкиров! — грубо сказал рабочий».

В этих репликах намечается основное идейное содержание памфлета: прекрасная Франция, влиявшая на всю Европу прогрессивными идеями, отошла в прошлое; теперь, в эпоху империализма, она — на улице банкиров. Банкиры господствуют во Франции, они превратили её в безобразную, отталкивающую ростовщицу и продажную кокотку.

Как и в памфлете «Русский царь», в памфлете о буржуазной Франции художник внимательно отмечает черты милитаризма, свойственные России, Франции и другим крупнейшим странам эпохи первой русской революции. Он говорит, что в Париже «всюду на площадях — пушки и солдаты...»

А. М. Горький показывает контрреволюционную сущность и антинародную направленность милитаризма. Он пишет о Париже, что «по обыкновению, принятому за последнее время во всех странах, солдаты стреляли вдоль улиц из ружей, конница, размахивая саблями, наезжала на людей... Кое-где мостовая была выпачкана кровью; люди, с пробитыми черепами, сжимая в бессильной ярости свои кулаки, уходили домой».

Прекрасную в прошлом Францию автор памфлета нашёл в «полицейском участке» у «моста Александра III». Эти подробности — Франция в полицейском участке, расположенном у моста, который носит имя реакционного русского царя Александра III, — необходимы писателю для изображения буржуазной Франции в эпоху империализма. Такую же идейно-художественную функцию имеет подробное описание здания, в котором пребывает некогда прекрасная Франция.

Автор говорит, что полицейский участок, в который заключена прекрасная Франция, «представляет собою довольно старое здание, не поражающее глаза ни роскошью, ни красотой. У двери, в которую я вошёл, стояли два солдата в штанах, сшитых из Красного знамени Свободы. Над дверью уцелели куски какой-то надписи, можно было прочесть только «Сво... ра... б... а...» Это напоминало о своре банкиров, опозоривших страну Беранже и Жорж Занд. Кругом носился запах плесени, гниения и разврата...»

Огромное идейно-художественное значение имеют указания автора на то, что Францию эпохи империализма охраняют солдаты, штаны которых сшиты из Красного знамени Свободы, что огненные слова декларации о Равенстве, Братстве и Свободе забыты буржуазией Франции, что от них сохранилась только стершаяся надпись, говорящая о рабском положении Франции под властью банкиров. Строчка о запахе плесени, гниения и разврата тоже чрезвычайно выразительно характеризует буржуазию Франции эпохи империализма.

В описание склепа, в который привели интервьюера, художник тоже включил несколько гениальных в художественном отношении штрихов, создающих яркое представление о Франции и других европейских буржуазных государствах начала XX века.

Стены склепа, по словам писателя, «оклеены разноцветными бумагами русских займов; на полу . . . кожи туземцев из колоний, а на них . . . артистически вытеснена «Декларация прав человека». Мебель, сделанная из костей народа, погибшего на баррикадах Парижа в битвах за свободу Франции, обита тёмной материей с вышитым по ней договором о союзе с русским царём. На стенах . . . гербы европейских государств, инкрустированные железом по живому мясу людей: бронированный кулак Германии, петля и нагайка России, нищенская сума Италии, герб Испании — чёрная сутана католического попа и две его костлявые руки, жадно впившиеся в горло испанца. Тут же был и герб Франции — жирный желудок буржуа, с изжёванной фригийской шапкой внутри его».

Такое описание европейских государств эпохи империализма создаёт гневное неотразимое впечатление об антинародной сущности буржуазных государств, об их циничной кровожадной политике, попирающей волю народов, основанной на их диком порабощении и небывалом попрании прав, на абсолютном забвении принципов гуманизма и других прогрессивных традиций прошлого. Эпоха империализма предстаёт в изображении М. Горького как эпоха крови и меча, угрожающая самому существованию народов.

Центральное положение в памфлете «Прекрасная Франция» занимает сатирический образ буржуазной Франции, показанной в виде продажной старой «бойкой бабы, торговки на всемирном рынке, сводницы русского царя с французскими банкирами». Художник подчеркнул в этом образе лживость, цинизм, продажность, трусость, реакционность, страх перед немецким милитаризмом, то есть все те черты, которые наиболее характерны для французской буржуазии эпохи империализма.

Весь памфлет «Прекрасная Франция» проникнут революционным патриотизмом Горького. С гневом и болью говорит он буржуазной Франции о том, что «кровавая игра солдат с народом — любимый спорт царя России, вашего друга. . .» Ненависть к реакционной Франции, оказавшей гнусную услугу русскому самодержавию, переплетается с ненавистью к реакционным силам России. А этому чувству противостоит го-

рячая, пламенная любовь автора к трудящимся России и Франции, которым принадлежит будущее.

Идеи революционного патриотизма гармонируют в памфлете с интернационализмом А. М. Горького, в частности, с его глубочайшим уважением к старой прогрессивной Франции и к современной Франции трудящихся, сохранивших вольнолюбивые традиции своей нации. «Я чувствовал, — говорит Горький о представителях новой Франции, — что в их сердцах рождается, растёт и крепнет дух старой Франции, великой матери Вольтера и Гюго, дух Франции, посеявшей цветы свободы всюду, куда достигли крики её детей — поэтов и борцов».

Стиль памфлета «Прекрасная Франция» контрастен: гневно сатиричен на страницах, где речь идёт о ненавистной пролетарскому писателю буржуазной Франции; но он становится лирически волнующим, романтически возвышенным, когда речь идёт о любимой автором Франции великих принципов Равенства, Братства и Свободы и великой французской литературе. Характеристики крупнейших деятелей этой литературы написаны в подчёркнуто приподнятых и лирически звучащих тонах.

Сатирическая манера письма преобладает в первой и большей части памфлета. Лирико-романтические характеристики Франции великих принципов и поэтов предшествуют гневной, полной революционного негодования концовке произведения. Заканчивая памфлет, автор бросает в лицо буржуазной Франции как бы железные слова, облитые горечью и злостью.

Естественно, что памфлет «Прекрасная Франция» вызвал клеветнические нападки на автора со стороны представителей буржуазной Франции — историка Олара, журналистов Ришара и Кларети, адвоката и политического деятеля Вивiani. А. М. Горький мужественно и гордо ответил им открытым письмом «Моим клеветникам!», опубликованным в 1906 году, в парижском журнале «Красное знамя» и в газете «Юманите».

В «Открытом письме господину А. Олару» А. М. Горький дал должную отповедь этому профессору и разъяснил политический смысл своего памфлета. «Вы ошибаетесь, — писал он Олару, — видимо, полагая, что я бросил мой упрёк в лицо всей Франции. Зачем считать меня наивным». Далее Горький разъяснял, что «народ никогда не ответственен за политику командующих классов и правительства, лакея их. ... Народ обманывают и позорят руководители его жизни, — им мои проклятия, кто бы они ни были — немцы, англичане, французы, короли, банкиры, журналисты».

«Открытое письмо господину А. Олару» — великолепный образец революционной публицистики Горького, обнаруживающий прямую связь его публицистики с художественным творчеством, в частности с его сатирическими произведениями. Замечательно это письмо тем, что оно проникнуто духом пролетарской партийности и революционного патриотизма: автор выразил в нём своё непримиримое отношение к буржуазному обществу и свою глубокую веру в торжество русской революции, в отрицательное отношение своего народа к денежной помощи буржуазной Франции русскому царю. Заканчивая письмо к Олару, он утверждал:

«Русская революция будет развиваться медленно и долго, но она кончится победой народа. Следуя примеру старой Франции, мы отрубим головы гидре паразитизма, но далее мы постараемся не подражать даже и великой Франции. ... Я уверен, что русский народ не возвратит банкирам Франции займов, уже оплаченных им своей кровью. Не возвратит!»

В «Открытом письме господам М. Ришару, Жюлю Кларети, Рене Вивиани и другим журналистам Франции» А. М. Горький решительно отмежевался от буржуазных журналистов, называвших себя его защитниками, когда он сидел в Петропавловской крепости в январе и феврале 1905 года. Он показал в этом письме, что нет и не может быть ничего общего между ним и теми из журналистов, которые служат реакционному буржуазному обществу. «Мы, — писал Горький, — враги, и — непримиримые, я уверен».

Третьим гениальным памфлетом М. Горького, вошедшим в цикл «Мои интервью», является памфлет «Король, который высоко держит своё знамя». Он посвящён революционной критике кайзеровской империалистической Германии и направлен против её главаря — Вильгельма II.

Важнейшим идейно-политическим источником этого памфлета является статья В. И. Ленина «Первая победа революции», в которой он разоблачал «правителей военных европейских государств», в частности Вильгельма II, пославшего «несколько крейсеров и две дивизии миноносцев для установления прямых сношений германских солдафонов с Петергофом». (В. И. Ленин. Собр. соч., изд. 4, том 9, стр. 402).

Вильгельм II в изображении Горького — крупнейший военный правитель Европы, осуществляющий милитаризацию всей жизни Германии и мечтающий о жестоком, варварском подавлении оружием социалистического движения во всем мире. Милитаристская империалистическая сущность послед-

него кайзера Германии подчёркивается на протяжении всего памфлета.

Художник отмечает, что даже кабинет Вильгельма II устроен на военный лад: у левой стены кабинета «находился огромный бассейн, в котором плавали модели военных судов. По стене тянулись полки, и на них симметрично стояли маленькие фигурки солдат, одетые в разнообразные формы.»

На протяжении всего памфлета писатель обращает внимание читателя на военную выpravку кайзера Германии и рисует его милитаристский портрет. Литературные краски портрета имеют ярко выраженный сатирический колорит. Они обнаруживаются уже в момент, когда кайзер появляется в своем кабинете.

«Его величество, — говорит автор, — вошло крепкими шагами существа, уверенного, что дворец его построен прочно. Величию осанки его величества очень способствует то, что оно не сгибает ног и, держа руки по швам, не двигает ни одним членом. Глаза его тоже неподвижны, какими и должны быть глаза существа прямолинейного.»

Сатирический портрет правителя империалистической Германии детализирован целым рядом искусно подобранных штрихов. Например, высмеивая надутое величие Вильгельма II, автор отмечает: «Когда король говорит, я заметил, что язык у него двигается, всё же остальное хранит величавую неподвижность.»

Раскрывая империалистическую сущность кайзера Германии, художник всё время вносит сатирические детали в его портрет. Например, кайзер «величаво сложил своё прямолинейное тело в форму штыка», или: «его величество вздохнуло, подобно машине военного корабля, выпускающего отработанный пар».

Очень полно охарактеризовано мировоззрение Вильгельма II во всех его существеннейших чертах.

Император Германии выступает перед читателем как ярый монархист, утверждающий божественность кайзеровской власти. Более того, Вильгельм II ставит себя рядом с богом. Он говорит, что «Бог и Кайзер — два существа, бытие которых непостижимо умом».

Обожествление монархической власти необходимо Вильгельму для того, чтобы утвердить неприкосновенность своего трона и своей личности, убедить подданных, что монарх неподконтролен никому, кроме господ бога. С этой теократической феодальной теорией связана одна курьёзная особенность устройства кабинета императора Германии: потолок его был

сделан из стекла. «Это сделано для того, — объясняет кайзер, — чтобы бог всегда видел, что делает король. Только бог понимает Короля, только он может контролировать Его».

Смешной претензией Вильгельма II является то, что он считает королей творцами, равными богам. Не менее смешно и то, что последний представитель династии Гогенцоллернов ставит себя выше гениального немецкого поэта и мыслителя Гёте. Опыянный заносчивой и горделивой мыслью о своём величии, Вильгельм говорит, что «Король и бог — творцы. . . Я и верноподанный моих предков, некто Гёте, мы, пожалуй, больше всех сделали для немцев. Может быть, я даже немного более, чем Гёте. Во всяком случае, я несомненно разнообразнее его».

Мнимое разнообразие своих талантов Кайзер распространяет на всё: на поэзию, музыку, живопись, скульптуру и другие явления культуры. Он считает себя гением, которому доступно и подвластно всё. Но, как убедительно показывает художник, Вильгельм II бездарен, и на всё, к чему жадно тянутся его руки, он кладёт только одну неизгладимую печать — печать алчной и хищной немецкой военщины, стремящейся подчинить себе всё на свете.

Поэзию немецкий король видит только в военном строю. «Нужно видеть меня на параде, — говорит он, — чтобы понять, как я влюблён во всё прекрасное и стройное. Истинная поэзия, скажу вам, это поэзия дисциплины. Её можно понять только на параде и в стихах. Полк солдат — вот поэма! Слово в строке стиха и солдат в строю — это одно и то же. . . Король — первый солдат страны, он её божественное слово, он же и первый поэт её. . .»

Музыку так же, как поэзию и всё другое, Вильгельм II стремился подчинить своему абсолютному милитаристскому господству. С присущим ему цинизмом он говорит: «Среди моих подданных было несколько недурных музыкантов и до меня, но теперь я решил сам заняться этим делом, чтобы все писали только под мою музыку». И его величество написало «образцовое» музыкальное произведение, состоящее только из военных звуков «Тра-та-там, ра-та-та-та! бумм!», назвав его первым опытом проповеди абсолютизма посредством музыки.

О каких бы видах искусства ни говорил Вильгельм II, всюду видны уши солдафона, стремящегося вытравить из жизни идеи, лишить людей мысли, превратить их в безмолвные автоматы своей монаршей воли и натравить их на прогрессивное человечество, чтобы поработить его.

Кайзер Германии выступает в гениальном идейно-художественном

ственном освещении Горького как типичный представитель немецкой военщины эпохи империалистических разбойничьих войн. Прусская бездушная и бесчеловечная военщина видна во всех хищных повадках Вильгельма II и особенно ярко — в его рассуждении: какими должны быть солдаты и все люди.

«Лучший солдат, — говорит Вильгельм, — тот, у которого мозг совершенно не действует: Солдата приводит в движение не сознание, а звук команды. . . Марррш! . . Он идёт в рай, в ад, куда угодно. В штыки! Он колет своего отца, — если его отец социалист, — мать, брата. . . это всё равно. Он действует, пока услышит — стой! Изумительно величественны эти действия без мысли!» — восклицает в упоении король пруссаков.

Высочайшим политическим идеалом Вильгельма II является монархическое государство, подданные которого «совершенно перестанут думать». По его «высочайшему» мнению «для счастья людей не нужно мозга: за них думает король. Король способен охватить всю жизнь. . . К этому я и стремлюсь. . .»

Основным стремлением Вильгельма II, как показывает пролетарский писатель, была борьба против конституционализма, демократии и социализма за военную диктатуру фашистского типа.

Памфлет «Король, который высоко держит своё знамя» свидетельствует о том, что А. М. Горький видел и предвидел превращение немецкого милитаризма в бесчеловечную деспотию военного кулака, угрожающего культуре всего прогрессивного человечества.

Реакционная деспотическая сущность Вильгельма II метко выражена в его реплике: «Прошло время, когда короли давали конституции, — пора уже брать их назад!» Выступая против конституционных систем, немецкий кайзер провозглашает «теорию древних вождей» и видит их основное призвание в борьбе против социалистического движения.

Социализм представляется Вильгельму II-му «чудовищем без головы и со множеством рук. В каждой из них — пучки молниевидного огня. На одном пучке чёрными буквами написано: «Анархия», на другом: «Атеизм», на третьем: «Гибель частной собственности», на четвёртом: «Зверство».

Идейно-политический смысл памфлета «Король, который высоко держит своё знамя» в том, что подлинным чудовищем для народов является зверский немецкий империализм. М. Горький гениально увидел и изобразил в кайзеровской Германии Вильгельма II рождение того чудовища, которое исторически подготовило коричневую чуму фашизма, развив-

шегося как продолжение традиций второй империи Гогенцоллернов.

Памфлет «Король, который высоко держит своё знамя» остаётся актуальным до сих пор, поскольку чёрный милитаристский дух живёт в современной западной Германии, поддерживаемый империализмом западных держав.

Великая историческая заслуга автора памфлетов «В Америке» и «Мои интервью» заключается в том, что он уже в первом десятилетии нашего века поднялся на такую идейно-художественную высоту, доступную революционному писателю, что выступил с глубокой критикой крупнейших империалистических государств той эпохи: царской России, французской буржуазной республики, кайзеровской Германии и Соединённых Штатов Америки. Последним посвящено пять памфлетов в книгах «Мои интервью» и «В Америке», а также замечательный рассказ «Чарли Мэн».

Произведения об империалистической Америке являются своего рода творческим отчётом Горького о жизни в США, которую он непосредственно наблюдал и изучал в течение весны, лета и осени 1906 года. Эти произведения образуют единый тематический и идейно-художественный цикл, дающий отчётливое и яркое представление о пресловутом «американском образе жизни», показанном со всех его существенных, типических сторон.

Художественным произведениям об империалистической Америке предшествовали интересные письма А. М. Горького в Россию. Он дал в них исходную обобщённую оценку «американского образа жизни». В письме К. П. Пятницкому Горький писал, что американцы «слишком бизнесмены — люди, делающие деньги, — у них мало жизни духа».

Критикуя алчность американской буржуазии, её хищное стремление всё подчинить власти золота внутри и вне своей страны, А. М. Горький сочувствовал трудящимся США, в частности сочувствовал угнетённым американской буржуазией туземным народам Америки. В одном из писем жене, Е. П. Пешковой, он писал: «Индийцы и негры — самое интересное здесь. А сами американцы любопытны только со стороны своего невежества — изумительного! — и жадности к деньгам, возбуждающей отвращение». (Собр. соч. в 30 томах, том 28, стр. 434).

В США А. М. Горький быстро увидел «две Америки» — буржуазную и пролетарскую. Капиталисты этой страны с помощью травли и скандалов стремились добиться его скорейшего возвращения за океан, у представителей прогрессивной американской демократии он нашёл хороший приём и друже-

ское расположение. Разоблачая американскую буржуазию в гениальных памфлетах, он стремился оказать моральную поддержку деятелям американского рабочего движения. Показательна в этом отношении его телеграмма руководителям «Западной федерации рудокопов», заключённым в тюрьму американскими капиталистами. В этой телеграмме Горький писал: «Привет вам, братья-социалисты! Мужайтесь! День справедливости и освобождения угнетённых всего мира близок. Навсегда братски ваш». (Там же, стр. 414).

Цикл очерков и памфлетов об «американском образе жизни» открывается знаменитым очерком-памфлетом «Город Жёлтого Дьявола». Его содержание соответствует первым, незабываемым впечатлениям автора о северной Америке, куда он прибыл через нью-йоркский порт. Городом Жёлтого Дьявола художник гневно и метко назвал Нью-Йорк, крупнейший город США.

Очерк «Город Жёлтого Дьявола» начинается выразительным пейзажем: океан и землю окутал туман, смешанный с дымом и мелким дождём, лениво падающим на тёмные здания города и на мутную воду рейда. В этом тусклом пейзаже, на его мутном фоне автор воспроизводит образ «Американского бога» — статую Свободы, стоящую на берегу Атлантики.

Художник показывает, что бог этот слеп и покрылся зелёной плесенью. «Массивная фигура бронзовой женщины покрыта с ног до головы зелёной окисью. Холодное лицо слепо смотрит сквозь туман в пустыню океана, точно бронза ждёт солнца, чтобы оно оживило её мёртвые глаза».

Этот образ, символизирующий современную империалистическую Америку, даёт неизгладимое представление о потускневшей, мало что дающей трудящимся свободе в США. Чтобы показать, что это так, писатель рисует рядом со статуей Свободы образ рядового американца-труженика. Он выглядит, как «ошеломлённое, оглохшее от шума, задёрганное пляской мёртвой материи двуногое существо, всё в чёрной копоти и масле. . . Лицо его замазано густым налётом жирной грязи, и не глаза живого человека сверкают на нём, а белая кость зубов».

В начальных страницах очерка-памфлета «Город Жёлтого Дьявола» есть черты, напоминающие экспозицию раннего рассказа А. М. Горького «Челкаш». Одесский и нью-йоркский порты изображены художником, как реальные и, вместе с тем, символически обобщённые картины порабощённости трудящихся в капиталистическом обществе. Однако и тут и там пролетарский писатель не ограничивается констатацией этого

печального факта. Он видит и показывает всюду зреющий протест против капиталистического рабства. В очерке «Город Жёлтого Дьявола» он говорит:

«И кажется, что всё — железо, камни, вода, дерево — полно протеста против жизни без солнца, без песен и счастья, в плену тяжелого труда. Всё стонет, воет, скрежещет, повинаясь воле какой-то тайной силы, враждебной человеку».

Далее на конкретном материале «американского образа жизни» писатель и обнажает эту враждебную человеку силу. Как художник-марксист, он верно видит её в системе буржуазных общественных отношений с господством в ней золота — Жёлтого Дьявола. В деньгах, в золоте как всеобщем товаре, воплотилась дьявольская, враждебная трудящимся сила капитала.

В Нью-Йорке, как и во всей капиталистической Америке, всё подчинено Жёлтому Дьяволу. «Ком золота — сердце города. В его биении — вся жизнь, в росте его объёма — весь смысл её.» Золото подчинило себе весь колоссальный город, все его небоскрёбы и железные сооружения, замечательные памятники героического прошлого американского народа и миллионы живых людей.

Для великого гуманиста М. Горького особенно прискорбно то, что власть золота поработила людей, лишила их самого драгоценного блага жизни — свободы. Этим обстоятельством и вызвана его знаменитая гневная реплика: «Ихтиозавры капитала стёрли из памяти людей значение творцов свободы». Поэтому капиталистический строй Америки писатель уподобляет тюрьме, а людей — её пленникам и рабам.

«Я впервые вижу такой чудовищный город, — говорит писатель, — и никогда еще люди не казались мне так ничтожны, так поработаны. . . Свободы внутренней, свободы духа — не светится в глазах людей. . . Старые, молодые, дети — все одинаково безмолвны, однообразно спокойны. . . В глазах нет гнева против владычества железа, нет ненависти к его торжеству».

Народному писателю, жаждущему свободы для миллионов людей труда своей страны и всего мира, больно видеть, что в крупнейшем городе США «в окнах нет цветов и не видно детей. . .» Наблюдая «отвратительную жизнь» этого города, превращённого в чудовище, пожирающее тысячи людей, революционный художник пролетариата думает о том, что человек — «хозяин жизни, жизнь — для него, и всё, что ему мешает жить, — должно быть уничтожено».

Однако происходит так, что капитализм уничтожает людей.

Он губит не только взрослых, но и детей. «Они кажутся цветами, которые чья-то грубая рука выбросила из окон домов в грязь улицы. Питая свои тела жирными испарениями города, они бледны и жёлты, кровь их отравлена, нервы раздражены зловещим криком ржавого металла, угрюмым воем порабощённых молний.»

Жизнь в Нью-Йорке, как во всяком капиталистическом городе, характеризуется контрастами чудовищной роскоши и ужасающей нищеты. А. М. Горького потрясла нищета «Ист-Сайда, квартала бедных, компостной ямы города. Я, — говорит Горький, — очень много видел нищеты, мне хорошо знакомо её зелёное, бескровное, костлявое лицо... Но ужас нищеты Ист-Сайда — мрачнее всего, что я знаю».

В улицах Ист-Сайда, «набитых людьми, точно мешки крупой, дети жадно ищут в коробках с мусором, стоящих у панелей, загнившие овощи и пожирают их вместе с плесенью тут же, в едкой пыли и духоте.» На одной из улиц Ист-Сайда высокая женщина с ребёнком на руках «стоит, точно каменная, и глаза её круглы, как у совы, — они смотрят упорно в одну точку перед собой. Чувствуешь, что этот взгляд не может видеть ничего, кроме хлеба».

Полпреда революционной России, А. М. Горького поразила подавленность рядовых американцев, их угнетённость золотом и железом. Вот «люди кончили работу дня и, — не думая о том, зачем она сделана, нужна ли она для них, — быстро бегут спать... Идут. Не слышно смеха, нет весёлого говора, и не блестят улыбки».

Город Жёлтого Дьявола оставляет тяжёлое впечатление. Однако его гнетущая атмосфера разряжена революционной мыслью писателя. Эта мысль проникает весь очерк-памфлет о жизни Нью-Йорка. Она — в революционной критике «американского образа жизни», в размышлении автора о революционной очистительной силе огня, в описании голодных людей Ист-Сайда, которые остро чувствуют и думают, хотя еще очень далеки от правильного понимания жизни.

Во втором очерке-памфлете о США «Царство скуки» А. М. Горький написал яркие картины американских праздничных увеселений, сосредоточенных на берегу океана, в Куни Айланд. В пригороде Куни Айланд всё предназначено к тому, чтобы ошеломить человека, превратить его в ничтожную песчинку огромной толпы, воспитать у рядовых американцев «покорность и смирение» перед буржуазными общественными порядками.

В Куни Айланд много огня и блеска, но нет настоящего

веселья и жизни. «Всё вокруг блестит, обнажая своё скучное уродство». В Куни Айланд «людям показывают ад с его строгими порядками и разнообразием мучений. В следующем здании показывают «Загробный мир». «Еще в одном здании охотно показывают «Всемирный потоп». В Куни Айланд есть страшные американские качели и горы, есть зверинец и цирк, но нет хорошей музыки. От американской извращённой музыки, по словам автора, «даже ко всему привыкшие лошади цирковых наездников — опасливо сторонятся, нервно прядая острыми ушами, точно хотят вытряхнуть из них колкие жестяные звуки».

Куни Айланд — не место отдыха, а место мучений людей и цирковых зверей, в освещении Горького. Оценку увеселений на Куни Айланд автор остроумно делает предметом размышлений толстого бурого медведя. «...Если люди искренно думают, — размышляет медведь, — что всё это — забавно, — я не верю больше в их разум!..»

Печальные итоги празднеств на Куни Айланд Горький передаёт в виде сводки сообщений нью-йоркских газет. По понедельникам они с торжеством извещают читателей: «Вчера на Куни Айланд было 300 000 человек. Потеряно 23 ребёнка».

Памфлет «Царство скуки» насыщен революционным идейным содержанием. Автор не сдерживает революционного гнева против пресловутой буржуазной американской культуры и говорит: «Странные фантазии рождает музыка нищих для забавы рабов. Хочется вырвать из рук музыканта самую большую медную трубу и дуть в неё всей силой груди, долго, громко, страшно, так, чтобы все разбежались из плена, гонимые ужасом бешеного звука...»

В другом месте памфлета «Царство скуки» революционная энергия автора прорывается в таком лирическом восклицании: «Смотришь на них (рядовых американцев — М. Н.) и хочется крикнуть: «Довольно глупостей! Бастуй, ребята!»

За «глупостями», которыми и поныне забавляют рядовых американцев, Горький увидел политическую подоплёку. Выражая главную идею памфлета «Царство скуки», он говорит: «Все зрелища в этом городе имеют одну цель: показать людям, чем и как они будут вознаграждены за грехи свои после смерти, научить их жить на земле смиренно и послушно законам. Всюду проповедуется одно: — Нельзя! Ибо подавляющее число публики — рабочий народ». Его-то и одурманивает американская буржуазия и её лакеи.

В очерке-памфлете «Моб» — третьем из цикла «В Америке» — Горький воспроизвёл варварский американский

самосуд, именуемый линчем. «Моб» значит толпа. Художник наблюдал её на площади, круглой и грязной, «как сковорода, на которой долго жарили мясо, но никогда не чистили её». Американская буржуазная толпа охарактеризована А. М. Горьким как «страшное животное, которое носит тупое имя «моб». Она поклоняется своим большим хозяевам — капиталистам. «Моб» понимает хозяина — это сила. Это — великий человек — тысячи работают на него, чтобы он жил, тысячи!»

Поклоняясь своим хозяевам, «моб» боится жестокой власти. Эта власть представлена в образе полицейского с короткой и тупой палкой, символизирующей реакционную и грубую власть американского капитала. «Моб», по словам автора, «искоса поглядывает на эту палку. Она знает палки, она видела их сотни тысяч, и все они — просто дерево и железо. Но в этой — короткой и тупой — сокрыта дьявольская сила, против которой нельзя идти, невозможно», с точки зрения американской буржуазной толпы.

В очерке «Моб» тонко обрисована психология буржуазной толпы, её хищные запросы и варварские поступки. «Моб», по характеристике Горького, «только ощущает, . . . только видит. Она не может претворять своих впечатлений в мысли, душа её — нема, и сердце — слепо. «Моб» чувствует во чреве своем зависть, которая остро щекочет ей желудок. . .» Она думает о вкусных вещах, от которых «так хорошо блестит кожа и так кругло—красиво вырастают животы». «Моб» живёт желанием «поймать кого-нибудь и раздавить».

В очерке «Моб» и показано, как дикая буржуазная толпа набросилась на трамвай и до полусмерти избила кондуктора вагона. Литературно-политическое значение этого произведения в том, что автор прекрасно раскрыл в нём социальные и классовые причины линча, которым очень широко пользуется современная американская буржуазия в борьбе со своими политическими противниками и с негритянским населением в США.

К трём очеркам-памфлетам цикла «В Америке» примыкает рассказ «Чарли Мэн», впервые опубликованный в 1906 году в составе сборника «В Америке». В рассказе «Чарли Мэн» мастерски показано господство частнособственнических, капиталистических интересов в США, являющихся основой «американского образа жизни».

Чарли Мэн — знаменитый охотник в округе, совершенно глухой и равнодушный к просьбам соседей-фермеров. Они просили его убить медведя, который смертельно перепугал лошадь почтальона, упавшего и сломавшего себе ногу. Затем

медведь задавил корову фермеров Круксов и угрожал не только скоту, но также детям, в том числе мальчику и девочке самого Чарли Мэна. Несмотря ни на что, Чарли Мэн категорически отказался «убить медведя в августе, когда его шкура ничего не стоит. . . А медведь, после того как он сломал кости старухе Джонстон, собиравшей в лесу ягоды, исчез из округа».

Чарли Мэн превыше всего ставит свои личные интересы. Это ярко раскрылось в первом эпизоде рассказа и во втором его эпизоде, где повествуется — с каким прилежанием Чарли Мэн охотился за выгодной и дорогой для его кармана чернобурой лисицей. Выстрелом из ружья «он не хотел испортить её дорогой мех и твёрдо решил поймать зверя капканом». В погоне за чернобурой лисицей алчный Чарли Мэн совершенно забыл «о доме, о жене, о детях, похудел, оборвался и ходил полуголодный, угрюмый, почти больной от напряжения», пока не поймал свою жертву.

В третьем эпизоде рассказа показано, как Чарли Мэн «убил свою репутацию умного человека». Фермеры просили его застрелить чёрного ястреба, таскавшего у них кур. Чарли Мэн выстрелом оглушил большую хищную птицу, она упала на землю, но охотник не убил её, а откормил мясом и выпустил в голубое небо. «С той поры, — по словам автора, — знаменитого охотника Чарли Мэн весь округ называет за глаза не иначе как — старым ослом».

Идейный смысл рассказа «Чарли Мэн» не только в обнажении господства частнособственнических, индивидуалистических, своекорыстных интересов в буржуазной Америке. Не менее важная идея рассказа в том, что трудящиеся Америки далеки от уважения к носителям таких интересов, к их алчной жадности, к их холодному равнодушию в отношении к простым людям.

К произведениям цикла «В Америке», стране господства Жёлтого Дьявола, примыкают два памфлета из цикла «Мои интервью»: «Один из королей республики» и «Жрец морали». По содержанию они родственны книге «В Америке», по стилю примыкают к памфлетам «Мои интервью». Вероятно поэтому автор и включил их в данный цикл.

Памфлет «Один из королей республики» написан в форме интервью. Он начинается сопоставлением воображаемого образа короля республики и другого, реального образа американского миллиардера. При этом сопоставление сделано так, что и воображаемый и реальный образы королей американской буржуазной республики использованы как средство са-

тиры пролетарского писателя на империалистическую Америку, стремящуюся к мировому господству.

Созданный поэтическим воображением гиперболизированный образ американских миллионеров и миллиардеров — в начале памфлета. «Стальные, керосиновые и все другие короли Соединенных Штатов, — говорит Горький, — всегда смущали моё воображение. . . Мне казалось, что у каждого из них по крайней мере три желудка и полтора ста штук зубов во рту. . . Вообще моё представление о миллионере не имело законченной формы. В кратких словах, это были прежде всего длинные эластичные руки. Они охватили весь земной шар, приблизили его к большой, тёмной пасти, и эта пасть сосёт, грызёт и жуёт нашу планету, обливая её жадной слюной, как горячую печёную картофелину. . .»

Этот гениальный обобщённый образ американских миллионеров создаёт неотразимое представление о хищнических аппетитах американских империалистов, стремящихся всю землю захватить в свои руки, сделать её своим достоянием, чтобы подчинить народы всего мира своему ненасытному господству, своей безумной жадности к золоту — Жёлтому Дьяволу.

Гиперболизированный образ воображаемого миллионера сменяется далее образом реального миллионера США, и этот реальный образ раскрывается в интервью по экономическим, политическим, религиозным и эстетическим вопросам. По ходу интервью художник рисует отталкивающий портрет миллионера, который «сидел в кресле, как высохшее ядро ореха в своей скорлупе», и цинично говорил обо всем, как истый хозяин всей своей большой и богатой страны.

Миллионер — полный хозяин и властелин в области экономической жизни. «У меня железные дороги, — говорит он. — Фермеры производят товар. Я его доставляю на рынки. Рассчитываешь, сколько нужно оставить фермеру денег, чтобы он не умер с голоду и мог работать дальше, а всё остальное берёшь как тариф за провоз». Из этого циничного суждения ярко видна бесчеловечная эксплуататорская сущность американских миллионеров.

Далее писатель показывает, что американское буржуазное правительство находится во власти миллионеров и верно, преданно служит им. Миллионер говорит о правителях США, как о своих слугах: «Ага. . . Это те. . . В Вашингтоне. Нет, они не мешают. Это очень хорошие ребята. . . Среди них есть кое-кто из моего клуба». Так художник показывает зависимость буржуазного государства США от миллионеров и миллиардеров.

Американский, как и всякий иной, миллионер — враг социалистов. Задачу вашингтонских правителей он видит в подавлении социалистического движения, как и немецкий кайзер. «Социалисты — песок в машине жизни, — рассуждает миллионер, — у хорошего правительства не должно быть социалистов». Правители Америки, по мнению миллионера, «должны лишить социалистов гражданских прав». Известно, что в наше время они сделали это, запретив Коммунистическую партию США и жестоко расправляясь со всеми прогрессивными элементами.

На религию миллионер смотрит, как и на всё другое, «с высоты горы золота». Религия нужна, с его точки зрения, как средство одурманивания народа. «Религия — это необходимо народу», — докторально утверждает миллионер. «Религия — масло. Чем обильнее мы будем смазывать ею машину жизни, тем меньше будет трения частей, тем легче задача машиниста».

А. М. Горький показывает лицемерие американской буржуазии: проповедуя христианскую религию, она не верует в Христа. Её представитель, один из королей республики говорит интервьюеру: «Пусть это будет между нами! — тихо предупредил он. — Для американца невозможно признать Христа! — Невозможно? — шопотом спросил я после паузы. — Конечно, нет! Он — незаконнорожденный! — старик подмигнул мне глазом и оглянулся вокруг».

С нескрываемым цинизмом говорит один из королей республики об искусстве; оно для него еще менее святыня, чем религия. «Что вы думаете об искусстве?» — спрашивает его интервьюер. «О, — спокойно отозвался он, — я не думаю о нём, я просто покупаю его. Оно должно быть забавно, это искусство, — вот чего я требую. . . Нужно, чтобы я смеялся. . . В моём деле мало смешного. . .»

Всю беседу с миллионером художник искусно использует для разоблачения хищничества и духовной нищеты империалистов. Настоящему искусству они предпочитают и красивые рекламы, и бои петухов, и травлю крыс. На вопрос интервьюера — «Что вам нравится в театре?» — буржуа цинично отвечает: «Хорошо, когда много молодых дам декольте, а вы сидите выше их!»

Интеллектуальная нищета американских миллиардеров сочетается с кичливостью, самодовольством, глупой гордостью своей страной, её неограниченными капиталами. «Америка — лучшая страна мира, — говорит один из королей республики, — вот почему американская музыка лучше всех на земле. Американцы — лучшие люди земли. У них больше всего де-

нег. Никто не имеет столько денег, как мы. Поэтому к нам скоро придет весь мир...»

А. М. Горький заканчивает интервью с миллионером уничтожающим резюме: «Я слушал, как самодовольно болтал этот большой ребёнок, и с благодарностью думал о дикарях Тасмании. Говорят, и они тоже людоеды, но у них всё-таки развито эстетическое чувство...»

В конце памфлета выясняется, что людоедские аппетиты королей Америки простираются на Европу — цивилизованнейшую часть человечества. Американские империалисты уже в начале XX века думали прибрать Европу к рукам. «А что, у вас в Европе есть лишние короли? — медленно спросил миллионер. — Мне кажется, они все лишние! — ответил я... Он пожевал губами и медленно сказал: — А как вы думаете, сколько это будет стоить — два короля для бокса, каждый день полчаса, в течение трёх месяцев, э?»

Гениальный памфлет «Один из королей республики» в целом написан как будто сегодня. В нём всё остаётся на месте, как остались на месте короли Америки. Комично и предостерегающе звучащий в эпоху первой русской революции памфлет «Один из королей республики» сохранил всю свою боевую идейно-художественную силу в наши дни, когда американские империалисты уже не королей думают сравить в боксе, а народы всего мира ввергнуть в пучину третьей мировой войны с применением всех ужасных средств массового уничтожения.

Последний памфлет о США «Жрец морали» разоблачает преступность «американского образа жизни» и завершает весь цикл произведений об Америке. В этом памфлете воспроизведён образ политического преступника, сделавшего специальность из своих преступлений. «Моя специальность, — говорит он, — преступления против общественной морали». Он и не представляет себе жизнь иначе. С развязностью преступника он спрашивает: «А разве можно наслаждаться жизнью, не нарушая законов морали, а?»

Жреца морали А. М. Горький изображает как порождение американского, буржуазного образа жизни. Личность в обрисовке пролетарского художника выступает в роли индивидуального выражения совокупности общественных отношений. А капиталистическое общество таково, что капиталисты с помощью солдат убивают бастующих рабочих, ради завоевания рынков сбыта ведут кровопролитные войны, истребляют и свой народ, и туземцев.

Свои взгляды на жизнь жрец морали формулирует с при-

сущим американской и всякой иной буржуазии цинизмом. «Вся жизнь, — говорит он, — есть процесс выжимания золота из мяса и крови человека. Народ в этой стране, — как и везде, я слышал — руда, из которой добывают жёлтый металл, прогресс — это концентрация физической энергии масс, т. е. кристаллизация мяса, костей и нервов человека в золото».

Пользуясь приёмом исповеди героя, А. М. Горький влагает в уста жреца морали памфлетную характеристику «американского образа жизни». «Вы знаете, — говорит жрец морали, — что наша страна живёт только одним стремлением — делать деньги. Здесь все хотят быть богатыми, и человек для человека только материал, из которого всегда можно выжать несколько крупинок золота».

Жрец морали, оказывается, не одинок. Он служит в бюро, которое занимается гипнозом общественного мнения. Это «бюро ограждает высший класс американского общества от суда народа и, в то же время, постоянными криками о нарушении законов морали забивает народу голову мелкими скандалами, организованными для прикрытия порочности богатых».

Особое место среди памфлетов Горького принадлежит памфлету «Хозяева жизни», включённому в книгу «Мои интервью». Этот памфлет не приурочен к какой-либо определённой стране и написан в созданной А. М. Горьким форме условного путешествия с Дьяволом по кладбищу. В аналогичной форме им написаны рассказы «О черте» и «Еще о черте».

В памфлете «Хозяева жизни» автор высмеял представителей буржуазной науки в их отношении к народам и нациям, к женщине, к строю жизни. Один из поднятых с кладбища мертвецов хвастается тем, что он «написал десять больших книг, которые внушили людям великую идею преимущества белой расы над цветной».

Гнусного расиста сменил реакционный женофоб. Он «всю жизнь измерял черепа женщин, чтобы доказать, что женщина не человек». Один из поднятых Дьяволом «учёных, описавший в своей книге тысячи разных пауков, утверждал, что он величайший учёный».

Дьявол в памфлете «Хозяева жизни» изображён как протестующее начало и даже как носитель некоторых положительных идеалов. Пользуясь этим фантастическим образом, Горький осудил весь строй буржуазной жизни. «Что сделано на земле, — восклицает Дьявол. — Выстроены дворцы для немногих, церкви и фабрики для множества. В церквях убивают души, на фабриках — тела, это для того, чтобы дворцы стояли

незыблемо. Я хочу гармонии!.. Рабство противно духу моему... И за это меня сбросили с неба».

Пользуясь фантастическим образом Дьявола, Горький осудил в памфлете «Хозяева жизни» тех представителей буржуазного гуманизма, «которые хотели поставить на сцену жизни эту красивую кулису, чтобы скрыть за нею мрачный ужас истязания людей, холодную жестокость кучки сильных...» Ясно, что А. М. Горький критикует здесь ненавистный ему буржуазный гуманизм, с которым он всю жизнь боролся.

Через фантастический образ Дьявола автор памфлета «Хозяева жизни» выразил положительные эстетические и политические идеалы. Авторский эстетический идеал выражен, например, в следующей реплике: «Безумный гнев, тоску о красоте и ненависть к стоячему болоту жизни — это я люблю в искусстве». Из дальнейшего рассуждения видно, что главным предметом искусства А. М. Горький считал героическое в жизни и его носителей — людей-героев, а не обывателей. Задача искусства — быть художественной проповедью красивой целостной жизни.

Эстетические идеалы всегда сливаются у Горького с политическими. В конце памфлета «Хозяева жизни» он говорит: «Что нужно проповедовать людям для жизни красивой и целостной? Однообразие положений для всех людей и различие всех душ. Тогда жизнь будет кустом цветов, объединённых на корне уважения всех к свободе каждого, тогда она будет костром, горящим на почве общего всем стремления подняться выше... Тогда будут бороться мысли, но люди останутся товарищами. Это невозможно? Это должно быть, потому что этого еще не было!»

В этом рассуждении речь идёт о социалистическом обществе. Революционная мечта о нём противостоит гнусной буржуазной действительности, изображённой Горьким средствами реалистической сатиры в произведениях эпохи первой русской революции. Под «однообразием положений для всех людей» А. М. Горький понимал одинаковость их социального положения, основанного на социальном равенстве, и ничего больше.

*

В целом революционная сатира Горького, созданная в эпоху нашей первой революции, явилась первым образцом сатиры социалистического реализма в русской и мировой литературе. Принципиально нова в ней в сравнении с предшествующей революционной сатирой, традиции которой Горь-

кий принимал и продолжал, глубокая критика экономических, политических, идеологических и моральных основ буржуазного строя с позиций революционного пролетариата.

Памфлеты «В Америке» и «Мои интервью» сыграли и играют огромную роль в разоблачении капитализма на империалистической стадии его развития. Они помогли народам нашей страны ликвидировать этот строй на одной шестой земного шара. Исключительно важно историко-литературное значение горьковских антиимпериалистических памфлетов. Они подвигли наших советских поэтов — В. Маяковского, К. Симонова, М. Рыльского, С. Вургуня и многих других — на создание поэтических сатирических произведений о буржуазных странах, о строе жизни в них в нашу эпоху.

Памфлеты циклов «В Америке» и «Мои интервью» входят в литературно-публицистический арсенал современного идеологического оружия в борьбе прогрессивного человечества против реакционного американского и всякого иного империализма. Антиимпериалистические произведения А. М. Горького — боевое оружие в борьбе за построение коммунизма в нашей стране, за победы социализма в странах народной демократии, за мир и демократию во всем мире.

Сатирические произведения А. М. Горького, созданные в годы первой русской революции, остались вершиной горьковской сатиры, как «Мать» и «Враги», написанные тогда же, остались значительнейшими произведениями искусства социалистического реализма в жанрах романа и драмы.

Сатира Горького эпохи первой русской революции сохраняет значение образца, по которому надо равняться современным писателям-сатирикам. У Горького необходимо учиться актуальности и остроте сатиры, ее эпохиальной объёмности и глубине, её художественному совершенству и простоте, — всему тому, что делает произведения искусства бессмертными.

A. Ozols.

PAR DAZIEM VĀRDKOPU SINTAKSES JAUTĀJUMIEM LATVIEŠU KLASISKAJĀS TAUTASDZIESMĀS.

1.

Piezīmes par vārdkopu izpratni.

«Vārdu savienošanas regulās, dažādu veidu un tipu vārdkopu izveides likumsakarībās spilgti izpaužas valodas nacionālā specifika.»¹

Šī specifika rodas valodas vēsturiskās attīstības rezultātā, tā saistīta ar pašu vārdkopu vēsturisko attīstību. Lai parādītu, kā laiku gaitā izpaužas dažādas tendences vārdkopu izveidē un lietojumā vienas valodas robežās, nepieciešams izpētīt dažādu laiku posmu dažādu žanru valodas materiālus un iegūtos rezultātus salīdzināt. Latviešu valodā līdz šim ir izpētīti tikai vienkāršo vārdkopu tipi, pie tam — jaunlatviešu publicistikas žanrā uz «Pēterburgas Avižu» materiāla pamatiem. Šo darbu veikusi E. Soida savā filoloģijas zinātņu kandidāta disertācijā «Vārdkopas jaunlatviešu publicistiskajos darbos.»²

Arī krievu valodniecībā līdz šim pētītas galvenokārt vienkāršās jeb divu vārdu vārdkopas³ un nospraustas robežas starp vārdkopām un teikumiem, neparādot šai sakarā pašu teikumu izveides robežas.

Tā kā biežāk lietojamie teikumi kā folklorā, tā literatūrā un arī ikdienas sarunvalodā parasti sastāv vairāk nekā no diviem vārdiem, tad paplašināto un salikto vārdkopu pētīšana var pa-

¹ В. В. Виноградов. Вопросы изучения словосочетания. «Вопросы языкознания», М., 1954, № 3, стр. 4.

² Sal.: Э. Я. Сойда. Словосочетания в публицистике «младолатышей» (по газете «Петербургас Авизес»). Автореферат диссертации на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Рига, 1954.

Turpmāk citātos norādītas disertācijas lappuses. Disertācijas virsraksts citēts saīsināti, kā «Vārdkopas».

³ Sal.: Грамматика русского языка, том II, ч. I. Издание АН СССР, М., 1954, §§ 1—199.

līdzēt atklāt tos faktorus, kas darbojas teikumu robežu nosprašanās, to apjomu noteikšanās.

Lai nošķirtu vienkāršās vārdkopas no paplašinātajām un saliktajām, nepieciešams vienoties par vārdkopas jēdziena izpratni.

Ņemot vērā, ka «Vārdkopu definēšanā un vārdkopu un teikumu attieksmju izpratnē nav pilnīgas saskaņas un vienības starp dažādām zinātniskām gramatikām»¹, mums nepieciešams šeit izvirzīt savu viedokli. Tā kā «Jautājumi par vārdkopas gramatisko būtību, vārdkopas apjomu, tās formu un nozīmi, tās attieksmi ar teikumu un vārdu dažādās valodās vēl maz pētīti»², tad katrai definīcijai, kas sniegta pirms vispusīgas materiala analīzes, var būt tikai lielākā vai mazākā mērā aptuvenš raksturs. Tas sakāms arī par vienīgo vārdkopas definīciju, kas izvirzīta līdzšinējā latviešu valodnieciskajā literatūrā.³ Tā pareiza attieksmē pret vienkāršajām vārdkopām, bet neaptver, kā redzēsīm, visus salikto vārdkopu tipus.

E. Soidas sniegtā vārdkopu definīcija izstrādāta uz to teoretisko apsvērumu pamata, kuri sniegti V. P. Suchotina pētījumā «Vārdkopas problema mūsdienu krievu valodā»⁴. Atšķirā no V. P. Suchotina, kas vārdkopas daļa predikatīvās un nepredikatīvās⁵, E. Soida atzīst par vārdkopām tikai nepredikatīvās. Tāda vārdkopas izpratne prasa precizējumus. Principā atzīstot par nepieciešamu norobežot predikatīvos vārdu savienojumus kā teikuma būtības paudējus no nepredikatīvajiem savienojumiem jeb vārdkopām kā teikumu konstruktīva materiala, nedrīkst neatzīmēt to predikativitātes pusi, kas tomēr atspoguļojas arī «nepredikatīvajās» vārdkopās, un proti:

«Dabiski, ka verbalo vārdkopu formu sistēmā, piemēram — studēt filozofiju, nodarboties ar dziedāšanu, just līdz biedram u. tml. ietelp arī to predikatīvās formas: studēju filozofiju, nodarbojos ar dziedāšanu,

¹ В. В. Виноградов. Словосочетание как предмет синтаксиса. См.: Грамматика русского языка, том II, ч. 1. Изд. АН СССР. М., 1954, стр. 10.

² Turpat, 10. lpp.

³ «Šai darbā par vārdkopām nosaukti tādi divu vai vairāku patstāvīgu vārdu (nevis palīgvārdu) savienojumi, kuri, atspoguļodami divu parādību attieksmes reālajā īstenībā, patur nominatīvo funkciju, veido formu sistēmu un kuros realizējas atkarīgā komponenta pakārtojums centrālajam komponentam, piešķirot tam sintaktiski semantisku paplašinājumu. Šo savienojumu grupā neietilpst ne predikatīvie savienojumi, ne arī vienvēda komponentu paralel-savienojumi.» (E. Soida, Vārdkopas..., Rīgā 1954, 77. lpp.)

⁴ В. П. Сухотин. Проблема словосочетания в современном русском языке. В сборнике «Вопросы синтаксиса современного русского языка. Под ред. акад. В. В. Виноградова» М., 1950, стр. 127—182.

⁵ Turpat, 176.—177. lpp.

u. tml. Bet šīs formas ir tikai potenciāls materiāls teikuma veidošanai, jo vārdkopai pašai par sevi nav komunikatīvās intonācijas un tai svešas teikuma priekšmeta, izteicēja un citu teikumlocekļu kategorijas.»¹

Tācu akad. V. V. Vinogradovs, cenšoties norobežot vārdkopas no predikativajiem vārdu savienojumiem, negrib atzīt arī stāvokli, kurā dažkārt vārdkopa saplūst ar teikumu un faktiski nav norobežojama no tā. Tādi ir gadījumi ar iepriekš citētajām vārdkopu predikativajām formām. Atzīt šo formu eksistenci bez predikativās intonācijas tad, ja tās kontekstā iekļautas kā atsevišķi teikumi, nozīmētu ignorēt valodas faktisko stāvokli un izdarīt vārdkopu pētīšanā teoretisku abstrakciju, kam nebūtu nekādas praktiskas nozīmes. Turklāt, kā to redzēsim, it sevišķi paplašināto un salikto vārdkopu analizē, nevar pilnīgi iztikt arī bez teikumlocekļu kategorijas. Tā dažkārt palīdz vai nu īsāk vai precīzāk raksturot kādu saliktās vai paplašinātās vārdkopas modeli. Bez tam jāpiezīmē, ka ne tikai verbalo vārdkopu formu sistēmā, bet arī nominālo vārdkopu formu sistēmā iespējamas vārdkopu predikativās formas, piemēram, zināmās izsaukmes konstrukcijās:

Bāliņ, tavu gudru prātu, Tavu gudru valodiņu! 706².

Seit minētie akuzatīva locījumi tieši izsaka nominālo predikāciju, kurā lietvārdi funkcionē kā teikuma galvenie locekļi un kā vārdkopas galvenie komponenti, bet vietniekvārdi un īpašības vārdi kā atkarīgie teikuma locekļi un kā vārdkopas atkarīgie komponenti.

Tādā kārtā zināmos nosacījumos vārdkopu formu sistēmā iekļaujas ne tikai vārdkopu predikativās formas, bet arī predikatīvi vārdu savienojumi. Atklāt šādus nosacījumus ir viens no šā pētījuma uzdevumiem.

Pamatā pieņemot vārdkopas izpratnei E. Soidas izvirzīto definīciju, atzīstam tanī par nevajadzīgi ierobežojošu nosacījumu, ka vārdkopās, kā zināmos vārdu savienojumos, atspoguļojas tieši **divu** parādību attieksmes reālajā īstenībā. Tā var sacīt tikai par vienkāršajām vārdkopām. Ja vārdkopas ir paplašinātas vai sa-

¹ В. В. Виноградов. Вопросы изучения словосочетания. «Вопросы языкознания» М., 1954, № 3, стр. 4.

² Visi tautasdziesmu citāti no Kr. Barona krājuma «Latvju Dainas» I—VI, Jelgavā-Pēterpilī, 1894—1915. Arabu cipari nozīmē tautasdziesmu numurus. Romiešu cipari arābu ciparu priekšā norāda vai nu uz pielikumu pirmajā sējumā (piem.: I 705), vai arī piektajā sējumā (piem.: V 708). Arabu cipari aiz komata norāda numurētu variantu (piem.: 708, 1). Burts **v** aiz arābu cipara norāda nenumurētu variantu (piem.: 705 v.). Divrinde citēta vienā rindā. Otrās rindas sākas ar norāda pirmā vārda lielais burts.

liktas, tanis parasti atspoguļojas vairāku parādību attieksmes — atbilstoši vārdkopas vārdu skaitam.

Par **vienkāršām vārdkopām** saucam divus pakārtojuma (resp. saskaņojuma, pārvaldījuma vai pieklāvuma) attieksmēs esošus pilnnozīmes vārdus, no kuriem viens kā pakārtotājs ir vārdkopas galvenais, otrs kā pakārtojamais — ir vārdkopas atkarīgais komponents jeb vārds. Piemēram, tautasdziesmā:

Viena meita Rīgā dzied, Otra dzied Valmierā,

Abas dzied vienu dziesmu, — Vai tās vienas mātes meitas? 1 —

vienkāršas vārdkopas ir: 1. «*viena meita*»; 2. «*Rīgā dzied*»; 3. «*dzied Valmierā*»; 4. «*dzied dziesmu*» u. c.

Par **aplašinātām vārdkopām** saucam tādas vārdkopas, kurās kāds no vārdkopas galvenā vārda atkarīgajiem vārdiem, savukārt, sev pakārto kādu citu vārdu. Tādā kārtā applašinātajās vārdkopās atrodams vārds, kas, no vienas puses, pats ir atkarīgs no galvenā vārda, bet, no otras puses, funkcionē kā galvenais vārds attieksmē pret kādu citu vārdu, kas no tā atkarīgs. Applašināt var kā vienkāršās, tā saliktās vārdkopas un līdz ar to attiecīgi izšķirt vienkāršas applašinātas un saliktas applašinātas vārdkopas.

Iepriekš minētajā tautasdziesmā sastopam divas vienkāršas applašinātas vārdkopas: 1. «*dzied vienu dziesmu*» un 2. «*vienas mātes meitas*». Pirmajā no tām finitais verbs «*dzied*» kā galvenais vārds pārvalda substantīva akuzatīvu «*dziesmu*», bet šis akuzatīvs, savukārt, kā galvenais vārds pakārto sev numerali «*vienu*» kā saskaņotu apzīmētāju. Otrā vienkāršajā applašinātajā vārdkopā substantīva daudzskaitļa nominatīvs «*meitas*» kā galvenais vārds pakārto sev substantīva vienskaitļa ģenitīvu «*mātes*» kā nesaskaņotu apzīmētāju, bet tas, savukārt, kā galvenais vārds, pakārto sev numerali «*vienas*» kā saskaņotu apzīmētāju.

Par **saliktajām vārdkopām** saucam tās, kurās vai nu viens galvenais vārds pakārto sev kā atkarīgus vismaz divus pilnnozīmes vārdus, vai arī — kurās divi galvenie vārdi pakārto katrs sev vienu un to pašu atkarīgo trešo pilnnozīmes vārdu. Šis trešais — divkārši atkarīgais pilnnozīmes vārds — var atrasties atšķirīgās pakārtojuma attieksmēs ar katru no saviem pakārtotajiem vārdiem.

Piemēram, citētajā dziesmā ir viena saliktā vārdkopa «*viena meita Rīgā*», kurā galvenais vārds «*meita*» pakārto sev gan vārdu «*viena*», kas atrodas ar galveno vārdu saskaņojuma attieksmēs, gan vārdu «*Rīgā*», kas atrodas ar galveno vārdu pār-

valdījuma attieksmēs. Divkārši atkarīga komponenta piemēram tautasdziesmā:

*Es redzēju Vāczemē Vienu pili nogāžam,
Vienu pili nogāžam, Otru jaunu būvējam.* I 2617, 3 —

vārdkopa «*redzēju pili nogāžam*». Substantīva akuzatīvs «*pili*» ir atkarīgs gan no finitā verba «*redzēju*», gan no gerundija «*nogāžam*», kas abi kā pārejoša verba formas pārvalda doto akuzatīva formu. Līdzīgā kārtā kā divkārši atkarīgs tai pašā vārdkopā iekļaujas vārds «*Vāczemē*» — «*redzēju Vāczemē pili nogāžam*». Tālāk šī saliktā vārdkopa paplašināta ar vārdu «*vienu*», ko pakārto saliktās vārdkopas atkarīgais komponents «*pili*», kas attieksmē pret pakārtoto vārdu ir galvenais komponents.

Rodas jautājums, kā noteikt salikto vārdkopu robežas un kāda veidojas salikto vārdkopu tipoloģija. Tas ir otrs jautājums, kam pievērsta uzmanība šai pētījumā.

Salikto vārdkopu pētīšana stāv ciešā sakarā ar teikumu tipoloģiju, un šeit nav iespējams izslēgt no vārdkopu sintakses tās teikumlocekļu kategorijas, ar kurām saliktajām vārdkopām ir specifiska saskare. Piemēram ņemsim tautasdziesmas teikumu:

Drauga bērni bāreniši Paši tek nesūtami. 4762.

Konstrukcijā *drauga bērni bāreniši* vārda *bāreniši* sintaktiskā funkcija nav skaidra. Uztverot šo vārdu kā pielikumu vārdam *bērni*, konstrukcija ir salikta vārdkopa, kurā galvenais vārds ir *bērni*, kas pakārto sev divus atkarīgos vārdus: *drauga* kā nesaskaņotu apzīmētāju un *bāreniši* kā postpozitīvu saskaņotu apzīmētāju, t. i., pielikumu. Ja tā, tad vietniekvārds *paši* ir substantīva *bērni* pronominals ekvivalents. Tas kalpo izteiksmes spēcīnāšanai un, būdams saskaņots ar substantīvu *bērni*, kā no tā atkarīgais trešais komponents iekļaujas saliktajā vārdkopā «*drauga bērni bāreniši paši*». Bez tam particips *nesūtami*, kā atkarīgais komponents, saskaņodamies gan ar vārdu *bērni*, gan *paši* un iekļaudamies saliktajā vārdkopā, to paplašina «*drauga bērni bāreniši paši nesūtami*». Tālāk, ņemot vērā, ka particips *nesūtami* ir atkarīgs arī no verba *tek* un iederas verbalajā vārdkopā *tek nesūtami*, tas kā divkārši atkarīgs komponents sasaista nominālo vārdkopu ar verbo. Veidojas tāda salikta vārdkopa, kas kļūst identa ar pašu teikumu.

Bet var arī skaidrot vārdu *bāreniši* kā nominalu izteicēju (bez saitiņas) attieksmē pret teikuma priekšmetu *bērni*. Tādā gadījumā citētajā konstrukcijā divi teikumi: 1. *Drauga bērni bāreniši* un 2. *Paši tek nesūtami*. Tādā gadījumā konstrukcija

«paši tek nesūtāmi» ir ne tikai atsevišķs teikums, bet saskaņā ar iepriekš teikto tā ir arī salikta vārdkopu, kas nav nošķirama no predikatīva vārdu savienojuma.

Minētais piemērs nav kas izolēts, bet tipisks latviešu klasisko tautasdziesmu sintaktiskajām konstrukcijām, kurās spilgti atklājas vārdkopu, teikumlocekļu un teikumu tipoloģijas jautājumu ciešā saskare un sarežģītība. No šā plašā jautājumu kompleksa šai rakstā pievērsīsimies tikai trim atsevišķiem jautājumiem. Pirmie divi saistās ar infinitīva lomu verbalajās un adverbialajās vārdkopās un palīdz norobežot no vārdkopām — vienā gadījumā morfoloģisku analītisku formu, otrā gadījumā — īpašu predikatīvas veidu.

Trešais jautājums saistīts ar divkārši atkarīgu vārdkopu komponentu, kas ietelp ne tikai saliktā vārdkopā, bet arī predikatīva vārdu savienojumā.

2.

Jautājums par verbiem kā infinitīvu pārvaldītājiem un par analītisko debitīvu.

Verbalajās vārdkopās ar infinitīvu kā atkarīgo komponentu centralais verbs latviešu valodniecībā skaidrots kā tāds, kam pa daļai ir palīgverba raksturs.¹ Pēc verbiem (skaitā 21), kas uzrādīti J. Endzelīna Latviešu valodas gramatikā¹ kā centralie komponenti verbalajās vārdkopās ar infinitīvu, nevaram spriest, vai tie ir tikai verbu atlase vai arī tie ir visi, kas savā laikā konstatēti funkcionējam pie infinitīviem kā to pārvaldītāji. Drīzāk jāpielaiž pēdējā iespēja. Ja minētos verbus uzlūkotu par atlasīti, tad nebūtu skaidri atlases principi un pati izvēle šķistu patvaļīga. Ja nu verbiem kā infinitīvu pārvaldītājiem ir zināmas nozīmes īpatnības, lietderīgi zināt, kādi verbi mēdz funkcionēt par infinitīvu pārvaldītājiem. E. Soida, neskaitot J. Endzelīna minētos verbus, konstatējusi savā disertācijā vēl 70 citus attiecīgo vārdkopu centralos verbus un grupējusi tos septiņās semantiskās grupās:

¹ Sal.: «Infinitīvs noder arī (pa daļai kā objekts) kā nepieciešams papildinājums zināmiem verbiem, kam pa daļai ir palīgverbu raksturs, tā, piem., gribēt(ies), driestēt, varēt, vajadzēt, suolīt, prast, sākt, pavēlēt, vīlēt... (at)jaut, šķīsties... (nuo)minēt... teikt(ies)... sacīt(ies)... dzīrties... lielīties... zināt(ies)... (ie)mācīt(ies)... nuospriest... aizmirst(ies)... aizliegt...» (J. Endzelīns, Latviešu valodas gramatika. Rīgā 1950, 789. §, 993. lpp.; turpmāk citējumos saīsināti: L Gr.).

1) vārdkopas ar verbu centrā, kas apzīmē darbības sākumu, turpinājumu un beigas: *turpināt, (ne)beigt, taisīties, iedomāties, nomesties, doties, ņemties, steigties, apstāties* (113. lpp.), *nostāties* (116. lpp.);

2) vārdkopas ar verbiem centrā, kas apzīmē virzību vai stāvokli: *iet, nākt, skriet, braukt, vest, reizot* (118. lpp.);

3) vārdkopas ar verbu centrā, kas apzīmē prasmi, paražu, spēju veikt ar atkarīgo infinitīvu nosaukto darbību: *mācēt, saprast, mīlēt, ierast, aprast, mēgt, (ie)spēt* (119. lpp.);

4) vārdkopas ar verbiem centrā, kas izsaka nodomu, gribu, tieksmi vai arī pretēju nostāju attieksmē pret infinitīva apzīmēto darbību: *apņemties, cerēt, cīsties, domāt (un nodomāt, sadomāt), draudēt, dzīties, iedrošināties, kārot, lauzties, mēģināt, meklēt, provēt, pūlēties, raudzīt, steigties, tikot* (122. lpp.); *aizkavēties, bīties, kaunēties, sargāties, žēlot* (126. lpp.);

5) vārdkopas ar verbiem centrā, kas izsaka biedrošanos un saskaņu, apņemšanos veikt infinitīva nosaukto darbību: *biedroties, nospriest, norunāt, ņemties, salīgt, sapulcēties* (127. lpp.);

6) vārdkopas ar verbu centrā, kas izsaka pavēli, pamudinājumu, aicinājumu, gribu: *aicināt, didīt, ieradināt, lūgt, piespriest, sūtīt, uzaicināt, uzskubināt* (130. lpp.); *atvēlēt, laist, likt, uzspiest* (131. lpp.);

7) vārdkopas ar verbiem centrā, kas izsaka nejaušību vai arī ar infinitīvu izteiktās darbības nepieciešamību: *gadīties, izdoties, laimēties, (pie)nākties, pavesties, trāpīties, pieklāties, patīkt, riebties* (134. lpp.) un *palīdzēt* (135. lpp.).

Prof. J. Endzelīna un E. Soidas minētie verbi (kopā 91), kam pakārtojas infinitīvi, nebūt nav vienīgie. Izskatot Latvju Dainu pirmos divus sējumus (13233 dziesmas un to variantus), esam konstatējuši vēl šādus 100 citus verbus kā nenoteiksmes pārvaldītājus (nosaukti iepriekš minēto grupu secībā alfabētiski):

1) *atstāt* I 456, 2 v.; *audzināt* 3501; *(uz)augt* 1587; 8348; 8733; *aut* («gatavoties») 2509; *gaidīt* I 269, 9; *iestāt* 4233; *ņemt* 4805; 4890, 10; 11162; *palikt* 2764; 2765; 2766; 3168; 6101; *(ne)pamest* 4143; *paņemt* 2546; 4890, 12—13; *stāvēt* 2663; 2765, 2; 3826; 7117; *uzņemt* 2546 v.; 4890, 5;

2) *aizjāt* I 2493, 4; I 4575, 1; *aiztecēt* 4089; 6962; *atjāt* 5037; 9970; *attecēt* 12197; *brist* 506; I 506, 1—2; *celt(ies)* 1340; 4658; 6710; 6711; 6799; 6813; 8009; 8154, 4—6; *dzīt* 713; 2697, 4; *glauzt* 9945; *griezt* 225; 1516; *iebraukt* 11111, 1 v.; *ieirties* 11111, 3 v., 5 v.; *ieļauties* 11111 v.; 11111, 1 v.; *ielīgot* 11111, 5 v., 9 v.; *ielikt* I 1016, 1 v.; *iepeldēt* 11111, 10; *izdzīt* 3336, 2 v.; *iztecēt* 446; 446, 1—4; 554, 1; *jāt* 1436; 3458; 5194; 8813; 10530; 10705; *kāpt* I 765, 1, 3; 2692, 1; 5836, 3; 9375; *krapšināt* 2376; *laist*

(«skriet») 2253 v.; *lavīties* 8169, 4; *lēkt* 2692, 1; *liekt* 12021; *līgot* 5983; *līst* 506, 2 v.; 511; *nest* 1486; 1496, 1; 6233; *nesteigties* 9708; *nogriezties* I 2762, 1; *nolaisties* 11111, 5 v.; *pārpeldēt* 11288; *sajāt* 6493; *satecēt* 7200; *šmaukt* («skriet») 2253 v.; *tecēt* 1271—1273; 1381; 2104; 4729, 3; 4956; 5012; 5019; 6749; 6752; 7032; *(ne)traukt(ies)* 4246, 2; 5242; 8976; 9738, 6; *uzirties* 11111, 5 v.; *uzkāpt* 2827; 6179, 1; *vilkt* 703, 2 v.;

3) *izveikties* 394; I 394, 1; 415, 2; *nejaudāt* 7031; *nejēgt* 11607; *neredzēt* («prast») 4836, 2; *neveikties* 869, 2; 882; *sadoties* («veikties») 392, 2 v.; *savesties* («veikties») 308;

4) *dievoties* 6398; *gulēt* 503, 3; *iegribēties* 11111 v.; *milēties* 383, 6 v.; 6331; *(no)lemt* 1226; 9268; *priecāties* 9229; *taisīties* 7772; 8756; 9018; *pasteigt(ies)* 7855; 9044; *steigt* 556, 8; 1543; 6496, 6; 8180;

5) *dziedāt* 600, 4 v.; *lielīt(ies)* 641; 868; 2790; 2799; 2801; 3664; 4860; 5682; 8231; 9468; 10764, 2; *zvērēties* 2799, 4;

6) *dot* 1172 v.; 1496; 2095, 1; 3051; 3523, 3; 6031; *atdot* 2221, 4, 7, 10—11; 6106; *iedot* I 2221, 4; 3107; *izdot* 2221; *(ne)laisties* 4754 v.; 8709, 1; *(ne)liegt* 1500; 3440; 8469, 1; *neļauties* 4754; 8709; 12489; *novēlēt* 3973; *palaist* 5454; *pavēlēt* 3384; *piesacīt* 3206; 3964; 10249; *pielikt* 6535; *prasīt* I 2632, 1; *raidīt* 4280; 4293; 10070, 1; *salūgt* 9423, 4; *saukt* 2316; *stellēt* («sūtīt») 4265; 4282; 4286, 1; *(ne)vīzot* 2133, 1; I 2133, 1; 9282;

7) *apnikt* 12646; *kaitēt* (frazeoloģismos «kas kait»..., «kas kaitēja...») 292; 2473; 2497; 3690; un daudzi citi; *līdzēt* 823; 1077 v.; 1833, 3; 2979; 6935; 7562; 7573; *(ne)iztapt* 4009; *noderēt* 2350; *piederēt* 1348; 3169, 1; *saderēt* 306; 316, 1; I 312, 1; 9617; 9618; *tikt* («patikt») 396; 792; I 792¹;

8) tautasdziesmās sastopama vēl **astotā verbu grupa**, kas pārvalda infinitīvus un kas līdzšinējos vārdkopu apcerējumos nav konstatēta. Šās grupas verbi apzīmē strādāšanu. Kā kustību verbi tie tuvi otrai nozīmes grupai. Starpība te tā, ka otras grupas verbi apzīmē kustību, kas saistīta ar pārvietošanos telpā, bet šās grupas verbi apzīmē kustību, kas saistīta ar roku darbību un parasti nav saistīta ar darbības vietas maiņu. Kā šādi verbi, infinitīvu pakārtotāji, konstatēti: *adīt* 7312; *cirst* 708, 1—2, 5—6; I 708, 1—3; *kaldināt* 5369; *lauzt* 1268, 1; *segt* 5036; *skaitīt* (naudu) 6042, 1; *taisīt* 2282; 10177; *uzklāt* (palagu) 7485, 1.

Pavisam tād konstatēti ap 200 verbu¹, kas pārvalda infi-

¹ Verbu skaits precīzi nav minēts tāpēc, ka nav izdarīta attiecīgo verbu leksiska analīze, nosakot verbu nozīmes. Dažos gadījumos refleksīvās verbu formas izsaka citu nozīmi nekā aktīvās, bet, nosakot minēto verbu skaitu, šīs formas nav šķirotas un skaitītas īpaši. Verbu nošķiršana pēc leksiskās nozīmes atkarā no verbu priedēkļiem arī nav dažos gadījumos ievērota.

nitivus. Ja izskatītu visas Latvju Dainas, meklējot verbus, kas pārvalda infinitivus, noteikti atrastu vēl virkni citu. Tādā kārtā rodas pamats apšaubīt uzskata pareizību, it kā verbiem, kas pakārtoti infinitivus, būtu pa daļai palīgverbu raksturs. Nevar taču simtiem verbu piedēvēt palīgverbu dabu, kaut arī daļēju, tikai tādēļ, ka tie nefunkcionē vieni paši kā subjekta darbības nosaucēji, bet kopā ar infinitīvu. Tāds lietojums nebūt nepauž to, ka galveno verbu leksiskā nozīme vārdkopās būtu zudusi, ierobežota vai citādi kā nepilnīga, kas dotu, no savas puses, pamatu tos uzlūkot daļēji par palīgverbiem. Jautājums par galveno verbu dabu vārdkopās ar infinitīvu izšķirams, lai norobežotu vienkāršos teikuma locekļus no saliktajiem resp. sastata teikuma locekļiem. Ir principāla starpība funkciju ziņā starp nosauktajiem pilnnozīmes verbiem un īstajiem palīgverbiem (nepilnas nozīmes verbiem) kā infinitīvu pakārtotajiem. Noskaidrosim īsto palīgverbu funkcijas pret pakārtotajiem infinitīviem.

Par palīgverbiem, kā zināms, sauc verbus, kam nav patstāvīgas jeb pilnas leksiskas nozīmes. Tādi verbi, kā norādīts Lielajā padomju enciklopedijā: «tiek lietoti nominalā izteicējā, kā arī, darinot saliktas (perifrastiskas) verbu formas.»¹

Latviešu valodā kā palīgverbus verba salikto formu darināšanai lieto **būt**, **tikt**, **tapt**, **kļūt**.²

No vārdkopām kā sintaktiskas kategorijas jānošķir tās konstrukcijas ar infinitīvu, kurās palīgverbi kā infinitīvu pārvaldītāji veido analītiskas morfoloģiskas verbu formas. Te vispirms jāmin palīgverbs **būt** kā infinitīvu pārvaldītājs vajadzības nozīmes izteikšanai.

Jāatzīmē, ka konstrukcijas ar palīgverba **būt** formām kā infinitīva pārvaldītājas vajadzības nozīmes izteikšanai tautasdziesmās lietojamas biežāk nekā attiecīgu (t. i., pārvaldīto) verbu vajadzības izteiksmes formas, kā arī daudz biežāk nekā sinonimās konstrukcijas ar verba **vajadzēt** formām kā infinitīva pārvaldītājām vajadzības nozīmes izteikšanai. **Tas ļauj atzīt konstrukcijas ar būt formām kā infinitīva pārvaldītājām par analītisku latviešu valodas vajadzības izteiksmes formu.** Tāpat kā sintetiskās vajadzības izteiksmes lietojumā, arī analītiskās vajadzības izteiksmes lietojumā (resp. vajadzības izteiksmes formām sinonimajās vārdkopās) infinitīvā izteiktās darbības darītājs tiek apzīmēts datīva formā.

¹ Большая советская энциклопедия, том 9, Изд. 2-е. М., 1951, стр. 354.

² Skat.: Latviešu valodas gramatika VIII—XI klasei. I daļa. A. Jankevica red. Rīgā 1953, 130. lpp.

Infinitivs pie palīgverba «būt» vajadzības nozīmē (sal. L Gr. 789. § c) sastopams blakus substantīvu un pronomeņu datīva formām kā darbības subjektiem stāstījuma un jautājuma teikumos. Pie tam palīgverbs būt lietojams pagātnes un nākotnes trešās personas formā. Vispilgtāk analītiskās vajadzības izteiksmes formas raksturs aplūkojamām vārdkopām vērojams gadījumos, kuros palīgverba būt formas pārvalda šo pašu infinitīvu būt (eksistencionalā nozīmē):

Bija man vīram būt, Ne meitīnai vainagāi,
Es neļautu tēva zemi Ierbitēm purināt.¹ 3799.

Kurš bērniņš nevesels, Tam būs būt veselam. 2957, 1.

Biežāk lietojamas konstrukcijas, kurās aiz palīgverba būt formām seko nevis tā paša verba būt infinitīvs būt, bet citi patstāvīgas leksiskas nozīmes infinitīvi:

Ai, veco bāleliņ, Tev bij man tēvam būt:

Tev bij man pūru kalt, Tev aizvest tautiņās. 3402;
sal. 3403—3407;

Vai pēc kunga grūta darba Būs bēdīgi man dzīvot?
Bēdas mīt kājiņām, Darbu nest šaujiņā! 647, 1.

Pie tam attiecīgajās konstrukcijās kā infinitīvā izteiktās darbības veicējs figurē parasti pronomeņa datīva formas.² Retāk lietojamas substantīva datīva formas³:

¹ Līdzīgas konstrukcijas skat.: 3403; 3403v.; 3403,1; 3403,lv.; 3404; 3405; 3406; 3407; 5523,1; 6417; 6646; 6646,1; 6647; 7805; 8564; 9117,1; 9398 u. c.

² Skat. konstrukcijas ar «bij man» un infinitīvu augt 8576,1; bijatiēs 3060; brist 9416,2; 9417,1; 9421,1; darināt 9066; darīt 8633; dot 8635,2; 9656; 10319; iet 8016v.; 9416,2; 9417,1; 9421,1; 10040,1; iztecēt 8282,6; jāt(i) 553,1; 556,17; kāpt 8016v.; 10020; lauzt 9780; 9780,6; likt 9010; 9890; nicināt 9323; ņemt 7922; panest 8929; 8929,2; rāt 6794; saukt 10020; seglot 553; I 556,17; sviedrot 556,17; teikt(i) 8378; valkāt 9309; vilkt 7927; «bija man» un infinitīvu dzīvot 4707; «bij manim» un infinitīvu ēst 8072; panest 8929, 1; zināt 9987,1; «man bij» un infinitīvu kāpt 8016; malt 8016; «man bija» un infinitīvu aiziet(i) 8763,1; lauzt 9780,5; nest 10535; «bij tev» un infinitīvu pūt(i) 8164; 8164,1; «tev bij» un infinitīvu iet 1597,2; klāt(e) 1597,2,4; lauzt 9082; mest 1597,2,4; klausīties, nedabūt 493,5; redzēt 10784; «bija tev» un infinitīvu gulēt 1580; 1580,1; «bij tam» un infinitīvu jāt 8430; «tai bij» un jāt, nest 925; 925v.; («tai bi») midzināt 6691,1; «tādam bija» un iet 1303; 1303 v.; «man būt(u)» un noraudāt 2747; «būs man» un celt 10387; dot 9656,2; malt 10409,1; panest 8929,3; virināt 9604; 9604,2; vizināt 9267,1; 9267,4; «būs manim» un gaidīt 10640; panākt 7874; «tev būs» un palīdzēt 10004.

³ Skat. konstrukcijas ar substantīva datīviem pie verba formas «bij» un infinitīviem audzināt 419,2; dabūt 9428,2; gulēt 7483,1; kūmoties 1296; ņemt(i) 943,1; nest 10535,1; saukt 10008,1; pie «būs» un infinitīviem aizmaksāt 1427; I 1427,1; 5231,lv.; darīt 9204; dot 10706; lupināt 13067; niecenāt 8356; svidināt 9683; vārdzināt 2719; vecināt 11054; vizināt 11054,1.

Briedis nakti pārguleja Žagatiņas ligzdiņā.

Bij tādām b a j a r a m Pie nabaga mājas **ņ e m t!** 2225;

Es meitiņa kā liepiņa, Kā Vācemes magonite;

Būs dažām t a u t i ņ ā m Kumeliņus **s v ī d i n ā t.** 9683.

Ja palīgverbs **būt** ar pārvaldīto infinitīvu resp. verba analītiskā vajadzības izteiksmes forma atrodas palīgteikumā, tad tāni parasti netiek minēts ar infinitīvu izteiktās darbības veicējs. Tas vai nu nosaukts virsteikumā substantīva vai pronomena formā, vai arī izsecināms no virsteikuma finitā verba formas kā attiecīgi (ar personas galotni) noteikta persona. Tāpēc arī likumsakarīgi darītāja nosaukums datīvā pie infinitīva elidēts, t. i., nav lietojams, ir lieks¹:

Tautu dēls bēdajās, Kur **būs** **ņ e m t** līgaviņu. 10779;
sal. 5217;

Klusu, klusu parunaju Ar to savu māmuliti,

Vaj **būs i e t** tautiņās, Vaj araju sētā vest. 10040;

Ganīdama nolūkoju, Kur **būs i e t i** tautiņās. 9910.

Nereti arī divu teikumu konteksta sakarā netiek minēts ar infinitīvu nosauktās darbības veicējs, ja tas nosaukts iepriekšējā teikumā vai attiecīgi izsecināms no finitā verba formas²:

Es izaugu liela meita, Brāļam mutes nedevusi;

Kā nu **būs** mutes **d o t** Šitam tautu smurguļam? 9656, 1;
sal. 9656, 2.

Ai, māmiņa, ai, māmiņa, Kam tik daudzi rožu sēt?

Trīs rozītes vien **b i j s ē t**, Trīs meitiņas šķinejiņas. 6453, 1.

J. Endzelīns aplūkotajām konstrukcijām atzīst vajadzības nozīmi, bet neuzlūko tās par īpašu vajadzības izteiksmes analītisku formu: «Infinitīvs ar **būs** apzīmē palaikam vajadzī; ... Retāk — iespēju ... Tās pašas nozīmes ir infinitīva savienojumam ar **bija**: tam **bija tā nuotikt**; ... Tagadne ir (resp. **nav**) blakus infinitīvam **nav** parasti lietojama (sal. **tev gulēt!** 783. § un **pazīt man** 785. §).»³

Šai sakarā rodas jautājums, vai verba **būt** tagadnes formu (**ir, nav**) nelietojums pie infinitīva ir pietiekams pamats, lai attiecīgās konstrukcijas ar datīvu un infinitīvu nošķirtu no konstrukcijām ar **bija + infinitīvs** un **būs + infinitīvs**, kurām pareizi atzīta vajadzības nozīme. J. Endzelīns tādu šķirumu izdarījis, piedēvēdams konstrukcijām ar datīvu un infinitīvu (bez formām

¹ «Datīvu mēdz atlaist palīga teikumos, kad no virsteikumā minētā teikuma priekšmeta darītājs skaidri saprotams...» (J. Endzelīns un K. Mühlēnbachs, Latviešu gramatika. Rīgā 1907, 268. §, 161. lpp.).

² Citi elipses gadījumi stāstījuma teikumos: 6453; 8123; 9428,2; 10166; u. c.

³ J. Endzelīns, Latviešu valodas gramatika. Rīgā 1951, 994. lpp.

ir resp. nav) imperatīva nozīmi: «Parastāki ir infinitīvi ar imperatīva nozīmi blakus darītāja datīvam, kamēr īstenais objekts ir nōminatīvā (īsti subjekts blakus darbības vārda nolūka datīvam) vai tagad arī akuzatīvā (aiz negācijām arī ģenitīvā). Predikāta nōmes pie tam ir datīvā. Tā, piem., **Iustīgam man dzīvuot** (var.: **jādzīvuot**)! BW 83; **pie sliksniša tev gulēt!** 1243;»¹

Citatā minētie piemēri neliecina par attiecīgo konstrukciju imperatīva nozīmi. Kā rāda citatā dziesmas variants, attiecīgās konstrukcijas ir sinonīmas sintētiskajai vajadzības izteiksmes formai (**man dzīvot** = **jādzīvo**).

Swārstības aplūkojamo konstrukciju nozīmes skaidrojumā sastopamas arī agrākajās latviešu valodas zinātniskajās gramatikās. Tā A. Bīlensteins izšķir divas pavēles izteiksmes — imperatīvu un imperatīva debitīvu (der imperativische Debitiv).² Bet «imperatīva debitīvs», par kuru morfoloģijā 367. § aplam sacīts, ka tas «... drūckt die schärfste Form des Befehls aus, insbesondere bei allgemeinen, dauernden Geboten»³, sintaksē 733. § jau pareizi skaidrots kā vajadzības nozīmes paudējs: «... **būt** im Praet. od. Futur. mit dem Dativ der Pers. das Müssen und Sollen ausdrückt (§. 576): **tew bija klussu ziest**, du hättest schweigen müssen (§. 706, 1); **tew būs iet**, du sollst gehen; **man būs klausīt**, ich soll gehorchen.»⁴

Konstrukcijām ar **būs** + **infinitīvu** piedēvēt stingras pavēles nozīmi var tikai uz feodalisma laikmeta latviešu rakstu valodas piemēru pamata. Kā zināms, garīgajos rakstos, visbiežāk katechismos, kur latviešu valoda arī stipri kropļota, ar šīm konstrukcijām tika atdarināti vācu valodas pavēles teikumi. Latviešu tautasdziesmu valodā tām nekādā ziņā nav stingras pavēles rakstura.⁵ Zināma pavēles modalitātes nokrāsa tām iespējama stāstījuma teikumos, bet izslēgta jautājumteikumos. Piemēram⁶:

¹ L Gr., 991. lpp.

² Skat. A. Bīlensteins, Lettische Grammatik. Mitau, 1863, § 727.

³ Turpat, 146. lpp. A. Bīlensteina paraugam šai jautājumā, acimredzot, seko arī J. Endzelīns, atzīdams: «Kategorisku pavēli nozīmē konstrukcija ar infinitīvu (**tev būs tēju bez sukura dzert**).» (J. Endzelīns, Latviešu valodas gramatika. Rīgā 1951, § 759, 972. lpp.)

⁴ A. Bīlensteins, turpat, 362. lpp. Tāpat arī J. Endzelīns minētajai kategoriskas pavēles izteicējai konstrukcijai tai pašā laikā atzīst vajadzības raksturu: «Vajadzī apzīmē ar infinitīvu. (Skat. 783. §)». (J. Endzelīns, turpat, 972. lpp.)

⁵ Skat. 180. lpp. minētos piemērus. No tiem konstrukcijas **būs** + **inf.** stāstījuma teikumos: 2957,1; 3390; 8356; 9683; 10166; 10706; 11054; 13067.

⁶ Citi piemēri ar **būs** + **inf.**: tiešos jautājumteikumos 1427; I 1427,1; 2840; 3529,3; 5077; 7822; 7874; 9604; 9604,2; 9267,1; 9267,4; 9656,1—2; 10640; 11054,1; 11068,1; u. c.; netiešajos jautājumteikumos: 6393; 9204; u. c.

Upitē olu sviedu, Upe olu nepanesa;

Kā **būs** man tik jaunai **Panest** ļaužu valodīņas? 8929, 3;

Kā **būs** man naidu **celt** Ar saviem bāliņiem? 10387;

Kā **būs** man i vienai **malt**, Vienai iet druviņai? 10409, 1.

Atzīt konstrukcijai **būs** + **infinitivs** jautājuma teikumos imperatīva raksturu, kā to dara A. Bīlensteins¹, nozīmē ieviest neskaidrību un pat pretrunu pamudinājuma un jautājuma kā teikuma modalitātes kategorijas izpratnē. Pamudinājums resp. imperatīvs un jautājums taču ir modalitātes, kas viena otru izslēdz.

Atzīstot konstrukciju **būs** + **infinitivs** par vienu no verbu vajadzības izteiksmes analītiskajām formām, jāatzīmē arī atšķirība, kāda nozīmes ziņā ir šīm formām, salīdzinot ar sintētiskajām verbu vajadzības izteiksmes formām. Šo atšķirību vislabāk parāda minēto formu lietojums jautājumteikumos. Ar vajadzības izteiksmes analītiskajām formām izsaka samērā grūti realizējamās iespējas nozīmes nokrāsu. Tas saprotams tā, ka šīs formas lietojamas, izsakot «**ārēju**» vajadzību, t. i., tādu, ko izvirzījuši apstākļi, kas spiež veikt ar infinitīva nosaukto darbību personai, kura teikumā apzīmēta ar datīvu un kurai jārod iespējas apstākļu noteikto vai uzspiesto pienākumu veikšanai. Ar to analītiskās vajadzības izteiksmes formas atšķiras no sintētiskajām, kas lietojamas, galvenokārt, «**iekšējas**» vajadzības izteikšanai. Tas saprotams tā, ka ar sintētiskajām formām izsaka vajadzību, kas izriet ne tik daudz no ārējo apstākļu spaida, cik no teikumā minētā darītāja «iekšējā» stāvokļa, viņa paša izvirzītām prasībām, pienākuma apziņas.

Stāstījuma teikumos mazāk spilgti atklājas analītiskās vajadzības izteiksmes īpatnējā «ārējās» vajadzības nozīme:

Tautas saka uz tautām: **Būs** bāreni **bildināt**. 5231, 1 v.;
Mazi mani bāleliņi, Lai tie visi lieli auga!

Būs dažam vainagam **Gulēt** pūra dibinā. 3390.

Kā no konteksta redzams, attiecīgās konstrukcijas lietotas, lai izteiktu, ka zināmos apstākļos vajag notikt tieši ar infinitīvu nosauktajai darbībai, jo citu iespēju, acīmredzot, nebūs. Tātad ar analītiskās vajadzības izteiksmes formām runātājs izsaka nepieciešamību resp. vajadzību, kas izriet no zināmām ārējām iespējām. Līdzīga semantika ir konstrukcijām **bija** + **infinitivs**², taču tām ir arī papildu modalā nokrāsa, kas īpaši pētījama. Bet

¹ «An Personalbeziehungen ist dieser Imperativ reicher, als der andere, da selbst eine erste Person ihm nicht fehlt, cf. **wai man būs iet**, soll ich gehen?» (A. Bīlensteins, Lettische Grammatik. Mitau, 1863. § 367, S. 146).

² Skat. piemērus 180. lpp.

kā raudzīties uz konstrukcijām (**nomena vai pronomena**) **datiys + infinitivs**, pie kurām nav palīgverba **būt** tagadnes trešās personas (**ir, nav**) formas kā analītiskas vajadzības izteiksmes tagadnes laika rādītājas?

Šo konstrukciju nozīmes izpratnē J. Endzelīna Latviešu valodas gramatikā ir zināma nesaderība. No vienas puses, J. Endzelīns piešķir tām, kā jau atzīmēts, imperatīva nozīmi (skat. 783. §), no otras puses, norādot uz šo pašu paragrafu, citā vietā sacījis: «Vajadzī apzīmē ar infinitīvu (skat. 783. §).»¹ A. Bilensteins, atzīdams attiecīgās konstrukcijas pēc lietojuma biežuma par raksturīgām tautasdziesmām, nozīmes ziņā tanīs saskata gan **vēlējuma**, gan **pavēles** izsacījumu, sajaukdams divi parādības:

«Im Volksliede findet sich nicht selten ein ganzer Satz mit dem Verbum nicht in finiter Form, sondern im Infinitiv (meist mit Dat. der Person, wo nicht gar mit dem Nominativ) zum Ausdruck eines Wunsches, cf. **ai, assa, pu'rwja zāle, pu'rwā tewi nobālēt; ai, bārgais tēwa dēls! wianam mūzchu nodzīwot**, ei, du scharfes Morast-Gras, dass du im Morast (verdorren und) erbleichen möchtest; ei, du roher Vaterssohn, dass du einsam dein Leben verbringen möchtest (B. 1491)!... Ja zuweilen wird dieser Infinitiv geradezu imperativisch gebraucht: **bédz, māsiņa, suņi rēja, bédz awota lējiņā! ne wissām tāutiņām rādīt sawu augumiņu!** fliehe, Schwesterchen, die Hunde haben gebellt, flieh in das Quellthal! nicht allen Freiern sich (wörtl. seinen Wuchs) zeigen (B. 2435)!»²

A. Bilensteins aplam sasaista **vēlējuma** un **imperatīva** nozīmes infinitīvus. Kā rāda mūsu ekscerpētais materials, konstrukcijām, kurās datīvs apzīmē infinitīva nosauktās darbības veicēju, nav imperatīva rakstura. A. Bilensteina citētajos piemēros sajaukti divi dažādi infinitīvi. Pirmajos piemēros datīvs apzīmē infinitīva nosauktās darbības veicēju, bet pēdējā piemērā datīvs «**tāutiņām**» nav vis infinitīva **rādīt** nosauktās darbības veicējs, bet adresāts, kam darītāja, kas dziesmā nosaukta ar vārdu «**māsiņa**», varētu savu augumu rādīt. Šai pēdējā piemērā tiešām infinitīvs lietots imperatīva nozīmē. Tāpēc teikumā arī nav minēts darītājs. Ar verba imperatīvformu nosauktās darbības veicējs teikumā var tikt minēts tikai kā uzruna³, kas pavēles

¹ J. Endzelīns, Latviešu valodas gramatika. Rīgā 1951, § 759, 972. lpp.

² A. Bilenstein, Lettische Grammatik. Mitau, 1863. § 735, S. 362.—363.

³ Tā saucamo trešās personas imperatīva formu ar partikulu **lai** šā raksta autors uzlūko par sintaktisku konstrukciju **vēlējuma** izteikšanai. Vēlējums kā modalitāte, kam ir savi izteiksmes līdzekļi, nav jaucams ar imperatīvu kā modalitāti, kam ir citi izteiksmes līdzekļi.

teikumos, protams, nav obligata. Tādā kārtā A. Bilensteins, sa-
jaukdams infinitīva konstrukciju bez darbības veicēja nosaukuma,
kurai ir imperatīva nozīme¹, ar infinitīva konstrukcijām, kurās
darbības veicējs nosaukts datīvā vai likumsakarīgi elidēts (skat.
181. lpp.) un kurām nav imperatīva nozīmes, vispārinājis impe-
ratīva nozīmi, attiecinādams to arī uz šīm pēdējām konstruk-
cijām.

Nav tomēr noliedzama **datīva + infinitīva** konstrukciju se-
mantiska atšķirība no konstrukcijām **datīvs + bija + infinitīvs**
un **datīvs + būs + infinitīvs**. Jautājums tikai, kāda ir šī atšķi-
rība, kāda tās kvalitāte un vai ir pamats modalitātes ziņā pirmo
konstrukciju nošķirt no pārējām, kuras esam atzinuši par anali-
tiskām vajadzības izteiksmes formām.

Izvirzītā jautājuma noskaidrošanai lietderīgi **datīva + infi-
nitīva** konstrukcijas aplūkot atsevišķi stāstījuma (resp. izsauk-
smes) un jautājuma teikumos, jo katrā no šiem teikumiem tām
ir sava modalās nozīmes nokrāsa. Tā konstatēta, runājot par
stāstījuma teikumiem, A. Bilensteina gramatikā un, runājot par
jautājuma teikumiem, J. Endzelīna gramatikās. A. Bilensteins,
kā iepriekšējā citatā atzīmēts, norāda uz **datīva + infinitīva**
konstrukciju **vēlējuma raksturu** stāstījuma teikumos. J. Endzelīns
atzīst, ka «Jautājamajos teikumos tādām infinitīvam ir «dubitīvā
konjunktīva» nozīme. Tā, piem., **kuo... man darīt** (var.: **es
darīšu**, jeb: **lai daru**)? BW 87 var.»²

Pareizi te izcelta **šaubu** (resp. dubitīvā) **nokrāsa**. Neskaid-
rības rada konjunktīva nozīmes piedēvējums konstrukcijām (bez
palīgverbu **būt** formām) ar infinitīvu. Konjunktīva nozīmi šīm
konstrukcijām varētu piedēvēt vienīgi gadījumā, ja tās uzlūkotu
par sinonīmām ar konstrukcijām, kurās elidēts konjunktīva rādī-
tājs «būtu»: **ko man būtu darīt?** Sal.: **Man būt' gauži
noraudāt**. Aiz smiekliem nevarēju. 2747. Bet varianti, kas
apstiprinātu šādu asociatīvo sakaru pareizību, ir izolēti. Faktis-
kais tautasdziesmu materials rāda ko citu. Mūsu ekscerpējums

¹ Sal.: **Nerunāti, nerunāti!** Māte teica nerunāt. 10460;

Uz siliņu, uz siliņu, Tīru rudzu **ritināt**;

Es neiešu uz Daugavu, Laivas galu klauzīnāt. 10904.

Sal.: «Pilnīgi pavēles izteiksmes dabu iegūst nenoteicamā izteiksme, ja
darītājs apzīmēts vokatīvā:

Uš gulet, melnā cūka! Tr. VI, 23.

Tētiņ, tētiņ, dāderi mest! BW 1745.»

(J. Endzelīns un K. Mühlenbachs, Latviešu gramatika. Rīgā
1907, 271. §. 162. lpp.).

² J. Endzelīns, Latviešu valodas gramatika. Rīgā 1951, 784. §. 992. lpp.

no Latvju Dainu pirmajiem diviem sējumiem dod vairāk nekā 100 piemēru konstrukcijām ar **dativu** + **infinitivu**. Atskaitot pāris izņēmumus, neviens no piemēriem neapstiprina konstrukcijas **dativs** + **infinitivs** imperatīva raksturu stāstījuma teikumos un konjunktīva raksturu jautājuma teikumos. Ekscerpētie piemēri norāda uz attiecīgo konstrukciju **debitīva raksturu** kā stāstījuma, tā jautājuma teikumos, no kuriem pirmie iegūst papildu modālo nokrāsu ar vēlējuma nozīmi, otrie — modālo nokrāsu ar šaubu (dubitativo) nozīmi. Sava debitīva rakstura dēļ tie piekļaujas analītiskajām vajadzības izteiksmes formām ar **bija** + **infinitivs** un **būs** + **infinitivs**. Piekļaušanās izpaužas tā, ka konstrukciju **dativs** + **infinitivs** iespējams paplašināt vai nu par konstrukciju **dativs** + **bija** + **infinitivs** vai **dativs** + **būs** + **infinitivs**, jo asociatīvie sakari to atļauj un tautasdziesmu varianti to apstiprina. Šāda paplašinājuma rezultātā konstrukcijas **dativs** + **infinitivs** pamata modalitāte nemainās. Mainās tikai modalitātes nokrāsa. Turpretim, uzlūkojot **dativu** + **infinitivu** par imperatīva resp. konjunktīva nozīmes paudēju, nav iespējams transformēt infinitīvu imperatīva resp. konjunktīva formā, nemainot konstrukciju pamata modalitāti. Fakti rāda, ka konstrukcija **dativs** + **infinitivs** saistāma nozīmes un asociatīvo sakaru ziņā (kas dod iespējas izdarīt konstrukciju transformāciju, nemainot pamata modalitāti) ar **analītisko debitīvu**. Sacīto var apstiprināt daudziem piemēriem. Piemēros¹ ar stāstījuma teikumiem (kam var būt vēlējuma modālā nokrāsa) šādu transformāciju neatrodam tautasdziesmu variantos pašos (kā tas ir jautājuma teikumu gadījumā):

Ikvienama vīriņama Pa reiziti **gavilēta**;
Kad aties mana reiza, Ir es arī gavilešu. 1000, 1;

(Sal.: Ikvienam vīriņam **bij** pa reizi **gavilēt**.
Ikvienam vīriņam **būs** pa reizi **gavilēt**.)

Lai nu kungam tās dienas **redzēt**,
Ko mana māmiņa, man' aukledama:
Sietīņš ligoja launaga laikā,
Kad mana māmiņa gulēt gāja. 3018, 2;

(Sal.: Lai **bija/būs** kungam tās dienas **redzēt**,...)

Ar godiņu man **atstāt** Sava tēva novadiņu: 3797;

¹ Citi piemēri ar konstrukciju **dativs** + **infinitivs** stāstījuma teikumos: 3250; 3815; 8435,2; 8886; 8931; 8931,1; 8965—8967; 9203,5; 9272; 9688; 9688,1; 9942; 9943; 10192—10195; 10219; 10311; 10506; 10529; 10650; 10650,1; 10693,1; 10780; 11605; 11639,4; 11844; u. c.

(Sal.: **Bij/būs** ar godu man **atstāt** Sava tēva novadiņu.)

Ēst man im grūžu maizi, Iekam dievs tīru deva;
Dzīvot man slimu mūžu, Iekam dievs labu deva.
9177;

(Sal.: **Ēst bij/būs** man grūžu maizi...).

Lustigam, vēligam Savu mūžu **nodzīvot**,
Ne kādam gauduļam Manu mūžu **raudināt**.
10220, 1;

sal.: 10220; 10220, 2; 9673; 83.

Piemēros ar jautājuma teikumiem konstrukcijas **dativs + infinitivs** tautasdziesmu variantos pašos ļoti bieži transformētas konstrukcijās **dativs + bija resp. būs + infinitivs**. Ar to variantos palikusi nemainīta šo konstrukciju pamata modalitāte — debitivs, bet mainīti tikai analītiskā debitīva laiki. Ar to iegūta vēlamā stilistiskā nianse, kas izpaužas analītiskā debitīva laiku formām piemītošajās papildu modalajās nokrāsās. Aplūkojot laiku transformācijas gadījumus, jāņem vērā, ka jautājunteikumos nereti var būt elidēta datīva forma, ar ko apzīmē infinitīva nosauktās darbības veicēju. Tādā gadījumā jautājuma teikumos infinitīvs viens pats izsaka vajadzību.¹ Salīdzinājumam tautasdziesmas ar konstrukciju paralelismu:

Divi ceļi, bāleliņ, Kuru **iet**, kur' **atstāt?** 3476 un
Divi ceļi, bāleliņ, Kuru ceļu man **bij iet?** 3477;

Brist purvā, vaj **nebrist**, Baltas zeķes kājiņā?

Iet tautās, vaj **neiet**, Bārga tautu māmuliņa? 9416 un
Brist bij man, vai **nebrist** Tik dziļai ūdenī?
9416 v. (78);

Kam man **bija** purvu **brist**... 9416 v. (87¹);
Brist man purvu, vaj **nebrist**... 9416 v. (111 d) u. c.
Sal. 8407, 1; 9417—9422.

Vai **dziedāt**, vai **raudāt**, Man nomira līgaviņa?
I 136, 1 un

Dziedāt man vai **raudāt**... I 136, 2.

Kā rāda varianti, konstrukcija **dativs + infinitivs** modalās nozīmes ziņā ir pilnīgs sinonims paralelai konstrukcijai **dativs + bija + infinitivs**:

¹ Citi piemēri ar **infinitīvu** (bez datīva) vajadzības nozīmē jautājuma teikumos: I 13¹; 1676; 5938,5; 6277; 7575,1; 7822; 11111; 11897; 12899; u. c.

Labāk gāju viena malt, Ne ar mazu malejiņu;
Vaj **bij** man dzirnas **vilk**t, Vaj mazo malejiņu?
8055, 1 un

Vaj man **vilk**ti grūtas dzirnas, Vaj otro malejiņu?
8056, 1.

Ja citos gadījumos dziesmu variantos neatrodam minētās transformācijas, tad tas nebūt neizslēdz iespēju tām izpausties¹. Piemēram:

Kam man manas baltas rokas Rugajiem **sabadit**?
6922;

(Sal.: Kam man **bija/būs** baltas rokas rugajiem **saba-**
dīt?);

Kam man **iet** tautiņās, Kur būs slikta dzīvošana?
10022;

(Sal.: Kam **bij/būs iet** man tautās, kur būs slikta dzīvo-
šana?)

Vaj man savu līgsmu prātu **Gremdēt** jūras dibinā.
87, 2 un I 87, 4;

(Sal.: **Bij/būs** man savu līgsmu prātu **gremdēt** jūras
dibinā.)

Nobeidzot apskatu par palīgverba **būt** pārvaldīto infinitīvu, secinām, ka šīs konstrukcijas uzlūkojamas par attiecīgo pilnnozīmes verbu analitiskajām vajadzības izteiksmes formām. Tām, salīdzinot ar sintetiskās vajadzības izteiksmes formām, ir savs papildu modalais raksturs. Analitiskās formas izsaka parasti ārējo apstākļu spaidā radušos vajadzību, sintetiskās — vairāk paša apzinātu, «iekšēju» vajadzību. Tas nosaka atšķirīgu stilistisku lietojumu sintetiskajām un analitiskajām vajadzības izteiksmes formām.

Ir trīs varianti analitiskās vajadzības izteiksmei: 1) **dativs** (darītāja nozīmē) + **infinitivs**, 2) **dativs** + **bija** + **infinitivs** un 3) **dativs** + **būs** + **infinitivs**, kas izsaka attiecīgi tagadnes, pagātnes un nākotnes laiku. Taču laika jēgums analitiskās vajadzības izteiksmes formām ir vājināts, toties katram variantam ir sava papildu modalā nokrāsa. Nākotnes formām stāstījuma teikumos piemīt zināma imperatīva nokrāsa, kuras dēļ savā laikā A. Bilensteins tās izdalījis pat īpašā modalā kategorijā kā imperatīva debitīvu. Jautājuma teikumos, turpretim, šādas nokrāsas nav, bet gan ir nokrāsa — izteikt samērā grūti realizējamu iespēju. Pagātnes formām papildu modalās nokrāsas ir daudzveidīgākas un īpaši pētījamas. Tagadnes formām stāstījuma

¹ Citi piemēri ar **datīvu** + **infinitīvu** jautājuma teikumos: 3913; 5871; 10023; 10388; 10388,1; 11151,6; 13064; u. c.

teikumos piemīt vēlējuma nozīmes nokrāsa, ko J. Endzelīns skaidro kā imperatīva nozīmi (L Gr. 783. §), atzīmējams tai pašā laikā arī vajadzības nozīmi (L Gr. 759. §). Jautājuma teikumos, turpretim, šādas nokrāsas nav, toties ir nokrāsa — izteikt šaubas vai nu par vienas vai otras veicamās darbības mērķtiecību vai nepieciešamību.

Analītiskās debitīva formas, protams, nav pieskaitāmas vārdkopām, bet gan verba formu sistēmai.

Vārdkopām nav pieskaitāmas arī analītiskās (perifrastiskās nākotnes formas), kas veidojas palīgverba **būt** nākotnes formām pārvaldot infinitīvus (skat. L Gr. 678. §). Tautasdziesmās konstatētas tikai **būt** vienskaitļa pirmās un otras personas formas kā analītiskās nākotnes veidotājas¹:

Es tev būšu **palīdzēt** Miežiem līst līdumiņu. I 296, 3;
Pate būsi tautiņās Manu pūru **izdalīt**. 1833, 1 v.

Bez minētajām konstrukcijām, kurās **būt** formas kā infinitīva pārvaldītājas atzīstamas par vārdu analītiskajām formām un vārdkopām nav piederīgas, jāatzīmē **būt** kā pilnnozīmes verba pārvaldītē infinitīvi. Tādā gadījumā jārunā par vārdkopām. Izdevies konstatēt tikai atsevišķas vārdkopas, kurās verbs **būt** lietots atrašanās (vietas) nozīmē (sal.: «kur tu biji?»). Šais vārdkopās verbs **būt** izsaka, ka ar infinitīvu nosauktā darbība notikusi citā vietā nekā tā, kurā verba **būt** un infinitīva darbības subjekts atrodas runāšanas laikā:

Kur, māsiņas, jūs bijat, Kad pāreita dziedadamas?

Bijam zīda linus plūkt Zitariša kalniņā. 627; sal. I 627, 1.

Vai bijat rijas kult, Vai mālišu ritināt? 2893.

Pārējie piemēri no LD I sējuma: 1366; 1367, 2; 3047.

Analītiskā debitīva piemēri latviešu klasiskajās tautasdziesmās rāda, ka verbam **būt** kā infinitīva pārvaldītājam ir neapšaubāma palīgverba daba. Leksiskās nozīmes trūkums un formu veidojošās nozīmes klātie šo verbu atšķir no visiem pārējiem vārdiem kā infinitīvu pakārtotājiem.

Verbi, kas pakārto infinitīvus un veido verbalas vārdkopas, atšķiras pēc leksiskās nozīmes vispārējā rakstura. Ir verbi, kas, pārvaldīdami infinitīvu, izsaka **subjekta iekšēju jeb abstraktu**,

¹ Citas analītiskās nākotnes formas tautasdziesmu piemēros L Gr. 678. §. Bez tur uzrādītajiem piemēriem vēl minami ar infinitīviem dzīvot 10006; ieraudzīt 828,1; iet 539,3; 1258,1; 8267; 9501,3—4; 10006; līdzināt 3504; locīt 9461; noraudzīt 10212,7; ņemt 8587; ritināt 8219.

t. i., domājamu, jutekliski netveramu attieksmi pret infinitiva nosaukto parādību (darbību vai stāvokli):

domāt,	driksēt,	dzirties,
dzīties,	gribēt,	jaudāt,
jēgt,	mācēt, mācīties	prast,
spēt,	šķīst,	tiekties,
traukties,	vajadzēt,	varēt.
vēlēties,	zināt, u.c.	

Un ir verbi, kas, pārvaldīdami infinitivu, izsaka kāda objekta **ārēju jeb konkrētu**, t. i., jutekliski tveramu attieksmi pret infinitiva nosaukto parādību (darbību vai stāvokli): sākt, beigt, turpināt, pavēlēt, atļaut, mācīt, steigties u. c.

Nekāda leksiskās nozīmes ierobežojuma savienojumā ar infinitivu šiem verbiem nav. Tāpēc tajos meklēt daļēju paligverba dabu nav lietderīgi.

3.

Adverba un infinitiva attieksmes teikumā.

Adverbs tiek uzlūkots par centralo komponentu ne tikai vārdkopās ar adverbu un infinitivu kā atkarīgo komponentu, kā to atzīmē J. Endzelīns¹, bet arī vārdkopās ar substantīvu kā atkarīgo komponentu.² Būdam citu vārdu pārvaldītājs vai piekļāvējs, adverbs pats tanī pašā laikā teikumā mēdz būt atkarīgs no finitā verba formām.

Runāt par adverbialām vārdkopām ar atkarīgo infinitivu var tikai uz tradīcijas pamata.

Adverbialajās vārdkopās ar infinitivu patiesībā grūti noteikt centralo komponentu. Teoretiski tikpat labi par centralo komponentu var uzlūkot kā adverbu, tā infinitivu. Abi šie komponenti nelokāmi, abi piekļaujas viens otram. Tas, ka zināmiem adverbem ir gradācijas formu sistēma, nevar būt par izšķirēju faktoru, ka attieksmē pret infinitivu adverbs būtu dominējošais. Adverbu gradācijas formu sistēma stāv ārpus vārdkopas veidojošiem faktoriem arī verbalajās vārdkopās, kurās finitais verbs centrā un adverbs tiek uzlūkots par atkarīgo (piekļauto) komponentu. Istenībā, ja infinitivu pieskaitām pie verba formu sistēmas, adverba un infinitiva piekļāvamā vajadzētu infinitivu uzlūkot

¹ Sal.: J. Endzelīns, L. Gr., 822. §, 1024. lpp.

² Par to: E. Soida, Vārdkopas... Rīgā 1954, 583., 599.—608. lpp.

par centrālo komponentu (pēc analogijas ar finitajiem vārdiem). Taču pēc mūsu domām, starp adverbu un infinitīvu veidojas nevis pieklāvuma attiecības un līdz ar to vārdkopas, bet gan predikatīvas attiecības, tātad teikuma kodols.

Galvenais motīvs, kas spiež adverbu un infinitīva attiecības teikumā uzlūkot par predikatīvām un nevis par pakārtojuma attiecībām, ir tas, ka teikumos, kuros sastopami šie vārdu pāri (adverbs + infinitīvs), nemēdz būt kādi citi nominalas, verbalas vai adverbialas predikācijas rādītāji. Visi apstākļi spiež raudzīties uz adverbu un infinitīva vārdu pāri kā verbāli adverbialas predikācijas paudēju. Ir zināms, ka vārdam teikumā ir galvenā predikācijas funkcija. Sen atzīti infinitīvi attiecībās pret nomena nominatīviem teikumā kā teikuma priekšmeti attiecībās pret izteicēju:

«Par gramatisko subjektu palaikam var būt to vārdu klašu (nōmenu, pronōmenu, skaitleņu un divdabju) nōminātīvs, ko var lietāt substantīva nozīmē. Bez tam par subjektu var būt arī nelokāmās formas (piem., infinitīvs, skat. 788. §).»¹

«788. §. Kā subjekts ir infinitīvs, piem., teicienā *strādāt nav kauns* (Treilanda Mat., 506. sakāmv.).»²

Tāpat sen atzīti adverbī attiecībās pret nomena nominatīviem teikumā kā izteicēji attiecībās pret teikuma priekšmetu:

«Par gramatisko predikātu var būt: ... n) adverbī (piem., *kur tas iēvs?* BW 2519; *tālu salmu gubenīts* 2470, 2; skat. arī 458. §).»³

«Turpretim kā predikātu pie *tas*, pie nenoteikta subjekta, pie infinitīva vai kāda vesela teikuma nek. dz. adjektīvu ir visbiežāk aizstājis adverbs ar *-i: tas ir labi (nekrietni) . . .*»⁴

Nekas neliedz teikumos, kuros nav substantīvu nozīmē lietotu vārdu nominatīvā kā teikuma priekšmetu un finitū verba formu kā izteicēju, nedz arī nominalu izteicēju, uzlūkot klātesošo infinitīvu kā teikuma priekšmetu un adverbu kā izteicēju. Nobeidzot šo jautājumu, minēsim tūlīt attiecīgās predikācijas piemērus, lai gan nodaļa veltīta vārdkopām. Atdalīt piemērus no iepriekš sniegtajiem apsvērumiem nav lietderīgi. Šai sakarā vēl jāatzīmē, ka arī E. Soida, pētījot adverbialās vārdkopas, uzdūrusies predikācijas attiecībās starp infinitīvu un adverbu, jo viņa atzīmē:

¹ J. Endzelīns, L Gr., 815. §, 1019. lpp.

² Turpat, 993. lpp.

³ Turpat, 816. §, 1019.—1020. lpp.

⁴ Turpat, 458. §, 592. lpp.

Sal.: «Kā izteicēji lietojamas šīs vārdu šķiras: ...

9) apstākļa vārds: Gads jau apkārt. Gals klāt. Robežas tuvu.»
(J. Endzelīns un K. Mühlenbachs, Latviešu gramatika. Rīgā 1907, 289. §, 167. lpp.)

«Reģistrētajos teikumos šo vārdkopu centralais komponents var būt izteicēja sastāvdaļa.»¹ Taču E. Soida nav nostājusies pret tradīciju, nav aizsāktu domu novedusi līdz galam un tādā kārtā palikusi nekonekventa attieksmē pret vārdkopu pētīšanai pakļauto materialu. Proti, sava darba sākumā autore taču bija pasvītrojusi, ka predikācijas attieksmēs stāvoši vārdi nav pakļaujami vārdkopas kategorijai.

Kā advērbials izteicējs pie infinitīva funkcionē tikai tāds adverbs, kas adjektīva cilmes.² Advērbialā izteicēja laika aspektu rāda saitiņas kā palīgverba forma. Par saitiņu parasti funkcionē palīgverba **būt** indikatīva pagātnes un nākotnes formas. Indikatīva tagadnes formas netiek lietotas. Trūkstot saitiņai, laika aspektu nosaka verba formas konteksta teikumos. Infinitīva nosauktās darbības subjekts teikumā funkcionē datīvā kā papildinātājs. Subjekts var būt implīcīts vai elidēts. Piemēri³:

Liec, Laimiņa, ko likdama, Div' mūžiņu vien neliec;
Grūt' dzīvot pirmo mūžu, Vēl **grūtāk** otrajo. I 1215¹;

Grūt' man bija kalnā kāpt, Lēt' lejā noejoj;
Grūt' man bija pašai iet, Lēti otru maldināt. 6910;

Laukā **labi**, laukā **labi** Kumeliņu dancināt;
Ciemā **labi**, ciemā **labi** Līgaviņu lūkoties. 11261;

Labāk man ganos **dzīti**, **Ne sēdēti** saulītē; I 744, 3;

Priedes durvis, egles durvis, Tās **bij viegli virināt**;
Kalponites, bārenites, Tās **bij (ir) lēti maldināt**. 4174;
sal.: 4175;

To vien saka mātes meitas: Sērdienēm **lēt' dzīvot!** 4316;

Velt' man savu skaņu balsi Sī ciemā **skandināt**: 847;
Žēl man bija vakarā Greznu dziesmu **padziedāt**: 503, 1.

¹ E. Soida, Vārdkopas... Rīgā 1954, 596. lpp.

² Sal. E. Soidas piezīmi: «Aplūkojot šīs vārdkopas «Pēterburgas Avīzēs», jāsecina, ka infinitīvs kā atkarīgais komponents reģistrētajā materialā funkcionē tikai vārdkopās, kurās par centrālo komponentu ir adjektīvu cilmes advērbī.» (Turpat, 596. lpp.)

³ Citi piemēri: grūti gaidīt 1099,4v.; grūti gulēt 11187; grūti ņemt 5115; g. pārgulēt 2357,5; g. ļaut 5115; grūt' rītināt 6745; grūt' bij iet 5681; grūt' bij kāpt 4033; bij agri virināt 12454; jauki pastaigāt 6121; labi dzīvot 6694,5; labi klausīties 620v.; l. griest, rubināt 3824,1; l. mest, rubināt 3824; 3824,2; l. sēt, dēt 3825; bij labi klausīties 620v.; 620,2; 663v.; 663,2; 974; 974,2; l. vest 1334,1; I 1334,1; žēl dot 3511v.; 3511,1; I 3511,1; 8635,1; 12446,1; žēl kaitināt 10149; ž. maldināt 3511v.; I 3511,1; ž. paturēt 3511v.; ž. pīrkt 6300,3.

Adverba un infinitīva predikācija veido ne tikai norobežotus teikumus, kā iepriekšējos piemēros, bet tā ietelp arī saliktos teikumus, iekļaujoties sakārtojumā vai pakārtojumā:

Vai, dieviņi, ko darīšu, Jau bērziem baltas lapas!
Nāks rudenis, aukstas naktis, **Grūt'** vienai **pārgulēt**. 9298;
sal.: grūt' dzievāt 9412;

Kad es savu Dēkli, Laimu Ceļmalā satikšos,
Tad es kraušu pilnu nastu Sīkus, mazus akmentiņus,
Lai viņai **grūti nest**, Kā man grūti mūžiņā,
Kā man grūti mūžiņā Par visām māsiņām. 9203, 4.

Dažreiz adverbs saliktajā teikumā veic divkāršu izteicēja funkciju — attieksmē pret abu sakārtotā teikuma daļu teikuma priekšmetiem, kā piemērā:

Ievu **ziedi smaržai labi**, Ne bitēm medu **nest**; 12720.

Dažos gadījumos no infinitīva atkarīgais papildinātājs noformēts nevis, kā gaidāms, akuzatīvā, bet gan **nominatīvā**:

1. **Grūti pļauti** kviešu **maize**, **Viegli nesti** kabatā;
Grūti ņemti grūtdienīti, **Viegli celti** kamanās. 5115;
2. Priedes durvis, egles durvis, Tās ir **viegli virināt**;
Bārenīši, pabērniši, **Tie ir viegli raudināt**. 4175;
3. **Bārenīte smagi vest**, Pilna gaudu asariņu. 5257;
4. Bērīts, manis kumeliņis, Basajām kājiņām;
Tas bij labi svētu rītu Pādi **vest** baznīcā. 1334, 1;
5. **Labak būtu šī naksniņa** Pie saknītes **pārgulēt**. 2357, 1 v.

Uz šādu nominatīvu un līdz ar to uz adverbu un infinitīva konstrukciju var raudzīties dažādi.

Var uzlūkot nominatīvu par primāru, adverbu par sekundāru, kas aizstāj ar nominatīvu saskaņojamu adjektīvu, no kura infinitīvs atkarīgs likumsakarīgi. Tā pirmajā piemērā «grūti pļauti maize» adverbs **grūti** būtu radies uz asociatīvo sakaru pamata — sekojošo adverbu ietekmē un aizstājis adjektīvu konstrukcijā «grūta pļauti maize». Otrā piemērā «**tie** ir viegli raudināt» formu **viegli** var uztvert par adjektīvu attieksmē pret «bārenīši, pabērniši» un negaidīt konstrukcijā akuzatīvu «**tos** (ir viegli raudināt)». Trešajā piemērā varētu domāt par kļūdu «smagi» gaidāmā «smaga» vietā. Ceturtajā piemērā adverbu **labi** var uztvert divkārša izteicēja funkcijā: 1) blakus nekatras dzimtes nozīmē lietotam pronomenam «tas» un 2) blakus infinitīvam «vest». Piektajā piemērā varētu domāt par ritma spaidu un

a skaņas eliziju adjektīvā «labāka». Tā rezultātā adjektīva vietā šķietams adverbs «labāk».

Bet var uzlūkot adverbu par primaru un attiecīgajā konstrukcijā esošo nominatīvu par sekundāru. Tā pirmajā un trešajā piemērā, kur sieviešu dzimtes ē-celma lietvārdu nominatīva «maize, bārenīte» formas fonētiski tuvas akuzatīva formām «maizi, bārenīti», kurās i-skaņa artikulācijas ziņā var pielīdzināties e-skaņai. Otrā, ceturtajā un piektajā piemērā par nominatīva sekundaritāti grūti domāt. Šīm konstrukcijām der iepriekšējais izskaidrojums.

Beidzot, varam arī pieņemt, ka minētajās konstrukcijās viss kārtībā, ka taņīs nav notikušas nekādas kontaminācijas vai formu pārveidojumi zināmu asociāciju ietekmē. Tādā gadījumā jāizskaidro vārdu savstarpīgās attiecības minētajās konstrukcijās patstāvīgi, jo tām nav cita parauga. Nominatīvs te uztverams tad kā teikuma priekšmets un kā vārds, kas pārvalda infinitīvu, kam teikumā nolūka apstākļa daba. Predikatīvās attiecības līdz ar to veidotos starp nomena vai pronomena nominatīvu un adverbu, bet infinitīvs būtu atkarīgs arī no adverbā. Tādā kārtā attiecīgā konstrukcija ar divkārši atkarīgo infinitīvu **būtu īpatnējs saliktās vārdkopas tips latviešu tautasdziesmās**, kas nav nošķirams no teikuma kodola, no vārdiem, kas stāv predikatīvās attiecībās.

Piezīme. Izņēmuma gadījumos viens otram piekļaujas arī adverbs un nelokāmais divdabjs ar **-ot**, veidojot īpatnējas vārdkopas. Konstatētajos piemēros tās funkcionē kā vienkopas teikumi:

Māsiņ, manu daiļaudziti, Kur bij man tevi likt?
Zēl otram atdodot, Zēl pašam maldinot. 3511;
sal.: 3511lv.; 3511,lv.

4.

Saliktās vārdkopas ar divkārši atkarīgajiem adjektīviem un participiem nominatīvā.

Adjektīvi un lokāmie divdabji ar **-ošs, -āms, -ts** un **-is** lietojami: 1) kā nominalo vārdkopu atkarīgie komponenti, kam teikumā apzīmētāja funkcija; 2) kā tādu saliktu vārdkopu atkarīgie komponenti, kam teikumā savdabīga sintaktiska funkcija, kas izriet no šo komponentu divkāršajām (verbali nominalajām) sintaktiskajām attiecībām un 3) predikatīvās attiecībās teikumā gan kā teikuma priekšmeti, gan kā izteicēji. Kā turpmāk redzēsim, zināmos gadījumos nav novelkama stingra robeža starp predikatīvajām un pakārtojuma attiecībām, kādās atrodas nominatīvā noformētie adjektīvi un lokāmie divdabji (tā sau-

camie **otrie nominatīvi**) ar **pirmajiem nominatīviem** teikumā, kuri ir finito verbu subjekti. Līdz ar to izvirzās problēma par sakaru starp predikatīvajām un pakārtojuma attieksmēm un par aplūkojamā tipa vārdkopu norobežojumu no vārdu savienojumiem, starp kuriem konstatējamas predikatīvas attieksmes. Vēsturiskās attīstības gaitā, kad latviešu valodniecībā vēl nebija izvirzīta vārdkopas problēma un vārdkopu tipi netika aplūkoti sistematiski, problēma par predikatīvajām un pakārtojuma attieksmēm ietvērās kompleksā, kas mūsu gramatikās nosaukts par **izteicēja īpašības vārdu**.

Kā problemātiska parādība izteicēja īpašības vārds skaidrots ļoti dažādi. Tā K. Milēnbachs 1898. gadā to aplūko darbā «Teikums» 10. § -ā kā **teikuma priekšmeta apzīmētāju** ar atrunu, ka «Teikuma priekšmeta apzīmētāji var apzīmēt arī ikvienu citu teikuma locekli, pastāvošu no lietas vārda.»¹

Izvirzīts «tā dēvētais predikatīvais jeb izteicēja īpašības vārds» bez tuvākiem paskaidrojumiem, minot tikai piemēru virkni, starp kuriem vairums no tautasdziesmām:

«Paskatos lauciņā, vai maizīte tīra auga (Bl. t. dz. 1182). Balta gāju sienu kastu, balta ganu pavadītu (Bl. t. dz. 1223). Balta zied griķu druva aiz visām druviņām; daiļa gāja meitu māte aiz visām sieviņām (Bl. t. dz. 1476). Skaista augu, netikusi (Bl. t. dz. 2311).»²

Norādīts tikai, ka «Retaki citas vārdu šķiras izlietojamas: «Kundziņš» auga tavš dēliņš (Bl. t. dz. 1999).»³ Bet neskaidrību rada tālākā piezīme par divdabjiem ar **-dams** šādā lietojumā. Ar šo piezīmi noraidīta virsrakstā minētās aplūkojamās valodas parādības atributīvā daba:

«Tā predikatīvi, nekad atributīvi izlietojams arī divdabis jeb particips ar galotni **-dams**: Dažu labu tēva dēlu uzaugdama nicināju (Bl. t. dz. 240).»⁴

K. Milēnbachs 1907. gadā no vārdkopas vārdu attieksmju viedokļa jau daļēji paskaidro izteicēja īpašības vārda raksturu:

«Ļoti bieži īpašības vārds piebiedrojas kā pielikums lietas vārdam, ar šo saskanedams kārtā un skaitlī, bet pie tam attiekdamiem uz izteicēju: ... Baltas zied ābelītes. (Salīdz. ar to apstākļa vārdu: Balti zied ābelītes). Lai es tāda loka augu. Paskaties tīrumā, vai maizīte tīra auga. Ja tā malka klusa dega,

¹ K. M i l ē n b a c h s, Teikums. Rīgā 1898, 37. lpp.

² Turpat, 41.—42. lpp. Citatā šifra «Bl. t. dz.» ar sekojošu numuru norāda dziesmas A. Bīlenšteina izdotajā Latviešu tautas dziesmu krājumā (1874.—1875. g.).

³ Turpat, 42. lpp.

⁴ Turpat.

tad mēs mīli dzīvosim. BW 18178. Ipašības vārds tādos piemēros lietojams tāpat kā divdabis: Ja ta dega sprēgadama, tad mēs grīni dzīvosim.»¹

Trūkst šeit konkrēta norādījuma par sintaktiskās attieksmes dabu, kāda ir adjektivam ar finito verbu resp. izteicēju. Šā darba citā vietā atrodam atziņu, kas rāda, ka K. Milenbachs atteicies no uzskata par šāda adjektiva atributīvo dabu un atzinis tam vienīgi predikatīvas funkcijas:

«Izteicēja īpašības vārdam piemīt izteicēja daba un patstāvība.»²

Uzskats par «izteicēja īpašības vārdu» tikai kā par nominatīva formas vārda apzīmētāju vai arī tikai kā par izteicēju — neatklāj tā sintaktiskās funkcijas specifiku vispusīgi. Izceļot vienu pusi, tiek notušēta otra. Bez tam netiek atzīmēta trešā «puse» — šā vārda adverbialais raksturs. Apcerot «izteicēja īpašības vārdu» visus trīs aspektus centies ievērot J. Endzelīns:

«Formāli adjektīvs adverba nozīmē kā apozīcija pievienots subjektam var būt verba formas tuvāks apzīmējums, skat. 392. un 460. §; tā arī akuzatīvā aiz kāda transitīva verba, piem., ēd pillu vēderu! 427. §.

Bez tam adjektīvs blakus kōpulai un kōpulai līdzīgiem vārdiem var būt par predikāta nōmenu nōminātīvā (skat. 461., 3 §), datīvā (skat. 419. §) un instrumentāli (skat. 448. §) un aiz transitīviem vārdiem akuzatīvā (skat. 429. § b).»³

Kā redzams no citāta, aplūkojamā valodas parādība no sintaktisko funkciju viedokļa nav identificēta nedz ar apzīmētāju, nedz izteicēju. Autors centies to aplūkot, ievērojot tās specifiku. Uz to starp citu norāda arī īpatnējie termini, no kuriem pirmais perifrastisks «adjektīvs adverba nozīmē kā apozīcija pievienots subjektam var būt verba formas tuvāks apzīmējums», otrs īsāks un neskaidrāks «predikāta nomens». No citāta, kā arī no pārējā citātā norādītā teksta nav skaidrs, vai «verba formas tuvākais apzīmējums» un «predikāta nomens» ir identificējami vai šķirami jēdzieni. Jādornā, ka tie saderīgi tādā ziņā, ka «verba formas tuvākais apzīmējums» ir saprasts kā «predikāta nomens» ar piederīgo substantīvu, kas tad abi piesaistīti izteicējam.

J. Endzelīna pieejā «izteicēja īpašības vārdam», nosaucot specifisku sintakses parādību, kas nošķirama no pārējām, par «predikāta nōmenu», nav atrisināts specifiskas jautājums. Parādība, no vienas puses, apzīmēta ar citas specifiskas sintakses

¹ J. Endzelīns un K. Mühlenbachs, Latviešu gramatika. Rīgā 1907., 143. §, 100.—101. lpp.

² Turpat, 292, 12. §, 168. lpp.

³ J. Endzelīns, L Gr. 819. §, 1022. lpp.

parādības nosaukumu, proti, **predikatu** un, no otras puses, ar morfoloģiskas parādības nosaukumu, proti — **nomenu**. Iespējams, ka ar «predikata nomenu» arī nosaukta atsevišķa specifiska sintakses parādība, kas, sekojot **F. Buslajevam**¹, **A. Potebņam**², izprotama kā **sastata izteicējs**, vai, sekojot jaunākajam latviešu valodas sintakses apcerējumam skolu gramatikās, kā **salikts izteicējs**³. Taču skaidrs tas nav. Istenībā J. Endzelīns aplūkojamās specifiskās parādības nošķiršanā no citām sintakses parādībām nesniedz kaut ko noteiktu un vienveidīgu. Tā pati parādība vienreiz saukta par **predikata nomenu**⁴, otreiz par **predikatu nominatīvā**⁵, trešo reizi, nosaucot par **adjektīviem adverbu vietā**⁶, acīmredzot, izprasta kā **apstākļis** teikumā.

«Izteicēja īpašības vārda» sintaktiskās funkcijas specifikas noskaidrošana prasa vispirms pareizi izprast šā vārda sintaktiskās attieksmes. Līdzšinējā latviešu valodnieciskajā literatūrā, norādot uz adjektīva un participa divkāršo atkarību — kā no substantīva nominatīva, tā no verba finitās formas — nav atšifrēts, kā raksturojama adjektīva un participa atkarība no verba. Norādīts tikai, ka starp substantīvu un adjektīvu, kas atkarīgs arī no verba, pastāv saskaņojuma attiecīme. Pie tam, norādot uz šo attiecīmi, arī specialā vārdkopu pētījumā, kāds ir E. Soida disertācija, nav izcelts, ka adjektīvs un attiecīgi lokāmie divdabji var saskaņoties ne tikai ar substantīvu⁷ resp. nomenu, bet arī ar pronomenu un substantīvētu participu. Šai sakarā jāat-

¹ Ср.: А. Потеня. Из записок по русской грамматике. I—II. Изд. 2-е., Харьков, 1888, стр. 111.

² Там же, стр. 114—117, 172—173, и др.

³ Sal. Latviešu valodas gramatika VIII—XI klasei. II daļa. Rīgā 1954, 33.—34. lpp. Salikts izteicējs te šķirts no sastata izteicēja.

⁴ Sal.: «**Kā predikāta nōmens** adjektīvs resp. divdabīs sastopams palaikam nenoteiktajā formā; ... *sarkans auga ābuoliņš* (Mūlenbachs Latv. gr. 106); *īsu laiku kavēdama* BW 126. var.; ...» (J. Endzelīns, L Gr., 416, 3. §. 599. lpp.).

⁵ Sal.: «Predikātu nōminatīvā sastop aiz verbiem ar nozīmi «būt» vai «tapt» un aiz «verba dicendi» vai «sentiendi» u.c. Piemēri: ... stiepiēs gaŗa, pletiēs plata! 2922; apaŗa baruojas 5266...» (J. Endzelīns, L Gr., 392. §. 553. lpp.).

⁶ Sal.: «**Adjektīvus adverbu vietā** (verbu un adjektīvu tuvākai apzīmēšanai) sastop arī latviešu valodā: ... *kad sarkans neziedēja* (proti: roŗu dārzs) BW 71,3 (801. lpp.); *ja lustīgs* (var.: *lustīgi*) *nedzīvoju* 83; *bēdīgs maciņu atraisīja* 1791; *smalks nuolija* 3277 var.; *skaista* (var.: *skaisti*) *ruoze zied* 4512 var.; *malka klusa* (var.: *klusu*) *dega* 18178,3;...» (J. Endzelīns, L Gr., 460. §. 594. lpp.).

⁷ «Tomēr verbalās vārdkopas ar adjektīviem kā atkarīgajiem komponentiem savdabīgas tai ziņā, ka adjektīvi, funkcionēdami par atkarīgajiem komponentiem verbalajās vārdkopās, reizē saskaņojas ar tiem substantīviem, kas saistīti ar verbiem.» (E. Soida, Vārdkopas jaunlatviešu publicistiskajos darbos. Disertācija. Rīgā 1954, 154. lpp.).

zīmē divkārši atkarīgā adjektīva vai participā pozīcija teikumā attieksmē pret vārdu, ar kuru notiek saskaņošanās skaitlī, dzimtē un locījumā. Atšķirā no saskaņotā apzīmētāja, kas latviešu valodā parasti ir **prepozitīvs**, divkārši atkarīgais adjektīvs resp. particips ir **postpozitīvs** attieksmē pret vārdu, ar kuru tas saskaņojas. Postpozitīvais novietojums nosaka, savukārt, zināmā mērā citas šā adjektīva resp. participā funkcionalās savdabības, starp citu, arī saskaņošanās ar pronomenu. Līdz ar to tam atributīvā funkcija attieksmē pret pronomenu. Citādi (personas) pronomeni ir vārdu šķira, ko teikumā nekad nelieto ar apzīmētāju. Šo savdabību atzīmējis V. V. Vinogradovs:

«Bez tam plašas stilistiska pārstatījuma iespējas, kas atklājas adjektīvam paplašinātā teikuma strukturā, un spēja iekļauties vienveidīgu, t. i., vienas un tās pašas apzīmētāja funkcijas paudēju, vārdu un vārdkopu rindās veicina dotā teikuma robežās adjektīva formu atdalīšanos, savrupināšanos no apzīmējamiem vārdiem. Līdz ar to teikumā būtiski pārveidojas adjektīvu lietošanas paņēmieni, kas tipiski un likumsakarīgi vārdkopām.»⁵

⁵ Zīmīgi, ka atributīvās attieksmes starp adjektīviem un personas vietniekvārdiem var veidoties tikai teikuma sastāvā.»¹

Bieži latviešu klasiskajās tautasdziesmās sastopam no finitā verba atkarīgos adjektīvus un participus saskaņotus ar personas pronomeniem:

Šūpo mani, māmuliņe, Lakstīgalas šūpulī,
Lai es a ugu tik **lustīga** Kā lustīga lakstīgala. 97;

Rāj, māmiņa, citas meitas, Lai es a ugu **nerājama**,
Lai es a ugu **nerājama** Rātam tēva dēliņam. 3301;
sal.: 3301, 1—2; 3309, 2;

Nerāj mani māmuliņa, Lai es a ugu **nenorāta**,
Lai es a ugu **nenorāta** Rātam tēva dēliņam. 33663;

Man zīlīte vēsti nesa, Jauni radi bāliņus;
Es nestīlu **negājusi**, Kviešu maizes **nenesusi**. 1259;

Es izdzīnu **ganīdama** Visus tautu tīrumiņus. 5433.

Pievēršoties divkārši atkarīgā adjektīva un participā attieksmei ar finitō verbu, kas, kā teikts, latviešu valodnieciskajā literatūrā nav noskaidrōta, izvirzās gan problema par predikatīvo attieksmju būtību, gan problema par pakārtojuma attieksmju būtību. Citiem vārdiem, tā ir problema par predikatīvās attiek-

¹ В. В. Виноградов. Вопросы изучения словосочетания. «Вопросы языкознания». М., 1954, № 3, стр. 7—8.

smēs stāvošu vārdu izslēgšanu no vārdkopu pētīšanas loka vai iekļaušanu tanī.

Ja turamies pie nostādnes, ka predikativās attieksmes ir kvalitatīvi atšķirīgas no pakārtojuma attieksmēm, ka pirmās ir teikuma strukturas pamatā, bet otrās vārdkopu strukturas pamatā, tad jāzina ir predikācijas, ir pakārtojuma paveidi, šo parādību tipoloģija. Par predikativajām attieksmēm runājam īpašā pētījumā. Taču pašreizējā sakarā atzīmējams, ka mēs neslicamies paplašināt tā saucamā nominalā sastata resp. salikta izteicēja robežas un raudzīties uz vārdiem, ar kuriem saistīta nomena, pronomena vai participa nominatīva forma (kas saskaņota ar šo verbu subjektiem) kā tādiem, kas funkcionē par saitiņu resp. kā tādiem, kas ar saistītajiem nomeniem, pronomeniem vai participiem veido sintaktiski nedalāmu saliktu vienību, sauktu par sastata vai salikto izteicēju. Mēs izšķiram divus predikācijas aspektus, kuros nomena, pronomena vai participa nominatīva formas teikumā uzlūkojamas par saistītām ar finito verbu sintaktiskā vienībā kā izteicēji attieksmē pret citu nominatīvu kā teikuma priekšmetu.

Pirmkārt, atzīmējams **analītiskais predikācijas aspekts**, kurā par sintaktiski nedalāmu vienību funkcionē tādas divas leksiskas vienības, kas morfoloģijā veido viena vārda formu jeb analītisko formu, kura saistīta ar trešo leksisko vienību nominatīvā. Pie šā aspekta pieder verbu konjugācijas sistēmā saliktie laiki gan aktīvā (piem., «esmu mācījis, biju mācījis, būšu mācījis»), gan pasīvā (piem., «esmu mācīts, biju mācīts, būšu mācīts»), vienkāršie laiki pasīvā (piem., «tīku mācīts, tīku mācīts, tīkšu mācīts resp. topu, kļūstu, tapu, kļuvu, tapšu, kļūšu mācīts») indikativā, kā arī attiecīgas citu izteiksmju formas, (piemēram, sal. par analītisko debitīvu no 179.—190. lpp.), kuras veido divi vārdi. Nominatīvs pie šīm formām ir teikuma priekšmets.

Otrkārt, atzīmējams **analoģijas predikācijas aspekts**, kurā par sintaktiski nedalāmu vienību funkcionē tādas divas leksiskas vienības, kas darinātas pēc analoģijas ar morfoloģiskajām analītiskajām formām un saistītas ar trešo leksisko vienību nominatīvā. Pie tam ar analoģiju tiek saprasta pārējo participu, kā arī nomenu un pronomeņu nominatīva formu nostāšanās to nominatīva formu vietā, kuras funkcionē verbu analītiskajās formās. Piemēram atšķirā no «esmu mācīts» kā morfoloģiska predikācijas aspekta, jāatzīmē «esmu cilvēks, esmu priecīgs, esmu plaukstošs, esmu mācāms» kā sintaktisks predikācijas aspekts. Līdzīgi, piemēram, «kļūst labs», «kļūst mācāms», «kļūst ziedošs», u. tml. ir sintaktiskas analoģijas predikācijas aspekti.

Pārējie finītie verbi — pilnnozīmes verbi, kas teikumā saistās

ar nominatīva formas vārdu, kas atkarīgs no finitā verba subjekta resp. otra vārda nominatīva, nav uzlūkojami par tādiem, kas ieguvuši palīgverbu (kaut arī daļēju) dabu. Šai sakarā pieminama A. Potebņas piezīme, kas vērsta pret Buslajeva nostādni, pēc kuras sastata izteicējā saitiņa saucama ne par saitiņu, bet par izteicēju:

«Ja sastata izteicēja viena daļa pilnīgi vienvērtīga ar vienkāršo izteicēju, tad nav nozīmes runāt par «sastata izteicēju», jo izdalījuši no šā jēdziena īsto izteicēju, t. i., vienkāršo (finito verbu), atlikumā dabūsim ne izteicēju, bet ko citu. Šim citam labāk izdomāt savu vārdu, ja nav gatava, nekā jaukt vienā izteicēja vārdā divus dažādus jēdzienus.»¹

Saitiņas ir palīgverbu **būt, tikt, tapt, kļūt** formas analītiskās un analogijas predikācijas aspekta gadījumos. Atzīt par saitiņām pilnnozīmes verbus līdzīgās pozīcijās, kā to darijis A. Potebņa, nozīmē izplest sastata izteicēja robežas un neievērot leksiskās nozīmes vājinājumu kā nepieciešamu nosacījumu kādu vārdu iekļaušanai morfoloģiskās vai sintaktiskās analītiskās formās (kādas ir sastata izteicēji kā analītiski teikuma locekļi).

Apskatot iepriekš aplūkotos analītiskās un analogijas predikācijas gadījumus plašākā valodas materialā, redzam palīgverbus **būt, tikt, tapt** un **kļūt** lietotus ne savās leksiskajās pamatnozīmēs, kas attiecīgi norāda eksistēšanu un formēšanos (tapšanu, veidošanos), bet tieši vājinātās, formu veidojošās nozīmēs, t. i., tādās, kuru dēļ attiecīgos verbus arī saucam par palīga verbiem. Pārējie finitīvie verbi saistījumā ar nominatīvu, kas saņemti ar finitīvo verbu subjektu, nezaudē savu leksisko nozīmi. Tie tāpēc nav palīgverbi un nav sastata resp. saliktā izteicēja daļas, bet patstāvīgi vienkārši izteicēji, kam teikumā īpatnēja sintaktiska attieksme ar **otru nominatīvu** (t. i., to, kas nav finitīvo verbu subjekts). Šās īpatnējās sintaktiskās attieksmes apskats prasa detalizēti noteikt otra nominatīva attieksmi pret finitīvo verba subjektu kā pirmo nominatīvu. Finitīvo verba attieksmes pret katru no šiem nominatīviem ir atšķirīgas.

Nav noliedzami otro nominatīvu asociatīvie sakari ar predikācijas aspektiem. Šādi asociatīvie sakari var pastāvēt uz iedomājamas palīgverbu formu elipses pamata. Tā teikumā ar participu kā otro nominatīvu «Lai es a u g u nenorāta Rātam tēva dēliņam» 3366₃ veidojas divi vārdu pāri ar pirmo nominatīvu: 1) (lai) es augu un 2) (lai) es nenorāta. Šais vārdu pāros nav identificējama finitīvo verba un participa sintaktiskā attieksme ar

¹ А. Потебня. Из записок по русской грамматике. I—II. Изд. 2-е. Харьков, 1888, стр. 111.

pirmo nominatīvu resp. finitā verba subjektu un līdz ar to nav identificējamās finitā verba un participā sintaktiskās funkcijas. Finitais verbs ar pirmo nominatīvu atrodas noteiktās predikatīvās attieksmēs. Otru vārdu pāri «(lai) es nenorāta» varam uztvert kā tādu, kas eksistē ar palīgverba elipsi un asociē ar konstrukciju «(lai) es esmu nenorāta» (sal.: «es būdama nenorāta»). Šādā konstrukcijā particips asociē analītiskās predikācijas aspektu, proti, liekas par izteicēju attieksmē pret pirmo nominatīvu. Taču tas ir tikai šķitums. Analīzē jāapspriež nevis kādu formu asociatīvie sakari, bet faktiskais stāvoklis. Faktiskais stāvoklis rāda otru nominatīvu attieksmē pret pirmo postpozitīva apzīmētāja funkcijā (bet izslēdz iespēju būt finitajam verbam atributīvā funkcijā attieksmē pret pirmo nominatīvu).

Tālāk, teikumā ar citu participu kā otru nominatīvu «Lai es a u g u nerājama Rātam tēva dēliņam» 3301 arī veidojas divi vārdu pāri ar pirmo nominatīvu: 1) (lai) es augu un 2) (lai) es nerājama. Šo otru vārdu pāri varam uztvert kā tādu, kas eksistē ar palīgverba elipsi un asociē ar konstrukciju «(lai) es esmu nerājama». Šādā konstrukcijā particips asociē analogijas predikācijas aspektu, proti, liekas par izteicēju attieksmē pret pirmo nominatīvu. Arī tas ir tikai šķitums. Faktiskais stāvoklis tāpat rāda otru nominatīvu attieksmē pret pirmo postpozitīva apzīmētāja funkcijā. Tomēr asociatīvajiem sakariem sava loma teikumā paliek. Aplūkoto asociatīvo sakaru dēļ otrajiem nominatīviem teikumā ir vājināta atkarība no finito verbu puses. Šī atkarība nav identificējama ne ar vienu no pazīstamajām sintaktiskajām pakārtojuma attieksmēm — saskaņojumu, pārvaldījumu un pieklāvumu. Specifiskā sintaktiskā attieksme, kas veidojas starp finito verbu (kā izteicēju) un participu kā ar finitā verba subjektu (vārdu nominatīvā) vai objektu (vārdu datīvā vai akuzatīvā) saskaņotu vārdu, pelnījusi īpašu nosaukumu. Šo attieksmi, sekojot krievu valodniecības zināmiem paraugiem, saucam par **pievilkumu**. Krievu valodniecībā tam līdzīgā sakarā dots nosaukums **тяготение**:

«Gramatisko formu savdabīgums tā saucamajā predikatīvo vārdu savienojumu saskaņojumā dažreiz pamudinājis mūsu valodniekus (piemēram, L. A. Bulāčovski) izdalīt dažus tādus gadījumus īpašā sakaru tipā, ko viņi sauc par «pievilkumu» (тяготение). Seit vispirms min verba un adjektīva pāri, kurā adjektīvu saskaņo ar verbu skaitlī un dzimtē, piem.: **atnāca jautrs, kļuva domīgs, klausījās apmierināta**. Šā veida sintaktiskajā sakarā izpaužas teikuma priekšmeta stāvoklis momentā, kurā noris tam piedēvētā, ar izteicēju nosauktā darbība (**Māte gāja laimīga**). Pilnīgi skaidrs, ka šo sakaru tipam nav tiešas attiek-

smes ar jautājumu par vārdkopu veidiem, kuras rodas uz saskaņojuma pamata.

Teikumā, kurā izteicējs veidojas no stāvokļa vai kustības verba savienojuma ar adjektīva nominatīva formu, adjektīvam rodas īpatnējas divpusīgas sintaktiskas attieksmes — gan pret verbu — izteicēju, gan pret substantīvu — teikuma priekšmetu.»¹

Tieši adjektīva īpatnējā sintaktiskā attieksme — divkāršā atkarība — ir apstākļi, kura dēļ attiecīgs adjektīvs nav iekļaujams izteicējā, bet aplūkojams kā specifisks teikuma loceklis.² Sai ziņā krievu gramatikas nav konsekventas. Sekojot tradīcijām, var nonākt zināmās pretrunās, kādas redzam iepriekšējā citāta pēdējā teikumā: par izteicēju te saukts gan verbs viens pats, gan verbs savienojumā ar adjektīvu.

Otro nominatīvu divkāršās atkarības dēļ teikumā sastopamies ar saliktajām vārdkopām, no kurām nav izslēdzamas vārdu predikatīvās attieksmes. Proti, abi otrā nominatīva pakārtotāji — pirmais nominatīvs un finitā verba forma atrodas viens pret otru predikatīvās attieksmēs, bet attieksmē pret otru nominatīvu — katrs savā pakārtojuma attieksmē. Pirmais nominatīvs, pakārtodams otro nominatīvu, atrodas ar to saskaņojuma attieksmē. Finitais verbs, pakārtodams otro nominatīvu, atrodas ar to pievilkuma attieksmē. Tās ir īpatnējas saliktās vārdkopas, kas nav reducējamas uz vienkāršajām, kā to darījusi E. Soida³.

Apcerot pievilkuma attieksmi starp verbu un nomenu, īpaši jāatzīmē tāds divkārši atkarīgais otrs nominatīvs, kas, no vienas puses, saskaņodamies ar pirmo nominatīvu, no otras puses atrodas pievilkuma attieksmē nevis ar verba finitā formu, bet infinitīvu. Tāds infinitīvs, savukārt, atkarīgs no finitā verba, kas to pārvalda:

Cik es **gribu** līgsma **būt**, Viņš man gauži raudināja.
I 190, 2;
sal.: 190, 1;

Es jau sen **nodomāju** Visu mūžu naska **būt**; 6859;
Es **šķītos** jauna **būt**, Jaun' iedama tautiņās; 1249, 1;
Es nezinu, kas man kait, Es **nevaru** līgsma **būt**. 9790;

¹ (В. В. Виноградов.) Введение. «Грамматика русского языка». Том II. Синтаксис. Часть I. Изд. АН СССР, М., 1954, стр. 25.

² Skat. proponējumu saukt to par stāvokļa apstākli: A. Ozols, Jaunākie latviešu valodas pētījumi. «Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis», Rīgā 1954, Nr. 9 (86), 155.—158. lpp.

³ Sal.: E. Soida, Vārdkopas jaunlatviešu publicistiskajos darbos. Disertācija. Rīgā 1954, 163.—166. lpp.

Kas **vareja** zaļaks **būt** Par rudzāles zaļumiņu?
Kas **vareja** lielaks **būt** Par māsiņas bāleliņu? 3431.

Attiecīgajās konstrukcijās sastopamie infinitīvi **būt** lietojami nevis kā palīgverbi, bet eksistencialā nozīmē. Vispār šais konstrukcijās kā finitais verbs, tā infinitīvs paņur savu leksiskās nozīmes patstāvību un neveido arī neko sintaktiski nedalāmu:

Es **cereju** diža **augt**, Dižas ausu villainites; 5311, 1;
Es **domaju** gaŗa **augt**, Gaŗu griezu villainiti; 5311;
Es **nevaru** basa **iet** Par bāliņa pagalmiņu. I 1103, 1;
Vaj es **varu** ik dieniņas **Balta** vien **izstaigāt**? 10379, 1.

Finitajiem vārdiem šais konstrukcijās **modala nozīme**. Tie paūz runātāja attieksmi pret infinitīvā nosaukto darbību resp. stāvokli kā zināmu īstenības parādību.

Aplūkosim saliktās vārdkopas ar otrajiem nominatīviem kā divkārši atkarīgajiem komponentiem, grupējot tās pēc šo komponentu morfoloģiskā noformējuma.

a) Saliktās vārdkopas ar adjektīvu nominatīvā kā divkārši atkarīgo komponentu.

Vispirms jāatzīmē, ka divkārši atkarīgais nominatīvs saskaņojas ne tikai ar substantīvu nominatīvā, bet arī ar substantīvu vokatīvā kā neatkarīgu locījumu:

Māsiņ, **lēna** neliecies, Tautiņās aizgājusi;
Visas tautu neveiklites Tevi mis kājiņām. 83, 6;
Guli **klusa**, man' pādīte, Nu tev nieka nekaitēs: 1408.

Aplūkojamās vārdkopas iesaista uzrunu teikumā kā pilnvērtīgu teikuma locekli — teikuma priekšmetu.

Šo vārdkopu lietojumā sastopamies arī ar citām īpatnībām. Tās sagādā zināmas grūtības vārdu sintaktisko funkciju analizē teikumā.

Te vispirms jāatzīmē finitā verba (kā izteicēja) spēja pakārtot sev vairākus atkarīgos nominatīvus, kas, atšķirdamies pēc savas morfoloģiskās kategorijas kā nomens un participi, var stāties katrs citādos sintaktiskos sakaros. Tā zemāk minētajā piemērā participi, funkcionēdami kā divdabja teicieni, atšķiras no adjektīva kā pakārtota nominatīva, kas allaž funkcionē nepaplašināts:

Stalts man **auga** kumeliņš, Rīta rasu **dzirdināts**,
Miežu asniem **ēdināts**, Egles skujām **noslaucīts**. 2298, 2.

Vairāku vienveidīgu atkarīgo nominatīvu lietojumā var rasties jautājums par robežām starp vienveidīgiem teikuma locekļiem un saliktiem (sakārtotiem) teikumiem. Tā, piemēram, konstrukcijā:

Nu es jauna, nu priecīga, Nu **vēlīga** padzīvoju; 170; uz adjektīvu **vēlīga** varam raudzīties kā uz vienveidīgu teikuma locekli blakus formām **jauna**, **priecīga**. Taču šo vienveidību izjauc adjektīva **vēlīga** atkarība ne tikai no pronomena *es*, bet arī no verba formas **padzīvoju**. Pronomena *es* izvirzījums (vienveidīgu teikuma locekļu dēļ) tālāk no adjektīva **vēlīga** var radīt iespaidu, ka «*es*» elidēts, un piešķirt konstrukcijai «Nu **vēlīga** padzīvoju» atsevišķa teikuma raksturu. Konstrukcija «nu **priecīga**» var piederēt gan iepriekšējai, gan sekojošai konstrukcijai (uzlūkojot adjektīvu **priecīga** arī par atkarīgu no verba formas **padzīvoju**). Vispār vērojama tendence finitā verba formām kā vienveidīgiem teikuma locekļiem, kas saistīti ar otriem teikuma locekļiem, kuri ir kvalitatīvi atšķirīgi, noformēties kopā ar šiem otriem teikuma locekļiem kā atsevišķiem teikumiem:

Trīskārt Laima jostu joda Apkārt manu augumiņu:

Augi **diža**, (1) stāv godā, (2) Valkā ziļu vainadziņu (3). 1221.

Cits šās problēmas aspekts izvirzās sakarā ar interpunkciju:

Zila, melna tautu meita, Ziemu dzima ziemelī;

Man bāliņš **sarkanbalts**, Vasar' dzima saulītē. 21347;

sal.: 21347 v.; V 21347, 1—2.

Dotā interpunkcija traktē otru dziesmas pusi kā divus teikumus resp. kā salikta sakārtota teikuma daļas. Taču asociatīvi iespējama saliktā vārdkopa:

Mans bāliņš **sarkanbalts** Vasar' dzima saulītē,

un līdz ar to teikums uzlūkojams par vienkāršu paplašinātu. Turpretim dziesmas pirmās puses teikumu (Zila, melna tautu meita Ziemu dzima ziemelī) jau grūtāk uzlūkot kā minētā tipa vārdkopas ietvērēju un līdz ar to kā vienkāršu paplašinātu teikumu. Šai dziesmas pusē adjektīvs, būdams prepozitīvs, saskaņodamies ar substantīvu kā savu pakārtotāju, funkcionē drīzāk vienkāršā nekā divkāršā pakārtojumā. Tas ir, adjektīvs funkcionē neatkarīgi no verba kā pakārtotāja.

Vispār izvirzāma problēma par verbu kā prepozitīva adjektīva pakārtotāju, nosakot robežas saliktajām vārdkopām, t. i., nosakot gadījumus, kuros prepozitīvs adjektīvs uzlūkojams par atkarīgu ne tikai no nomena, bet arī no verba. Te vērojamas zināmas likumības. Tā verbs var pakārtot tikai adjektīvus, kam

nenoteiktā galotne. Sāds divkārši atkarīgais adjektīvs mēdz būt prepozitīvs attieksmē pret nomenu, kas funkcionē kā uzruna:

Ziedi, **balta**¹ ābelīte, Es paklāju villainītes, 2756.

Tāpat tas mēdz būt prepozitīvs attieksmē pret pirmo nominatīvu, ja saskaņojas ar divdabi ar **-dams**, kas aizstājis finitō verbu:

Spodra saulītī lēkdama, Jo spodraka rietedama.

Līgsma māsiņī augdama, Jo līgsma dzīvodama. 3535.

Prepozitīvs otrais nominatīvs sastopams arī gadījumos, kuros to finitā verba forma šķir no pirmā nominatīva:

Stalts man auga kumeliņš, Rīta rasu dzirdināts,
2298, 2;

Mella gāja tautu meīta, Redzej mani lūkojam. 11320.

Sastopam prepozitīvi lietotu otru nominatīvu arī citos gadījumos²:

Gudra mana līgaviņa, Bez māmiņas izaugusi. 5145.

Norma tomēr ir divkārši atkarīgā nominatīva postpozitīvs lietojums attieksmē pret vārdu, ar kuru tas saskaņojas:

Bārenīte gauži raud, No rītiņa cēlusies;

Saulīt' **balta** tecedama Asariņu skaititaja. 4351.

Kam tā māja uz tā kalna Dēju jumtu iztaisīta?

Tur es dotu sav' māsiņu, Būt' tā **liela** izauguse,

Būt' tā **liela** izauguse, Būt' pūriņu piedarijse. 7667.

Ipaši atzīmējamas tās vārdkopas, kurās nominatīva konstrukcija atkarīga arī no particīpa **būdams** kā trešā komponenta. Particīps pasvīturo ar adjektīvu nosaukto pazīmi parasti kā funkcionālu, kā tādu, kas eksistē zināmā laika posmā un kas nav saistīta ar šās pazīmes nesēju visā viņa eksistēšanas laikā, retāk arī kā eksistencianālu, nemaināmu. Piemēri:

Es meitiņa, **jaun'** būdama, Klausu jauna, klausu veca;
Jauna, veca klausīdama, Topu pate sūtītaja. I 3065;

¹ Interpunkcija šai gadījumā, kas atdalījusi no konteksta it kā paplašinātu uzrunu «balta ābelīte», ir maldinoša, jo, ja uzrunātu zināmu priekšmetu, adjektīvam vajadzētu būt ar noteikto galotni. «Nezināmus» priekšmetus neuzrunā. Tomēr te atkal var iebilst, ka četrzilbīgas trochaja dipodijas gala zilbei jābūt īsai. Tāpēc attiecīgos gadījumos tautasdziesmās nevar tikt diferencēti adjektīvi ar noteikto galotni no adjektīviem ar nenoteikto galotni.

² Jānīšam **balta sieva**, Ar sieriem **nobarota**;

Pēteram zila melna, Pusē badu nomērdēta. 33039;

Sal.: 3039v.; 3039,1—3v.; citi piemēri: 3325; 9368; 9880.

Maza meita es būdama Nekam lieti nedereju; 2171;
citi piemēri: 1073, 3; 2456, 1; 6291, 1.

Aplūkojamā tipa vārdkopās nereti sastopam vai nu **implicitu**¹, vai arī **elidētu** nominalo vai pronominalo komponentu, ar ko saskaņots no verba atkarīgais adjektīvs vai particips.

Implicitais vārdkopas komponents vai nu atrodams tā pašā teikuma citā daļā, blakus teikumā vai arī izsecināms no finitā verba personas galotnes kā attiecīgs personas pronomens:

Bārenite pate biju, Bārenites villainite;
Nij tik **balta** [villainite] izveleta, Nij tik kupli
ielociņi. 4487; cits piemērs 4496;

Labu ļaužu bērniņš biju, **Slikts** [bērniņš] paliku
nicinats. 4785 v.;

Sarkanota saule lēca, **Bāla** [saule] tapa tecedama;
Jauna [es] gāju tautiņās, **Veca** [es] tapu dzīvodama.
1251;

sal.: I 27, 4; 1251, 1; 1249; 1249, 2—3; I 1249, 2—3; 9432;
9433.

Dažreiz implicitais vārdkopas komponents izsecināms no blakus teikuma (daļas) un transformējams, kā sekojošos piemēros (no akuzatīva nominatīvā):

Es apāvu baltas kājas, **Melnas** tapa [kājas] staigājot;
4785, 5;
sal.: 4785; 4785, 1, 3.

Ar elidētu pronominalo komponentu šais vārdkopās sastopamies, ja finitais verbs imperatīvā:

Tišam gāju mēlu kreklu, Zinu tautas lūkojam.
— **Stai gā mēla**, ja nav kauna, Tik manam prātiņam.
11320, 1;

cits piemērs: 1221.

Pronomena elipse pie verba imperatīvformas, protams, normatīva parādība.

¹ Implicit — slēpti izteikts. Pretstats: eksplicits — atklāti izteikts (ar īpašu formu). Termins pēc Ш. Балли. *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. М., 1955, стр. 33.

b) Saliktās vārdkopas ar participu ar -āms nominatīvā
kā divkārši atkarīgo komponentu.

Ciešamās kārtas tagadnes lokāmais divdabis ar -āms nominatīvā, būdams atkarā no finīta verba, vārdkopās funkcionē kā objekta divdabis. Tā nosauktās darbības veicējs teikumā minams ģenītvā.¹ Fīnītā verba subjekts šais vārdkopās netiek implicēts vai elidēts. Kā fīnītā verba subjekti šais vārdkopās lietojami gan substantīvi²:

Jaļa zāle gauži raud, Kājiņām **nominama**; 4211;
Zviedz kumelis neaņams, Mauj gosņiņa neslau-
cama; 6731;
sal.: 6925;

gan adjektīvi:

Dziedat, mazas meitenītes, Jau lielās nedziedava,
Jau lielās nedziedava, Svešu ļaužu **zadinamas**.
I 812¹;

gan pronomeni, kā personas pronomeni:

Es³ neietu no bāliņa, Ar valdziņu **novedama**; 3487;
Vai, dienīņa, man' dienīņa, Tu⁴ atnāci **nezinama**!
Vakar koši gavīleju, Šodien veda smiltienā. 1043;

tā norādāmie:

Kāda koka tā laiviņa, Tā⁵ iet visu **neirama**?
Kādu ļaužu tas bērniņš, Tas iet visu **nesūtams**? 3069;

un noteīcamīe:

Drauga bērni bārenīši Paši tek **nesūtami**. 4762;
Stīkla durvis, vara vārti, Verās paši **neverami**. 3713

Divdabis ar -āms šais vārdkopās lietojams tikai postpozītvī attīeksmē pret fīnīto verbu un tā subjektu.

¹ Par kļūdainu īzteīksmī uzlūkojams divdabja ar -āms subjekta apzīmējums ar prepozīcionālū ģenītvī: Zēlī raud sērdīenīte, No bajara **bil-dīnama**. 5117.

² Cīti piemēri: I 446¹; 783; 1485,2; 1788,2; 7716.

³ Cīti piemēri ar personas pronomenu es: I 95¹; 3301v.; 3301,1—2; 3309,2; u. c.

⁴ Cīti piemēri ar personas pronomenu tu: 995,2,4,6; 3207; u. c.

⁵ Cīti piemēri ar norādāmo pronomenu tā: 4712; tas: 6192.

c) Saliktās vārdkopas ar participu ar **-ts** nominatīvā kā divkārši atkarīgo komponentu.

Ciešamās kārtas pagātnes lokāmais divdabis ar **-ts** nominatīvā, būdams atkarā no finitā verba, vārdkopās funkcionē kā objekta divdabis. Subjekts ģenitivā blakus pagātnes lokāmajam divdabim nereti sastopams:

Es izaugu sirdēstos, Svešas mātes **audzināta**. 4182;
sal.: 4267; 4700; arī 1126 v.

Tomēr parastāka ir izteiksme bez divdabja subjekta¹:

Dziedat, meitas, ko gaidat, Ka vasaru nedziedat?
Nāks rudenis, aizvedīs, P **aliks** dziesmas **nedziedatas**.
161, 1;
sal.: 161; 161, 2—7; I 161, 1—2, 4.

Šais vārdkopās sastopams kā implicīts finitā verba subjekts (no kā atkarīgs particips):

Puško, mārša, savas sagšas, L **ai stāv** manas [sagšas] **nepuškotas**. 7446;
sal.: 7446, 1; 7447; 7449;

Lai es biju bārenite, Lai man viena vilnainite,
Ir tad vēl **negribeju** [es] Sliktu ļaužu **bildināta**.
5146 v.;

tā arī elidēts finitā verba subjekts:

To saka kundziņš, to gaspažiņa: Kam **gāji** kāzās **neaicināta**.
2546, 1.

Arī šais vārdkopās divdabis ar **-ts** lietojams tikai postpozitīvi pret finitō verbu un tā subjektu.

d) Saliktās vārdkopas ar participu ar **-is** nominatīvā kā divkārši atkarīgo komponentu.

Darāmās kārtas pagātnes lokāmais divdabis ar **-is** nominatīvā, būdams atkarā no finitā verba, vārdkopās funkcionē kā subjekta divdabis. Pie tam tas lietojams no perfektīva verba. Imperfektīva verba particips šais vārdkopās skaidrojams ar

¹ Citi piemēri, kuros finitā verba subjekts substantīvs: 1485; 2298,2; 2546; 6925v; pronomens: 1446.

tautasdziesmas kompozīcijas spaidu¹. Tas īpaši redzams noliegtos participos, kuros nolieguma partikulas piesaistījuma dēļ jāatņem perfektīvais priedklis²:

Grib bitīte salda medus, Silā ziedu **negājusi**;
Grib meitiņa grezna pūra, **Nešuvusi, nerakstijsi**. 7635.

Tikai izolētos gadījumos grūti iedomājama attiecīgo imperfektīvo participu perfektīvā forma:

Es cereju viegli **gājis**, Man zemīte ribēt rib;
Es bij pati gan lustīga, Man sirsniņa raudāt raud. 131;
skat. vēl: 112 un 2570.

Šais vārdkopās particips, salīdzinot ar galveno verbu, nosauc **priekšlaicīgu** darbību vai stāvokli, izņemot atsevišķus ļoti retus gadījumus, kuros particips izsaka ar finito verbu **vienlaicīgu** darbību:

Veca mana **māmuliņa**, Iet galviņu **nodūruse**, 3263, 1;
sal.: tāmnieku «strāde darbu palikuse» 613.

Normatīvs šais vārdkopās kā finitā verba subjekts ir tikai substantīvs.³ Tikpat normatīva ir personas pronomena kā verba subjekta elipse. Tikai atsevišķos piemēros sastopami pronomeni:

Es **neiešu** sētiņā, Sava darba **nedarijis**;
Birzē likstes **nenocirtis**, Sūpuliņa **nepiekāris**. 1644;
sal.: 1643, 1, 1 v.; citi piemēri ar es: 131; 435; I 435, 1;
I 436, 1; 740, 7 v.; 862, 1; 1259; 1294, 1; I 1469, 1 v.;
2882;

Sav' **māmiņi** es ietapu, Skaidu klēpi **ienesusi**. 4138;
Ko nu mēs **darisim**, Launadziņu **paēduši?** 742.

¹ Piemēram:

No rītiņa (uz)cēlusēs, Zagšu zaļu ozoliņu. 1680,3v.; sal.: 4351;
Es bāliņa **nenicinu**, Ūdens malka (pa)**dzēruses**: 3482;
Man galviņi sāpeja, Daudz bēdiņu **redzejuse**. 4180;
Sveša māte bārenei Sviedin svieta villainiti.
Saņem mīļi, bārenīte, Zinies grūši **pelņijuse**. 4659.

Tamlīdzīgi piemēri ir tikai atsevišķi, salīdzinot ar neskaitāmi daudzajiem perfektīvā verba participu lietošanas gadījumiem.

² Citi konstatētie piemēri: 124; 124,1—2; 434; 693; 781; 1259v.; 1294; 1435; 1643,1; 1644.

³ Kā finitā verba subjekts var funkcionēt ne tikai nominatīva, bet arī vokatīva formas vārds gan bez, gan ar skaitļa transformāciju:

Ko, **kūmiņas**, **darījat** Aiz kalniņa **sastājuši?** 1372,5;
Ko, **māsiņa**, **dziedasim**, Ritā agri **izdzinušas?** 740;
(vokatīvs **māsiņa** transformējams daudzskaitlī).

Cits piemērs 1564 v.

Vārdkopās ar substantīvu kā finitā verba subjektu atkarīgie divdabji ar **-is** paplašināti ar vienu vai divi citiem vārdiem, veidojot tā saucamo divdabja teicienu¹:

Skaisti dzied ceļa vīri, Kumeliņus **sajūguši**. 598;

sal.: 598, 1—4, 6; I 598, 2—3;

Grūti pūta sila priede, Smalka lietus **pielijusi**; 4036;

sal.: 708, 1 v.; 4036, 1—2, 4; 4248; 4700; 5117; 5117, 1.

Tikai retos gadījumos particips blakus finitā verba subjektam, kas ir substantīvs, lietots bez paplašinājuma:

Sēd kūmiņas **noskumušas**, Vaj būs pāde izkrituse? 1377;

sal.: 1377, 1; citi piemēri: 995, 6 v.; 1236; 3893; 4264.

Turpretim finitā verba implicitā subjekta gadījumā (kā subjekts domājams pronomens atkarā no finitā verba galotnes) ļoti plaši lietojams no finitā verba atkarīgais divdabis ar **-is** nepaplašinātā veidā. Šis vārdkopas kā vienkāršas mūsu apskatam nav pakļautas². Jāpiezīmē vienīgi, ka particips šai gadījumos iegūst zināmā mērā substantīvētu raksturu:

Nebēdaju **piekususe**, Priecajos **nodzīvojse**

(649, 2: nodarijse);

Lai piekusa kājas, rokas, Valodiņa nepiekusa. 649, 3;

sal.: 649, 4;

Izkūlusi, malti gāja, **Samalusi** [gāja] druviņā. I 3499¹.

Vārdkopās ar finitā verba implicitu subjektu atkarīgie divdabji ar **-is** bieži lietojami arī paplašināti vai nu ar vienu³ vai divi vārdiem⁴:

Sētiņā **palikuse**, Želabiņu **nevareju**. 736;

¹ Citi piemēri ar substantīviem kā finitā verba subjektiem un atkarīgajiem, ar vienu vārdu paplašinātajiem participiem: 995,5; 1116—1119; 1910; 2671; 2982; I 2982,1; 3721,1v.; I 4575,5—6; 4801,2; participa paplašinājums ar divi vārdiem: 365; 637v.; 637,1,1v.; 656; 686; 741; 777,1v.; 779; 2189; 2493,3; 2731; 3059; 4539,2; 4621,1; 4644; 4867; 7723; u. c.

² Skat. piemērus ar finito verbu vienskaitļa pirmajā personā: I 96,1; 118; 619,19; 1165; 1570; 1570,1; 1571; 1571,2; 1572; 1572,1—2; 1574; 1574,2; 1575; 1575,1; 3685; 3885,1—2; 3886; 4005,1; 7679; 7938; vienskaitļa otrā personā: 1099,3; 1208; 1195; vienskaitļa trešajā personā: 2113; 3116; 4186; daudzskaitļa pirmajā personā: 799; 1480; daudzskaitļa otrā personā 1480v.; 2032; daudzskaitļa trešajā personā: 556,12—13; u. c.

³ Piemēri: I 224,11; 446,1; 529,1v.; 3; 556,9v.; 16; 736; I 740,6; 1002; I 1016,1—3,6; 1055,5; I 1055,1; 1137; 1625v.; 1825; 1825,1—3; I 1825,1; 2353; 3246; 3506; 4890,3; 5036,3; u. c.

⁴ Citi piemēri: 632; 632,1v.; 739,2; 740,7; I 740,1; I 742,1; 845,1; 1264,2; 1680,3; 1731; 2116; 2116,2; 2332; 3142,1; 3150; 3150,1; 3285; 4222; 4801,2; 4837; u. c.

L ū k o s i m **dziedājušas** Ar bāliņa ligaviņu:
Ja dziesmiņa sadereja, Tad sader dzīvojoj. 306;

Kādu dziesmu **dziedasim**, Rītā agri cēlušies? 740, 2.

Tikai ļoti reti atrodami divdabji ar **-is**, kas paplašināti ar trim vārdiem:

Labak eimu dziedadama, Ne kā raudu raudadama,
Lai zinos **dzīvojusi** Laimes līgsmu mūžiņu (?) 112.

Aplūkojot šā tipa vārdkopas dažādos valodas pieminekļos, vērojam vienkāršo vārdkopu lietošanā zināmu samazināšanās tendenci. Plašāk un vispusīgāk tās lietotas klasiskajās tautasdziesmās, samērā plaši, bet vienpusīgāk, lietotas 19. gs. vidū «Pēterburgas Avīzēs» un visai reti sastopamas mūsdienu latviešu literarajā valodā. Par šo divu pēdējo avotu valodu E. Soida šai sakarā, minējusi tamlīdzīgas vārdkopas, kā «cerējam pārliecinājuši» (Taggad mehs **cerrejam** sawus lasitajus deesgan **pahrleecinajuschi** no teem labbumeem, kas no weiklas mehles, jaukas vallodas... ceļļahs. P. A. 1862. 72.), «liekas aizmirsuši» un «nozēloju precējies», saka: «Mūsdienu latviešu literarajā valodā minētās vārdkopas vairs nav parastas, un šo vārdkopu vietā parasti veidojam konstrukcijas, kurās divdabi aizstāj verba finitās formas un saikļa **ka** veidots palīgteikums.»¹ Šāds atzinums pareizs attieksmē pret «Pēterburgas Avīžu» valodu, kurā E. Soida nav atradusi šā tipa vārdkopas, kam būtu citādi ekvivalenti mūsdienu literarajā valodā. Tautasdziesmas uzrāda lielāku dažādību šo vārdkopu lietojumā tādā ziņā, ka tām iespējami dažādi ekvivalenti mūsdienu literarajā valodā, ne tikai konstrukcijas ar saikli **ka** pie finitā verba. Tiesa, šādas konstrukcijas kā ekvivalenti visplašāk lietojamas, bet tās nav vienīgās. Nepieciešami īpaši pētījumi, lai noteiktu likumsakarības, kādām pakļauta palīgteikumu kā ekvivalentu lietošana attiecīgo vārdkopu vietā.

Ekscerpētais materials rāda, ka ekvivalentu izvēlē sava loma ir gan leksiskajai nozīmei, kāda ir finitajam verbam, kas pārvalda divdabi, gan arī vispārīgām sintaktiski semantiskām attieksmēm, kas izriet no konteksta. Tā neapšaubāmi vārdkopas ar verba dicendi, kas pārvalda divdabi ar **-is**, mūsdienu valodā parasti aizstāj konstrukcijas ar saikli **ka**. Tā dziesmā

Paldies saku dieviņam, To darbiņu nodariju!

¹ E. Soida, Vārdkopas jaunlatviešu publicistiskajos darbos. Rīgā 1954, 146.—147. lpp.

Nesaciju¹, **piekususi**, **Priecajos**², **nodarijsi**. 649, 4; vārdkopu «nesaciju piekususi», «priecajos nodarijsi» vietā prozas valodā ir parastāki ekvivalenti «**Nesaciju, ka esmu piekususi**» un «**Priecājos, ka esmu nodarījusi**.»

Sal.:

Lai **nesaka** sveša māte, Darba dēļ **noskumuse**. 619, 2; 4691; 4691, 1; sal.: 619, 4 v., 5, 7, 8, 11, 12, 15—17; 4691₁, 4.

Attiecīgi tiek aizstātas arī vārdkopas, kuru centralais komponents ir verbs sentiendi:

Nebēdaju **piekususe**, **Priecājos** **nodzīvojsē**:

Lai **piekusa** kājas, rokas, Valodiņa **nepiekusa**. 649, 3; sal.: 8190;

Minētie ekvivalenti iespējami gadījumos, kuros divdabis «ziņāmā mērā aizstāj finitā verba objektu» (L. Gr. § 810 b).

Citos gadījumos vārdkopas ar divdabi ar **-is** aizstājamas arī ar konstrukcijām ar saikļa vārdu (adverbu) **kad**.

Sal.:

Atjājuši apkaunās, **Atrod mazas meitenites**. 556, 12; sal. 556, 13;

«**Apkaunās, kad atjājuši atrod mazas meitenites**.»

Rāja mani māmuliņe, Izrājusī nožēloja;

Rāja mani sveša māte, Izrājusī, niecināja. 4186;

«**Nožēloja, kad izrāja**»; «**Niecināja, kad izrāja**.»

Ko vētišu, kad nav vēja, Ko dziedāšu nedzēruse? 791; sal. 799;

«**Ko dziedāšu, kad neesmu dzēruse?**» Sai gadījumā iespējama arī ekvivalenta konstrukcija ar divdabi ar **-dams**: «**Ko dziedāšu, nebūdma dzēruse?**» Sal. arī:

Nāc Laimiņa, kad es lūdzu, I basām kājiņām;

Ausi kājas atnākusi, — **Grūt manam mūdiņam**. 1099, 3;

«**Ausi kājas, būdma atnākusi**...»

Pie verba **vēlētis** kā divdabja ar **-is** pārvaldītāja parastāka ekvivalenta konstrukcija ar **kaut**. Sal.:

Vēļjos nedziedajse **Tai kalniņa galiņā**;

Vējiņš manu balsu nesa **Pašā tautu sētiņā**. 434;

«**Vēļjos, kaut nebūtu dziedājusi**...»

¹ Citi piemēri ar verbu **neliegtis** 1294; **sacīties** 1126; 1126, 1; 1236.

² Verbs **priecāties** izsaka ne tikai jūtu stāvokli, bet arī runāšanu, jo prieks gribas izpauzams.

Ja šā tipa vārdkopas divdabis ar -is teikumā funkcionē par veida resp. stāvokļa apstākli, tad šādas vārdkopas parastas arī mūsdienu literarajā valodā un netiek aizstātas ar kādām citām konstrukcijām:

Aizsmakusi es dziedaju, Aizsmakusi gavileju:
435; 436; I 435, 1; I 436, 1;

Nestaigaju noskumuse, Tā nebiju ieraduse; 619, 19;
cits piemērs 613;

Dārga bija kūmu starpa, Es paliku negājuse. 1294, 1.
Apskaities malt iegāju, Gribej' dzirnas saplosīt: 7938.

Par aplūkoto vārdkopu ekvivalentiem var runāt, protams, ne-saistītā valodā. Klasisko tautasdziesmu metriskā struktūra, pēc kuras darinātas arī padomju tautasdziesmas, nepieļauj izvērst palīgvārdu lietošanu dziesmās.

*

Jāatzīmē, ka saliktās vārdkopas ar divkārši atkarīgajiem adjektīviem un lokāmajiem divdabjiem atkarīgajos locījumos nevaram skaidrot kā aplūkoto vārdkopu formu sistemai piederīgas. Vārdkopas formu sistema, kā zināms, izpaužas galvenā komponenta spējā mainīties, nemainot atkarīgos komponentus. Tā saliktajās vārdkopās ar divkārši atkarīgajiem adjektīviem un lokāmajiem divdabjiem nominatīvā formu sistemu veido (finitais) verbs. Tā formas maiņa nav saistīta ar subjekta nominatīva un ar to saskaņotā otra nominatīva maiņu.

Lai dabūtu saliktās vārdkopas ar divkārši atkarīgajiem adjektīviem un participiem atkarīgajos locījumos, jāmaina nevis iepriekš aplūkotā vārdkopas tipa forma, bet gan teikuma konstrukcija. Divkārši atkarīgie adjektīvi un participi atkarīgajos locījumos iespējami teikumos, kuros funkcionē papildinātāji.

М. Ф. Семёнова.

ИЗ ТОПОНИМИКИ ЛАТГАЛЕ

Язык как средство человеческого общения, как орудие обмена мыслями является продуктом всего общества в течение целого ряда эпох; он неразрывно связан со всей историей общества. Язык является одним из источников изучения истории народа. Поэтому возможно установить, какие влияния испытывал народ, носитель данного языка, в различные исторические периоды, какие языковые взаимоотношения наблюдаются на данной территории. Следовательно язык — явление историческое и как таковой должен изучаться, как в области словарного состава, так и грамматического строя. Данные истории словарного состава языка важны для установления истории взаимосвязей народов, так как словарный состав наиболее изменчивая часть языка.

Обратимся к исторической лексикологии, которая изучает лексику, словарный запас в историческом развитии, в тесной «неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»,¹ а именно к топонимике, изучающей собственные географические названия. Этот раздел еще мало разработан, но значение его очень велико. Данные топонимики проливают свет и на историю языка, и на историю народа. Топонимика тесно связана и с языкознанием, и с историей, и с археологией, и другими науками. А на стыке наук часто разрешается ряд смежных вопросов, выявляется новое, до сих пор неизвестное в науке.

Топонимический материал не только способствует изучению лексики местного населения, но и пополняет знания по общенационально-историческим и экономическим вопросам края. Это еще раз подтверждает, что язык — явление общественное, что «язык есть важнейшее средство человеческого общения»,² что

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, 1950, стр. 18.

² В. И. Ленин. О праве наций на самоопределение, 1945 г., стр. 4.

«язык порожден... всем ходом истории общества... в течение веков».¹

Географическая номенклатура хранит в себе такие свидетельства древнейших эпох и общественных отношений, которые не отражены в памятниках письменности, так как последние относятся к более позднему времени. Так, Ф. Энгельс в своем исследовании «Франкский диалект» указывает на огромное значение франкских топонимических названий в деле установления границ древнейшего племенного диалекта, что и доказывает мастерски.

Точную хронологию топонимики, правда, установить довольно трудно, так как топонимический материал, во-первых, не датирован, во-вторых, не всегда доходит до нас в первоначальном виде, и, в-третьих, многое уже утрачено из этого материала, так как в периоды эпидемий, моров иногда вымирает сплошь все население, и старые названия могут исчезнуть бесследно.

Наиболее древними являются названия рек, гор, земель и др., т. е. топографические названия, которые позднее переносятся на населенные пункты, деревни, хутора и т. д. Такие названия даются обычно местными жителями и сохраняются даже и тогда, когда это население исчезает.

Иногда же названия вносятся и из других языков с переселением отдельных лиц, групп или массовым переселением, причем часто переселенцы эти переносят на новые земли и свои старые, родные названия. Эти названия очень пестры, как по своему составу, так и по происхождению. Поэтому при анализе их необходимо считаться с местом их нахождения, другими окружающими названиями и составом населения.

Особенно важным является изучение топонимики в местах со смешанным населением. В местностях, где на протяжении веков сталкивались и смешивались разные народы, нередко наблюдается и перевод старых названий на язык нового народа, занявшего место старого.

Смешанный состав населения, разнообразные названия заставляют не только исторически, но и сравнительно изучать топонимику края, прибегать к сравнительно-историческому методу, который, несмотря на некоторые недостатки, позволяет ставить проблемы и решать их на марксистско-ленинской основе.

Существовали различные попытки классификации топонимических названий. Так, известный русский лингвист А. И. Со-

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, 1950 г., стр. 5.

боловский классифицирует топонимические названия, во-первых, по окончаниям, так как считает, что в окончаниях сохранились остатки нарицательных имен неизвестных нам языков со значением реки, воды и т. д. и, во-вторых, по созвучным элементам (слогам), в которых сохранились остатки разных нарицательных имен.¹ Это классификация по форме. Ее следует дополнить и анализом содержания, т. е. значения названий, связями с общественной жизнью. Правда, в другом месте («Живая старина», 1893 г., вып. 4) А. И. Соболевский иначе группирует топонимические названия, частично отмечая происхождение этих названий. Это, во-первых, племенные названия данные соседними племенами, и, во-вторых, образования от личных имен и прозвищ (на -ово, -овка).

Краткие указания на более полную классификацию мы находим у А. М. Селищева,² который относит к эпохе феодализма названия, указывающие на: 1) принадлежность кому-либо, 2) местоположение, ландшафт; к эпохе капитализма названия характера эмоционально-стилистического или социального; и, наконец, при социализме появляются новые названия, как результат новой политики. Более ранние, дофеодалные названия здесь не отмечены. Даже такие названия, которые образованы от слов, обозначающих явления растительного, животного мира и др. и входящих в основной словарный фонд, Селищев ошибочно относит к периоду феодализма.

Иную классификацию дает С. Б. Веселовский.³ Она относится, в основном, к древнейшим топонимическим названиям, но хронологически уточняет их употребление и изменение. Так, самыми древними названиями он считает производные от собственных имен. С XIV века уже в большом ходу прозвища, и названия образуются от них. Более поздние названия даются по храмам. Названия по именам и прозвищам часто иноязычного происхождения, но они не свидетельствуют о народной колонизации, а лишь о переселении отдельных состоятельных лиц, покупавших землю, которые, не будучи знакомы с местным языком и новыми условиями жизни, селились поблизости друг от друга. Названия, незафиксированные в документах, часто заменялись одно другим. Последнее отмечается до конца

¹ Как исследовать местные названия? Известия отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук, 1918 г.

² Из старой и новой топонимики. Труды Московского института истории, философии и литературы, т. V, 1939 г.

³ Топонимика на службе у истории. Исторические записки, вып. 17, 1945 г.

XV века. Кроме того, Веселовский еще обращает внимание на большое количество слобод до XV века. Особенно много их находилось на границах княжеств для защиты при княжеских междоусобицах и на окраинах на случай нападения иноплеменных соседей. Слободская форма поселений, игравшая огромную роль и в колонизации Руси, и в ее социально-экономическом укладе, выходит из употребления в центральных областях в XVI веке, а на окраинах сохраняется и позднее.

Все указанные классификации не полны, но каждая имеет и свою положительную сторону, то, что может быть учтено при дальнейшем анализе.

Все вышесказанное заставляет особенно пристально обратить внимание на ту территорию, где живем мы, изучить нашу топонимику в тесной связи с историческими судьбами края и языковыми наслоениями эпох. В этом отношении наибольший интерес представляет восточная часть Латвийской ССР, Латгале. Здесь в топонимических названиях мы находим элементы финских, балтийских и славянских языков. Это объясняется тем, что естественных границ на юге и востоке не было, а существовали они в виде лесов, болот и вод лишь между Латгалем и Видземе.

Материал по данному вопросу собран отчасти путем личного опроса местных жителей, отчасти путем анализа карт, главным же образом, использовано издание «*Latvijas vietu vārdi*» (1925. г. II d.) под редакцией проф. Я. М. Эндзелина, в котором даны списки топонимических названий. Данная работа является первой попыткой обработать указанный материал.

Что же представляет эта территория по составу населения с древнейших времен?

Из балтов следует здесь отметить лътьголу, леттов вдоль правого берега нижней Западной Двины, на что указывает и «Повесть временных лет» (1113 г.).

Соседнее славянское племя здесь только кривичи. Название кривичей упоминает не только «Повесть временных лет», памятник XII века, но и раньше, в X веке, Константин Багрянородный в своей книге «*De administrando imperio*» (949 г.).

П. Н. Третьяков считает, что «имя кривичи упрочилось в литовском языке для обозначения всех славян *krievai*»¹. Но слово *krievai* мы находим лишь в литовско-русском словаре Б. Серейского (1933 г.) и то с пометой «не употребляется». Обычным же для литовцев является *rusai*, *Rusija* — тоже

¹ П. Н. Третьяков. Восточно-славянские племена, 1948 г., стр. 120.

древнее название, но уже не племенное, а название народности. Гораздо важнее сопоставить с латышским *krievi*, *Krievija*, названиями общеупотребительными до наших дней, тем более, что латыши соседнили только с кривичами, в то время как литва, главным образом, с дреговичами.

Какие же существовали связи между указанными племенами и как долго? Торговых путей «из варяг в греки» было два, и один из них проходил через Рижский залив по З. Двине в Днепр и Черное море; им пользовались не только русские, но и скандинавы и др. Русские купцы, используя водный путь, везли свои товары балтам и вели с ними меновую торговлю. Следы этого сохранились в заимствованной из русского торговой терминологии — *birkavs*, *bagāts*, *mērs*, *tirgus*, *mūita*, *podš* и др. За ними шли дружинники, подчинявшие и облагавшие данью местное население, что засвидетельствовано такими заимствованиями из русского языка, как, например: *pagasts*, *grāva*, *sods*, *robeža* и др.

В IX—X вв. складываются феодальные отношения, образуются первые русские княжества. Одно из них, Полоцкое княжество, подчиняло себе и латышские племена. Влияние русских, таким образом, распространилось вплоть до Рижского залива.

К. Маркс отмечает, что земли латышских племен входили в состав Руси уже во времена Владимира Святославича; а введение христианства среди латышей историки относят ко времени крещения Руси Владимиром. Отсюда понятно то обилие русских заимствований, особенно в христианской терминологии, которое сохранилось до наших дней в латышском языке (*baznīca*, *gavēt*, *grēks*, *kristīt*, *zvangs*, *svēts*, *nedēļa*, *karogs*, *klanīties* и многие другие). О русском влиянии свидетельствуют и раскопки латышских могильников и некоторые местные названия, напр., *Valmiera*, калькированное с русского Володимърь.

Влияние русских до прихода немцев здесь было весьма велико. Почти вся латышская земля находилась под властью русских, которые здесь торговали, крестили, строили города и церкви. Придвинские земли, вплоть до устья З. Двины, были подчинены Полоцку. Б. А. Рыбаков¹ указывает, что в XII веке земли Полоцкого княжества занимали обширную территорию по правому берегу З. Двины. Об этом свидетельствует, во-первых, существование зависимых от Полоцка княжеств в XIII в., Герцике и Кукенойса, названия которых, по

¹ Ремесло древней Руси, 1948 г.

мнению многих исследователей, русского происхождения. В. Казакова и И. Шаскольский¹ отмечают, что Герцике — это измененное русское слово городище, так называли немцы и княжескую резиденцию в Новгороде, а Кукенойс, по их же мнению, значит нос (т. е. мыс) р. Кокны, Харузин же утверждает,² что название происходит от слов Кук(ушкин) нос. Вернее всего, думаю, следовало бы сопоставить с отмеченным у А. И. Попова³ Кукоозеро (с первым элементом финским kukk — петух), т. к. топонимические названия часто образуются здесь от названий птиц, а кроме того, иногда являются финско-славянскими; во-вторых, наличие, так называемых, Двинских камней вплоть до Ашерадена (Aizkraukle) с крестами и надписями, посвященными памяти полоцкого князя Бориса Всеславича (XII в.).

Проф. Я. М. Эндзелин указывает на то, что балто-славянские связи существовали до немецкой агрессии, затем были прерваны до XIX века.⁴ С этим мнением нельзя согласиться, так как, во-первых, торговля не прекращалась, о чем говорит большое количество торговых договоров, свидетельствующих о свободном торговом пути по З. Двине и по Гауе в XIII, XIV и XV вв.; и, во-вторых, военные походы новгородцев и псковичей доходили до Къси (Cēsis), и полочан до Гольма (Saiaspils), и в них принимали участие ливы и латыши так же, как и в последующие века. Да и в своем труде «Latviešu valodas gramatika» проф. Я. М. Эндзелин говорит только об ослаблении русского влияния, а не о полном прекращении его.

В XVI веке, во время Ливонской войны, почти вся Ливония к северу от Двины была в руках русских, а затем отошла к Польше по договору 1582 г. под названием Inflanty Polskie, и связь с Полоцком сохранилась. В XVII веке царь Алексей Михайлович дошел даже до Риги, а Двинск переименовал в Борисоглебск и Кукенойс в Царевичев Дмитриев град.

Прочные дружеские связи русских и латышей вели к тому, что русские, ведя войны с немецкими агрессорами, несли свободу и независимость латышам от угнетателей-немцев. Попытки Ивана IV, Алексея Михайловича отвоевать Ливонию у немцев имели огромное значение для латышей.

К концу XVII века относятся старообрядческие поселения, главным образом, в Двинском и Режицком уездах, наиболее

¹ Русь и Прибалтика в 9—17 вв., 1945 г.

² Археологические известия и заметки, т. 4, 1896 г.

³ Топонимика Белозерского края. Ученые записки ЛГУ, 1947 г.

⁴ Древнейшие славяно-балтийские языковые связи. Latvijas ZA Vēstis, Nr. 3, 1952.

удаленных от Московской Руси. Одним из таких населенных мест были Вышки, известные с XVII века. Преследуемые властями, старообрядцы бегут по З. Двине за границу, в Польшу, главным образом, из Тверской, Новгородской, Псковской и даже Черниговской губерний. Старообрядцы различных толков переселяются в разное время, с конца XVII в. до начала XIX в.

Все это были «вольные» люди, которых стали эксплуатировать поляки-феодалы, предоставляя им пустые, бездоходные помещичьи и монастырские земли.

После Северной войны (начало XVIII в.) по городам селятся русские военные и чиновники. В начале XIX в. вводятся аракчеевские военные поселения в Двинском уезде со штабом поселений в Ужвалде (Izvalta), которые ликвидируются только в 1856 г., а поселенцы зачисляются в государственные крестьяне.

Из других славян следует отметить переселенцев в имени Сапеги Варакляны (4 деревни) из Мазовии. Е. Романов считает, что это были не мазуры, а переселенные белорусы Белостокского уезда Гродненской губернии. Последнее вполне вероятно. В наше время, теперь, они уже не помнят о своем переселении, называются белохвостиками или подлатыщиной, кувырканцами, и в их речи отмечаются случаи влияния латышского языка, чего не наблюдается в речи старообрядцев, незнающих латышского языка и живущих обособленно. Возможно, что здесь следует искать и более древние следы переселения. Переселения же поляков возможны после присоединения к Польше, т. е. не раньше XVI века.

Как видно из всего вышесказанного, связи балтов и славян древние, не прерывавшиеся на протяжении всей истории, что отразилось в речи местного населения, в территориальных диалектах и топонимике края.

Во второй половине XIX века царское правительство притесняет малые народности, русифицирует край через школы, администрацию и церковь.

Польское восстание 1863 г. повело к запрету полякам покупать земли. Право покупки земли было предоставлено только православным, что повлекло за собой переселение русских из Псковской губернии, так называемых скобарей, сипаков (название дано по особенности произношения, смешению шипящих с свистящими). Местные поляки представляли в большинстве случаев ополяченных белорусов и ополяченных немцев. Доказательством последнего являются такие фамилии, как Borchova, Hilzenova и названия населенных пунктов, как

Eisbachova и др., где к немецкой основе прибавлен славянский суффикс.

П. И. Кушнер в статье «Этнические границы»¹ говорит, что белорусы-католики, становясь собственниками, выдают себя за поляков, так как стыдятся «простой» национальности, а поляки (мелкая шляхта), наоборот, «опрощаются», забывают польский язык, сближаются с белорусами. Ополячивание крестьян здесь незначительно, так как паны гордились тем, что речь их не холопская, а отличная, особая. Распространение же католичества способствовало еще большему закабалению крестьян.

Краткий обзор заселения края указывает на то, что на данной небольшой территории находились различные этнические группы, которые были тесно связаны в экономическом, политическом и культурном отношении. Это в известной мере отразилось и на языке местного населения. Сохранение же грамматического строя и основного словарного фонда каждого из языков указывает на то, что языкового скрещения здесь не произошло, хотя преобладающее славянское влияние несомненно, что заметно не только в языке, но и в материальной культуре.

XX век характеризуется совместной борьбой латышского и русского народов против царизма, революционной борьбой и сознательным стремлением к культуре и языку великого русского народа, от которого латышский народ был насильственно оторван лишь во время буржуазной Латвии.

Обратимся к лексике, а именно, к топонимике этого края, его местным названиям, и посмотрим, что дает этот материал для установления взаимоотношений на данной территории.

В работе будем пользоваться старым административным делением по уездам и волостям, что представляет известные удобства и облегчает ориентацию.

Топонимические названия Латгале сохранили ряд племенных названий. Так, в Двинском уезде названий, связанных с племенным названием кривичей, отмечено больше всего, 15²: krieveņi (3), kapu krievis, krieivāre (2), krieiveniškas, krieivu sala, krieivīpi, līcu krieivi, krieivujāpi, krieivaka, krieivēni, krieivciems (известен с 1354 г.), krieivu purvs.

Значительно меньше подобных названий в Режицком уезде (9): krieivbirzs, krieivbirznieki, krieivu vecaine, krieiveņi (2),

¹ Советская этнография, 1947, № 2.

² Топонимические названия будут даваться по-латышски, как они помечены на картах и даны в книге «Latvijas vietu vārdi».

krievmaize, krievi, puškrievi, krievu virauda и, наконец, совсем незначительное количество их в Люцинском уезде (3): krievīpi (2), krievēpi.

Подобные названия могли появиться в разные исторические периоды, как в связи с отдельными переселениями, так и колонизационными потоками, но количество местных названий по уездам, концентрация их в Двинском уезде, т. е. по водному пути, и постепенное уменьшение их в соседних уездах к северо-востоку свидетельствуют о пути проникновения этих названий, а, следовательно, и о древнейших путях русских поселений на территории современной Латвийской ССР с юга и юго-востока, где обитали полоцкие и смоленские кривичи, которые задолго до немецкой агрессии вели торговлю по З. Двине. «Rigische Schuldbuch» (Рижская долговая книга 1286—1352 г.) отмечает, например, Ивана из Режицы, владельца недвижимого имущества, постоянного жителя, который поселился здесь, вероятно, еще раньше, и других русских.

На южной территории встречаются и другие названия, связанные с именем русских, но, вероятно, более позднего происхождения. Так, в Двинском уезде: rusaķi, rusački, maskaļāni, maskava, maskaveča, в Режицком — rusiškas, в Люцинском — rusiņi.

Единичные названия: rusaķi, rusački, rusiņi, rusiškas — связаны с литовским названием русских rusai, литовским является и суффикс -išk- последнего названия. Эти названия могут быть отнесены к более поздней поре, эпохе Киевской Руси, когда в Прибалтику проникают киевские изделия в виде христианских символов, украшений, веретен.¹

Возникновение же названий: maskaļāni, maskava, maskaveča — следует отнести к Московскому периоду, т. е. не раньше XIV века. Первое из них связано с обычным наименованием русских литовцами — maskoliai — и белорусами — маскали.

Остальные названия появились, возможно, в результате перенесения родных наименований при переселении на новые территории, т. е. это явления более поздние. Путь распространения этих названий тот же, что и первых, т. е. вниз по Западной Двине. В Двинском уезде их 5, в Режицком 1 и в Люцинском 1. Эти названия указывают на русские поселения, главным образом, на территории Двинского уезда.

Таким образом, мы видим, что сохранившиеся племенные

¹ E. Spore. ZA Vēstures un materialās kultūras institūta arheoloģiskie izrakumi 1947. g. Latvijas PSR ZA Vēstis. 1948. — 11.

местные названия указывают на исторические пласты этнических связей латгалов с восточными славянами. Это с одной стороны, а с другой стороны выясняется, что узел всех этих схождения и столкновений сосредоточен на Двинском уезде, т. е. на водном пути «из варяг в греки», который был короче проходившего через Финский залив и удобнее (один волок). Следовательно, указанные выше названия могли возникнуть не в результате военных столкновений и борьбы, а вследствие экономических сношений и культурных связей.

Особый интерес представляет название *slabada* в связи с высказываниями С. Б. Веселовского о времени слободской формы поселений и о роли данных поселений. Указанное название встречается дважды в Двинском уезде, в Ликсненской волости у З. Двины, что вполне понятно, так как здесь мог находиться укрепленный пункт на торговом пути, и в Аулейской волости; трижды в Люцинском уезде: в Мердзенской волости (пограничной), Балтинавской и Качановской (*Kostava-slabada*) тоже пограничных. Их можно считать древними по происхождению. В Режицком уезде их 4. Последние, возможно, обозначали вольные поселения и только.

Вторая обширная группа топонимических названий Латгале указывает на их смешанный характер, что говорит об экономических, политических и культурных связях и схождениях племен и народов.

Местные названия — сложные слова со вторым компонентом «поле», «поль» — нередки и в Латгале, а словом «поле» уже в древней Руси обозначались различные урочища и населенные пункты, как об этом свидетельствуют летописи. Они могли возникнуть на основе словосочетаний, напр., Великое поле — Великополье.¹

Так, в Двинском уезде их 9, в Режицком 7, в Люцинском 11.

Первый же компонент сложных слов разнообразен. Это, во-первых, собственные имена, польские и белорусские: *antopole*, *franciskopole*, *janopole*, *annopole*, *martinopole*, *marinpole*, *marianpole*, *dorotpole*, *jezipole*, т. е. поле, принадлежащее Антону, Яну, Франциску и т. д. Вероятнее всего их следует отнести к периоду после XVI века, т. е. после присоединения латгальских земель к Польше на 200 лет; во-вторых, прилагательные — определения к слову «поле» — *zelepnopole*, *krasnopole* (красное, т. е. красивое поле). Эти названия исключают уже

¹ А. И. Лебедева. Словообразование в псковской топонимике. Ученые записки ЛГУ, № 198, вып. 24, 1956.

всякие сомнения в происхождении и значении второго компонента. Особо следует отметить название *augšpole*, где первый элемент латышский (*aukš*, т. е. верхний) сочетается с русским «поле» и образует сложное название; в-третьих, сочетание различных существительных—определений с определяемым словом «поле»: *gairole* (т. е. очень хорошее поле), *domorole* (на котором находится жилище, дом; поле при доме); *konēspole* (конечное, крайнее поле) и т. д. Название *rikorole* — вызывает несколько предположений: *rikorole* — далекое поле (см. словарь В. И. Даля: рык — мера расстояния) или звериное поле (рык — рев зверя). Но местные условия и сопоставления заставляют думать иначе. На северо-востоке встречаем населенный пункт *rikosari* (эст. *rikas* — богатый, *saar* — остров). Отсюда, возможно, и *rikorole* — богатое, урожайное поле. Имеется и топонимическое название Рыково. Это село принадлежало барону Рыку, но оно находится по другую сторону г. Режицы и не может быть сопоставлено с вышеупомянутым названием.

Подобные названия распространены почти равномерно на всей территории Латгале (несколько реже в Режицком уезде), так как «поле» — общеславянское слово и встречается в местах различных славянских поселений. Кроме того, они распространены на соседних территориях Польши и Псковщины.

Встречаются и другие сложные названия со вторым славянским элементом: *zaiā rušča* (в Двинском уезде), *vecslabada* (в Люцинском уезде), вероятно, с поздним переводом на латышский язык первого компонента, так как Старая Слобода встречается в списке Двинских и Люцинских городских и уездных земель 1784 г., а Пуща имеется в том же списке без всякого эпитета. Подобные переводы всего названия или части его на родной язык — явление известное в топонимике.

Единичны и другие случаи смещения. Так, наряду с *zilure* встречается *siēpure* с первым калькированным элементом (*zil-* = синь-), вероятно, более древнего происхождения. Доказательством этому служит указание «Книги большому чертежу» (XVII век): «В Великую реку пала река Синя с левой стороны, а вытекла из Синя озера». Да и в живой речи современного местного населения является общеупотребительным название реки — Синюха, а не *Zilure*.

Dvagure — возможно, с первым элементом литовским *dvas* (усадьба), но нахождение данного названия на севере Люцинского уезда в непосредственном соседстве с Видземе вряд ли может свидетельствовать о древнейшем литовском поселении на данной территории. Сопоставлять же с латышским диалект-

ным *dvārs* (ворота), думаю, также не вполне возможно. Скорее всего здесь русское «двор» с аканьем в первом слоге. Последнее объяснение, возможно, относится к *dvorcāni* (с «о» в ударном слоге) Двинского уезда. Но название *vesie dvāri* снова сближает с литовским.

Со вторым финским компонентом название реки *užoja* (*toja* — ручей) и местонахождение ее на севере Люцинского уезда свидетельствует о большой древности названия. А. М. Селищев, изучая разноязычные связи и изучая их в свете общественных отношений, также указывал на подобные иноязычные элементы в русском языке и на русские элементы в местных названиях. А. А. Потебня, поясняя причину возникновения подобных слов, пишет, что, если два или несколько языков привычны для говорящих, то мысль невольно обращается то к одному языку, то к другому. Экономические же связи народов, живущих смешанно на одной территории, способствуют языковому смешению и, в первую очередь, в топонимических названиях. Такие названия, как *lucmūža*, *smenu-līcītis*, *ivuškas-lācīši*, *babusala* (Двинский уезд) и другие являются результатом такого лексического смешения.

Но не только в сложных названиях мы наблюдаем подобное смешение, а и в словообразовании. Так, в Люцинском уезде находим *ostravieši*, *žikarieši* с латышским суффиксом и русским (остров) или белорусским (жыхар) корнем. Возможно, это — названия, данные поселениям пришельцев местным населением по месту переселения или по часто употребляемым ими словам. Название же *križāni* в Люцинском уезде тоже с латышским суффиксом, но с польским корнем, а *križuti* Режицкого уезда — польско-литовское, так как в известных условиях еще в XVII веке г в польском языке не повсеместно заменялось через *gz*.

Это отдельные слова. Кроме них, встречаются и целые группы названий с двумя наиболее распространенными суффиксами — *-ava/-eva* и *-avka*. Самыми распространенными являются слова на *-ava*. Этот суффикс встречается и в славянских, и в балтийских языках.

В Двинском уезде подобных названий отмечено 83, в Режицком 71, а в Люцинском их больше всего, 239. Количество этих названий указывает на путь их распространения с востока на запад, т. е. на сильное русское влияние, а значения их, относящиеся к названиям птиц, животных, растений, указывают на растительный и животный мир данной территории.

Образованы от названий птиц и животных:

а) русских: bikava (Д, Р); zaikava (Д, Р, Л)¹; babrova (Р); koņeva, kozlova, volkova, orlova, golubeva (Л);

б) латышских: gaigalava (Д, Р), alnava (Д), erzeļava (Р, Д), suņava, žagatava, kleperava, vaverava (Р); vilkava, briežava, kraukļava, lācava, medņava, vanagava, baluožava (Л) и др.

Образованы от названий растений:

а) русских: jadrova, maļinava (Д); gribkava, gruzdava (Л);

б) латышских: silava (Д, Л), karkļinava (Д), egļava, uguļeva (Р, Л), uozuolava, abeļava, žagarava, lazdava, elkšņava (Л).

Но сюда относятся не только названия из животного и растительного мира, но и слова, указывающие: 1) на характер местности:

а) русское: krutava (Л); б) латышское: dumbrava, tiltava, šļekātava, alingava, indrava (Д); ciršava (Р); dubļava, sviļava, skaistava, mārķava, gimstava, degušava, kalnačava, glizdava (Л);

2) на сельскохозяйственные орудия: а) общее русское, белорусское и латышское: ĵemešava (Л); б) латышское: ecižava (Р);

3) постройки: русское: гејava (Л);

4) предметы обихода и продукты питания: а) русские: juragava (Д) (юрага — пахтанье),² kvašņava, šaugunova (Л) (шалгун — котомка),² knutova (Р); б) латышские: puodinava (Р, Л), trumuļeva (Л);

5) социальные отношения:

а) русские: babinova (Д); kulakova, paņova (Р); golišova, pritikava, tovarova, bedņova (Л);

б) латышские: ubagova (Д, Р, Л), paudušava (Л).

Некоторые названия обозначают профессию: а) русские: stoļerova (Р); б) латышские: dzirkļava, medišova (Л).

Образованы от личных имен:

а) русских: borisava (Д, Р); markova, maksimova, konstantinova (Д); ivanova, antropova, jegorova (Р); michailova, ustinova, vladimirova, aksjonova, antipova, paņmova, pavlova, romanova, paškova, jaškova, miškinava (Л).

Наиболее древние четыре последние названия, так как мужские имена с суффиксом -к- часто встречаются уже в первых русских памятниках XI в. (напр., Дъмъка в новгородских служебных минеях 1095—1097 гг. и др.; хотя образования от христианских имен распространяются в XV—XVII вв.);

¹ Д — Двинский уезд; Р — Режицкий уезд; Л — Люцинский уезд.

² В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка.

б) польских и белорусских: jezupava (Д, Р), adumava (Д, Р, Л); jezupinava, ludvikava, kazimirava, magnusova, janava, justinava, juzava, vincentava, mateikava (Д); stanislava, paulinava (Р); augustava, bonifaceva, tomava, amficerava, felicia-pova (Л).

В этой группе преобладают названия по птицам, животным, растениям, характеру местности с латышским корнем слова, а названия по личным именам славянские.

Местные названия на -avka (-auka), т. е. славянским суффиксом, часто встречаются и с латышскими, даже финскими корнями, образуя смешанные слова. Иногда встречаются образования от одного корня с различными суффиксами, напр., medņava и medņauka.

Таких названий отмечено в Двинском уезде 22, в Режицком 15 и в Люцинском 12. Распределение по уездам указывает на обычный древнейший путь распространения с юга на северо-восток.

Эти названия также отражают: 1) животный мир края, пополняя список предшествовавшей группировки:

а) русские: baganovka, sobolevka (Р); rogovka, turovka (Л);

б) латышские: vardauka, putnavka (Д); raudauka (Д), medņevka (Д, Р), briežauka (Д).

Корни двух последних названий отмечены и в предшествующей группе.

2) растительный мир:

а) русские: berezovka (Д, Л); jablovka, malinovka (Л); bogovka (Д, Р);

б) латышские: lazduka, priedavka, skujavka (Д); bērzavka (Р).

3) характер местности:

а) русские: veterovka, zabludauka (Д);

б) латышские: ziemeļavka (Р), laipavka, likšņauka (Д). Последнее образование от названия реки.

4) социальные отношения: латышские: zeltavka (Д); labovka (Р), putrovka (Л) и единичное обозначение профессии — serovka (Л) (от финского serp — кузнец).

Образования от личных имен:

а) русских: dapiševka, timofejevka (Д); makarovka, artemovka (Р); ivanovka, stepanovka, antonovka (Л). Польских и белорусских имен с данным суффиксом не отмечено.

Еще можно отметить несколько мелких групп смешанного образования. Названия на -līsa (-īsa) проф. Я. М. Эндзелин¹

¹ Latviešu valodas skaņas un formas, 1939, стр. 95.

относит к заимствованиям из славянских языков. Их мы встречаем в небольшом количестве: в Двинском уезде 6, Режицком 12 и Люцинском 5. Наличие наибольшего количества названий в центральном уезде, где селились старообрядцы, может свидетельствовать о довольно позднем возникновении подобных названий. Тем более, что большинство образовано от русских корней со значением растений: *sasnica*, *jasenica* (Л); *aršīnica*, *rašīnica* (Р), причем последние два встречаются в диалектной форме с вставкой гласного между согласными; и от названия рек — *daugavica* (Р), *indrica* (Д, Л), что указывает на переход названий с топографических объектов на населенные пункты.

Интересны названия с развившимся l'-epentheticum после губных, что характерно для славянских языков и, в частности, для русского и белорусского. Это фонетическое явление отмечено исключительно в латышских названиях: *strupī*, *jaundzemlī*, *gumpī*, *purpī* (Р), *mauzīoblī* (Л). Так могли звучать латышские названия в устах русских.

Звуковая система языка значительно менее подвижна, чем лексический состав, так что приведенные названия могут указывать на следы глубокой древности, на древнейшие языковые, а, следовательно, и культурные связи латышей и восточных славян.

Кроме всех указанных названий, наглядно иллюстрирующих языковые связи, можно еще отметить ряд одноязычных, несмешанных названий на данной территории.

Не будем касаться естественно преобладающих латышских названий. Исследование их должно быть отдельной темой латышской лексикологии. Это проблема первостепенной важности, которую необходимо как можно скорее разрешить, так как это прольет свет на многие стороны и истории латышского языка, и истории латышского народа.

Вопрос литовских и финских топонимических названий данной территории может быть разрешен несомненно в тесной связи с латышской топонимикой.

Несколько слов о польских названиях. Их немного, и они иногда повторяются: *kovałki* (Л), *kavaļi* (Д), *križi*, *špaki* (Р), *premišļi*, *kudla* (Р), *červoniki* (Р), *tartaki* (Д), *gajevskaja* (Д), *troškys* (Р) и др. Как говорят сами названия, здесь значения те же, что и в предшествующих группировках, кроме единичного названия — *križi*.

Рассмотрим русские названия. Их довольно большое количество: в Двинском уезде 43, в Режицком 71 и в Люцинском 32. Возможно, что эта группа названий относится ко вре-

мени старообрядческих переселений конца XVII века, занимавших центральные районы. Среди них встречаются и различные суффиксальные образования, отмеченные на псковской территории.¹

Здесь мы также отмечаем образования:

1) по названиям животных: *zubri*, *tabuni* (Д), *sabaži* (Р); *košuški*, *čirki* (Р); *belkina*, *kazli*, *korovski*, *muraškina*, *pščelki*, *zezuška*, *bobri* (Л);

2) по названиям растений: *kačani*, *jelnieki* (Д); *dubi*, *baravaja* (Р); *greči*, *beleži*, *babij moch* (Л), *pušča* (Л, Р);

3) по характеру местности: *luži* (Д); *kuti* (Д, Л); *zatiši*, *poļanas*, *viški*, *poguļanka* (Д); *bugri* (Р), *sabalatje* (Р, Л); *požogi*, *kruki*, *kamenca*, *zamostje*, *bereski* (Р); *pleši*, *rika*, *kruti*, *zaceški*, *zaļesje*, *krutijeruče*, *orečina*, *ozerčina*, *lugi*, *zamšoviki*, *gori*, *gorki*, *gorskaja*, *poļanka* (Л);

4) по предметам обихода: *kastigi* (Д, Р), *lapati* (Д), *lukna* (Р, Д), *kalita*, *bunčuki* (Р); *jermaki* (Д).

5) по социальным отношениям: *bagdani*, *beduni* (Д), *kuti* (Д, Л), *bajari* (Д, Р), *krivoseļci*, *murovanka*, *vigoda* (Д); *karaji*, *butkas*, *šuti* (Д), *vaiivadi*, *graši*, *zabati*, *pritika*, *čatki* (Р), *lapatņiki*, *tribuki*, *pabriķi*, *osudari*, *kažuki*, *cerpina*, *voiti*, *chudjaki*, *kostreci* (Л);

6) по профессиям: *bandari* (Д, Р), *ribaki* (Д), *teļežņiki* (Л);

7) по переселенческим группам: *rabskaja* (Р) (рабские — одна из группировок старообрядцев); *zvopari* (Л), т. е. православные, так как у старообрядцев колоколов не было.

8) по личным именам: *makari*, *pavlinā kalns* (Д); *nazari*, *ivani*, *barisi*, *zuji*, *kuzmi*, *naumki*, *petrovskije* (Р); *tereški*, *kari-tani* (Харитон!), *volodkino*, *koļuškina*, *logini*, *petrušonki*, *fedorka* (с тем же древнерусским суффиксом -к-) *nesteri*, *tereči* (Л).

9) по названию церкви: *bogorodickaја*, *rokrova* (Л).

Здесь количественно преобладают названия третьей, пятой и восьмой групп.

Целую группу образуют названия с корнем нов-: *novij-dvoга* (Д); *noviķi*, *povoselje*, *novički* (Л), что указывает на новые земли, а преобладание этих названий в Люцинском уезде позволяет их отнести к позднейшим переселениям русских из Псковщины, так как на данной территории древнейшие русские поселения не установлены.

Интересны и названия *zastjenki* (Д), *zastenskije* (Л), кото-

¹ Ср. А. И. Лебедева. Словообразование в псковской топонимике. Ученые записки ЛГУ, № 198, вып. 24. 1956.

рые могут быть свидетельством о бегстве русских за рубеж, т. е. за стену, от преследований.

Названия *čornasti* (Л), *čornaja*, *černostje* (Р), от слова «черный» в древнейшем значении тягловый, податной, говорят о зависимом положении населения.

И последнее, что следует отметить в русской топонимике этого края, это то, что названия являются свидетельством древнейших диалектных особенностей, в данном случае лексических, а, следовательно, и некоторым материалом для исторической диалектологии. Приведем несколько примеров:

veremi (Л) — архаическая форма с полногласным сочетанием, отмеченная у И. И. Срезневского в «Материалах для словаря древнерусского языка»;

zezu|ka (Л) — в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля и в др. словарях слово «зезюля» (кукушка) отмечено как псковский диалектизм. Отсутствие яканья указывает на то, что это не белорусское слово;

kalita (Р) — большинство словарей дают значение «мешок, сума» и только «Словарь русского языка», составленный вторым отделением императорской Академии наук дает и другое значение: часть пахотного поля, кон — как новгородское слово. Последнее наиболее вероятно;

kastigi (Р, Д) — в словаре Даля дано слово «костыг» (крюк для лаптей) без указания места употребления, а в местных частушках, напр., «плетё лапти кастыгом» уясняется и значение, и распространение данного слова;

kuti (Д, Л) — слово «кут» в значении «угол» отмечает В. Даль и И. Срезневский, в том же значении встречается оно и в белорусском языке;

laguni (Р) — слово «лагун» в значении «боченок» встречается как новгородское слово у Даля и в словаре Академии наук;

ješki (Р) — от слова «леха» — борозда, полоса (псковское) в «Опыте областного великорусского словаря»;

lukpa (Р, Д) — у Даля и Срезневского отмечено в значении «лукошко, плетенка» как псковское слово;

ragazi (Р) — у Даля и Срезневского «рагоза» значит «раздор, ссора», но, кроме того, Даль отмечает и другие значения данного слова: 1) болотное растение; 2) рагожа (псковское); 3) сварливый человек;

gejava (Л) — у Даля слово «рей» встречается в значении «овин, рига» как псковское и западное слово; необходимо здесь отметить и латышское слово «*ģija*» с тем же значением;

ruozagi (Л) — от севернорусского «разорать» в значении

«распахать» или белорусского «разора» — глубокая борозда на пашне;

rudpa (Л) — от белорусского «руда, рудны» — грязь, грязный;

čadi (Р) — у Даля и Срезневского «чадь» в значении «дружина, челядь»;

čistigi (Л) — у Даля «чищега» отмечено как новгородское слово в значении «нива, подсека»;

čogi (Л) — у Даля «чеглый» в значении «беглый»;

šaugunova (Л) — от слова «шалгун» в значении «котомка, заплечный мешок» как псковское и новгородское слово;

juragava (Д) — от слова «юрага» в значении «пахтанье».

Как видно, большинство слов псковских и это вполне понятно, так как последний поток переселения сохранился наиболее прочно. Более древние потоки оставили также следы, но уже значительно стершиеся и немногочисленные.

Указанная лексика не вошла в общерусский язык. Она сохранилась в топонимике, как свидетельство об одном из тех русских территориальных диалектов, который потерял свою самобытность и растворился в общерусском языке.

На основании всего вышесказанного можно сделать следующие выводы.

Многочисленные и разнообразные топонимические названия данного края относятся к различным эпохам, что является доказательством существования различных древнейших поселений на нашей территории. Эти поселения носят названия латышские, русские, польские, белорусские, а также балтославянские, финно-славянские и др., что указывает на древнейший смешанный состав населения и на тесную связь носителей этих языков между собою. Устойчивость основного словарного фонда и грамматического строя привела к тому, что образование отдельных сложных слов не повело к скрещению самих языков, которые сохранились до сих пор.

По своему значению топонимические названия очень разнообразны. Они делятся:

1) по растительному и животному миру местности;

2) по топографическим названиям, что встречается значительно реже;

3) по племенным названиям;

4) по личным именам;

5) по храмам (очень редко) и

6) по социальному положению отдельных лиц и групп населения.

Первую группу можно отнести к древнейшему периоду, так

как названия животных и растений относятся к основному словарному фонду языка и характеризуют, в основном, местную природу. Древними надо считать и названия второй и третьей группы.

Что же касается четвертой группы, то эти названия могли возникнуть по имени владельца данного места или имени какого-нибудь выдающегося лица, и их можно считать не столь древними, как первые три группы. Все они славянского происхождения.

Пятая группа, естественно, связывается с периодом после принятия христианства, а шестая указывает на общественно-экономические связи и взаимоотношения местного населения эпохи феодализма и капитализма.

Русские названия свидетельствуют о трех основных потоках русских переселений: кривичском, северо-восточном (старообрядцы из Новгородской, Псковской и Тверской губерний) и псковском на данную территорию, причем особенно интересен первый поток, который труднее всего датировать и который (наряду с другими потоками) очень важно изучить, так как диалектные данные с изменением социально-экономического строя жизни современной деревни, с распространением литературного языка и вытеснением диалектов быстро исчезают, да и топонимические названия понемногу начинают заменяться новыми.

Топонимические названия свидетельствуют о древних тесных и непрерывных социально-экономических и культурных связях народов Прибалтики, в частности латышей и русских, об их мирном непрерывном сотрудничестве на протяжении многих столетий.

Т. И. Пабауская

О РАБОТЕ А. П. ЧЕХОВА НАД ЯЗЫКОМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В 90-Х — НАЧАЛЕ 900-Х ГОДОВ

Великий русский писатель А. П. Чехов вошел в историю отечественной и мировой литературы как замечательный художник слова.

Более полувека назад А. М. Горький назвал его «недосягаемым стилистом»,¹ и эти получившие широкую известность слова остаются справедливыми и в наше время.

По воспоминаниям современников, письмам самого Чехова известно, как много работал он над своими произведениями. «Литература ... это труд»,² «... это штука нелегкая, надо работать и работать»,³ — подобные высказывания типичны для Чехова, начиная со второй половины 80-х годов.

Требования, предъявляемые им к языку художественного произведения, росли с каждым годом, тем больше, чем дальше в прошлое уходило время спешного, срочного писания рассказов. Рукописи 90-х годов, по отзывам современников, напоминали «нотный лист — до такой степени часты были зачеркнутые жирные места».⁴

Особенно наглядно выявилась эта большая требовательность Чехова, его высокое чувство ответственности перед читателем в период подготовки им собрания своих сочинений, вышедшего в издании А. Ф. Маркса (1899—1901 гг.).

Почти все произведения, отобранные автором для включе-

¹ М. Горький и А. Чехов. Переписка. Статьи. Высказывания. М., Гослитиздат, 1951 г. стр. 125.

² Письмо Ал. П. Чехову, 6/IV 1886 г. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем. М., Гослитиздат, 1944—1951, т. 13, стр. 203. Все дальнейшие выдержки из писем А. П. Чехова приводятся по этому изданию.

³ А. С. Лазарев-Грузинский. А. П. Чехов. Сб. «Чехов в воспоминаниях современников», М., 1952, стр. 96.

⁴ М. О. Меньшиков. Памяти А. П. Чехова, «Новое время», 1904 г. № 10186.

ния в собрание сочинений, подверглись тщательному редактированию.

В основу настоящей статьи легли наблюдения над языковыми правками, заключенными в рукописях чеховских повестей и рассказов 90-х — начала 900-х годов и корректурах переиздаваемых в этот же период произведений, первые редакции которых относятся к различным годам.

Изучение рукописей и корректур позволяет восстановить ход работы писателя над произведением, хотя, разумеется, не полностью, так как отбор нужных писателю речевых средств происходит во многом до нанесения их на бумагу. («Нужно, чтоб каждая фраза прежде, чем лечь на бумагу, пролежала в мозгу дня два и обмаслилась». ¹) Языковые правки, часто представляющие собою различные способы выражения одной и той же мысли, позволяют судить о том, какие языковые категории предпочитал писатель и какие он отвергал. Изучение правок дает возможность установить некоторые закономерности в работе писателя над языком произведений, проследить эволюцию его языка и слога.

Рукописное наследие А. П. Чехова (имеем здесь в виду рукописи только его художественных произведений) невелико. От рукописей нескольких сот произведений, созданных им за четверть века его литературной деятельности, уцелело всего около тридцати. В отличие от многих писателей Чехов не только не хранил своих рукописей, но, напротив, сознательно уничтожал их. Можно сказать, что он сделал все возможное, чтобы его черновые автографы не дошли до исследователей.

В пору сотрудничества в юмористических журналах, когда количество создаваемых за месяц произведений исчислялось десятками, Чехов нередко отсылал в редакцию прямо черновые рукописи, не переписывая их и, очевидно, не оставляя себе копий. ²

Надо полагать, что в этот ранний период творчества он вообще не вел строгого учета своим появляющимся в печати произведениям, не отмечал для себя, когда, где и под каким псевдонимом они выходили. Это можно заключить из того, что когда в 1898 году по договору с издателем Марксом Чехов приступил к подготовке материала для собрания сочинений, то

¹ Письмо А. П. Чехова А. С. Лазареву-Грузинскому 13/III 1890 г., т. 15, стр. 33.

² «Рукописей я не перебелию. Чаще всего я отсылаю черновики, перебелию же только для «Осколков» и то иногда... Такие же вещи, как посылаемая, я пишу обыкновенно наотмашь» (Письмо Н. А. Лейкину, 20/X 1885 г., т. 13, стр. 148).

собрать рассказы, печатавшиеся в журналах 80-х годов под различными псевдонимами (добыть «из пучин прошлого своих по всему свету разбросанных детищ»¹) оказалось весьма нелегким делом.

Переписка 1898—99 гг. содержит просьбы к различным лицам просмотреть комплекты журналов и газет 80-х годов с целью разыскать рассказы Антоши Чехонте, Человека без селезенки и т. д., во многом забытые их автором к концу 90-х годов.

Обыкновение уничтожать рукописи, не оставляя для себя копий с отосланных в редакцию произведений, видимо, сохранилось у Чехова на всю жизнь. Это подтверждается прежде всего тем фактом, что в его рукописном наследии также не оказалось, за весьма небольшим исключением, ни черновых, ни беловых рукописей, относящихся к последнему периоду.

Это подтверждают и некоторые письма Чехова, относящиеся к различным годам, из которых видно, что он, едва создав новый вариант произведения, уничтожал ранее написанное, рвал варианты, от которых отказывался.

«...едва успев кончить повесть и измучившись, я разбежался и по инерции написал четырехактного «Лешего», написал снова, **уничтожив все, написанное весной**».²

(Здесь и дальше подчеркнуто нами — Т. П.)

«Композиция его немножко сложна, я путался и **часто рвал то, что писал**, целыми днями был недоволен своей работой — оттого до сих пор и не кончил», — писал Чехов А. С. Суворину 6/VIII 1891 года в период работы над рассказом «Дуэль».³

Обыкновение Чехова не оставлять у себя копий, а также уничтожать черновики граничило иной раз с неосторожностью. Судя по одному из писем к О. Л. Книппер, он и сам сознавал это. Отправив из Ялты в Москву рукопись пьесы «Вишневый сад», Чехов просит жену, у которой некоторое время находилась пьеса, быть осторожнее: «...ты пишешь, что пьеса у тебя; ведь **это единственный экземпляр**, смотри не потеряй, а то выйдет очень смешно. **Черновые листы я уже сжег**».⁴

В воспоминаниях одного из современников Чехова приводятся его слова о том, что рукописное наследие не представ-

¹ Письмо П. А. Сергеевко 31/I 1899 года, т. 18, стр. 53.

² Письмо А. С. Суворину, 13/X 1889 г., т. 14, стр. 412.

³ т. 15, стр. 228.

⁴ Письмо О. Л. Книппер, 3/XI 1903 г., т. 20, стр. 174.

ляет какой-либо ценности, на суд читателя должен представляться окончательный вариант произведения и не должно становиться известным то, что сам автор отверг.¹

Только счастливой случайностью, вероятно, можно объяснить то, что некоторая часть рукописного наследия Чехова сохранилась. К 90-м годам относится значительно меньшая часть дошедших до нас рукописей, примерно третья часть.

Единственным дошедшим до нас автографом законченного рассказа последнего периода творчества является черновая рукопись рассказа «Невеста». Сохранились черновики нескольких произведений, оставшихся незавершенными: «У Зелениных», «Красавицы», «Шульц», «Калека», «Письмо», «Расстройство компенсации». Точные даты работы над этими вещами неизвестны, предположительно эти неоконченные произведения относятся к середине 90-х и началу 900-х годов. Известны черновые рукописи двух глав повести «Мужики» (10-й и 11-й); не вошедших в окончательный текст этого произведения.

То обстоятельство, что архивы журналов и газет, где печатался Чехов, не найдены, делает невозможным знакомство с беловыми рукописями, с которых набирался текст его произведений. Известны беловые рукописи лишь трех рассказов 90-х годов: «Ариадна», «Ионыч» и «У знакомых», а также гранки двух корректур рассказа «Невеста», написанного в 1903 году.

Знакомство с чеховскими рукописями 90-х — начала 900-х годов убеждает в том, что в этот период творчества Чехов чрезвычайно много и упорно работал над языком своих произведений. Он выработал ряд приемов письма, которые применял в своей практике сам и настойчиво советовал применять другим писателям.

Требовательность его не снижалась, а росла с каждым годом. До последнего дня работы Чехов не отступал от своего правила — «люто марать»: «...я не хочу признавать рассказов без помарок. Надо люто марать».²

От конца 80-х годов рукописей не сохранилось. Но письма Чехова этого периода свидетельствуют о том, что «маранье» становится системой работы писателя уже в середине 80-х годов. Большое значение придавал Чехов правке корректур. Письма 90-х годов содержат многократные просьбы выслать корректуру, чтобы «сделать конец» произведения или «отшлифовать», «полакировать».

¹ См. Р. Сементковский. «Встречи и столкновения». «Русская старина». 1911, кн. XII, стр. 511—512.

² Письмо Ал. П. Чехову, 30/IV 1893 г., т. 16, стр. 62.

Ценнейшим материалом для исследователей являются черновая рукопись рассказа «Невеста» и сохранившиеся гранки 1-й и 2-й корректур этого произведения с авторской правкой.

Внешний вид черновой рукописи «Невесты» может быть охарактеризован словами Чехова о рукописях писателей-мастеров:

«...рукописи всех настоящих мастеров испачканы, перечеркнуты вдоль и поперек, потерты и покрыты латками, в свою очередь перечеркнутыми и изгаженными».¹

Огромное количество вычеркиваний, вставок, многократных замен говорит о сложнейшей работе над языком, о неоднократном возвращении к написанному, переделке его.

Такой вид рукописей, очевидно, нужно признать типичным для работы над произведениями в эти годы. Это подтверждается черновыми рукописями незаконченных произведений этого периода, содержащими большое количество правок. Незавершенность произведений не дает возможности сделать выводы об их идейном содержании, характере образов, а это в ряде случаев не позволяет судить и о мотивах языковых исправлений. Однако эти рукописи также представляют большую ценность при исследовании вопроса о работе Чехова над языком произведений. Здесь имеются, в частности, исправления, аналогичные правкам в черновом варианте «Невесты».

Не менее сложным и трудоемким был процесс редактирования рассказов и повестей для переиздания их в последние годы творческой деятельности. Особенно показателен материал корректур произведений, отбравшихся Чеховым для собрания сочинений.

Чехов включил в собрание сочинений далеко не все произведения: рассказы 1880—1882 годов и многие из написанных в последующие годы были отвергнуты писателем. Большая часть рассказов и повестей была значительно переработана, однако ошибочно утверждение некоторых исследователей творчества Чехова о том, что сильному изменению подвергся текст всех без исключения ранних произведений, подготовленных автором для собрания сочинений.²

Ряд произведений 80-х и 90-х годов вошел в собрание сочинений или совсем без изменений или с очень незначительными исправлениями. Правка для других изданий, не для собрания сочинений, как правило, не носила характера коренной

¹ Письмо А. С. Лазареву-Грузинскому, 13/III 1890 г., том 15, стр. 33.

² Такое утверждение содержится, например, в диссертации Самойлова «Эстетические взгляды А. П. Чехова», М., 1955, стр. 35.

переработки произведения. Лишь в отдельных случаях рассказ переделывался очень значительно, как, например, рассказ 1884 г. «В море»; который при переиздании был подвергнут автором тщательной лексико-стилистической правке, в результате чего получился по существу новый рассказ. Однако, это было уже в 1901 году, т. е. время правки этого рассказа совпадает с периодом работы над подготовкой собрания сочинений.

В общем же, надо полагать, что больше всего внимания уделял Чехов корректированию прежде созданных произведений именно во время подготовки собрания сочинений, в чём проявилось и внимание Чехова к будущим читателям, желание оставить им лучшее из своего творчества.

Гранки корректур произведений, вновь подготовленных Чеховым к печати (как для собрания сочинений, так и для других изданий), за редким исключением, не сохранились. Но их можно восстановить путем сопоставления первых и следующих редакций одного и того же произведения.¹ Внешне приметы чеховской корректуры этих лет — те же, что и рукописи: большое количество зачёркиваний, вставок, изменение порядка слов. Во многом сходны и мотивы исправлений.

Работа писателя над языком произведений — очень сложный процесс. Даже имея перед собой рукопись, в которой все слова поддаются прочтению, не легко бывает установить, в какой последовательности вычеркивались или вписывались отдельные слова и выражения. Нередко одно предложение содержит примеры и сокращения, и введения новых слов, синонимических или несинонимических замен.

Далеко не все исправления поддаются объяснению, о мотивах многих правок можно говорить только предположительно, но тем не менее анализ исправлений позволяет установить некоторые закономерности в работе Чехова над языком произведений. Во многом помогает здесь обращение ко взглядам писателя на язык художественного произведения, к его советам молодым писателям. Художественная практика писателя, подтверждая его лингво-стилистические взгляды, помогает в то же время гораздо глубже уяснить их.

Среди чеховских высказываний о литературе и языке едва ли не первое место занимают суждения о необходимости добиваться краткости, под которой он разумеет не малый объем

¹ Работа по выявлению вариантов текста была проделана Гослитиздатом при подготовке полного 20-томного собрания сочинений и писем А. П. Чехова, вышедшего в 1944—1951 годах, однако в комментариях к произведениям опубликована лишь малая часть этих вариантов.

произведения, а предельную сжатость описаний и характеристик, отсутствие всего, что не относится прямо к рассказу. В письмах, адресованных различным писателям, настойчиво повторяются советы сократить произведение, сократить не только за счет того, что «начать прямо со второй страницы», «оторвать первую половину рассказа» и т. п.

Сжатое, компактное произведение предполагает очень большую, трудоемкую работу по отбору действительно нужных писателю речевых средств, устранению ненужных слов и предложений. Немало замечаний у Чехова о «лишних словах», которые надо вычеркивать, о словах иноязычных, книжных, малоупотребительных, которых следует избегать, о провинциализмах и вульгаризмах, лишающих язык изящества и простоты.

В корректурах и рукописях Чехова содержатся многочисленные примеры исправлений в этом плане.

В письме А. С. Суворину, относящемся ко времени работы над рассказом «Дуэль», Чехов указал на одну особенность своей правки: «Если отложите печатание его (рассказа «Дуэль» — Т. П.) до осени, то я в Москве прочту корректуру — от этого рассказ не потеряет, а касса «Нового времени» только выиграет, так как **моя корректура всегда сокращает число строк**».¹ Правда, в письме говорится о корректуре впервые печатающихся произведений, но эти слова Чехова могут, хотя и не безоговорочно, характеризовать его работу над многими произведениями.

Различные случаи сокращения первых вариантов текста — за счет вычеркивания из них как отдельных слов и выражений, так и целых предложений, абзацев — занимают весьма существенное место в работе Чехова над рукописью и корректурой в 90-е годы.

Вычеркивание не обязательно сокращало объем произведения. В большей части случаев оно сопровождалось введением новых речевых средств, заменой устраненных слов и выражений новыми.

Вычеркивания, замены, добавления, изменение порядка слов — все эти приемы тесно связаны между собой в работе Чехова над текстом и рукописей, и корректур.

Правя текст, Чехов всегда исходил из содержания и звучания не отдельного предложения, а всего рассказа. Этим в значительной мере объясняется, почему Чехов в сходных случаях использует различные виды правки.

¹ Письмо А. С. Суворину 18/VIII 1891 г., т. 15, стр. 233.

Некоторые виды правки встречаются только в корректуре переиздаваемых произведений и совсем отсутствуют в рукописях. Таковы, например, исправления, связанные с устранением элементов лексики сниженного стиля, внешне комических деталей, иноязычной лексики.

Остановимся на некоторых из указанных видов исправлений, главным образом, из числа типичных для работы Чехова и над рукописью, и над корректурой.

Чехов показал себя большим мастером в умении находить такие «лишние слова», которые не считались лишними не только его предшественниками и современниками, но и им самим в начале творчества. Многочисленные примеры такого рода устранений представлены в рукописях и корректурах рассказа «Невеста», в черновиках неоконченных произведений, они выявляются и при сопоставлении первых редакций ранних произведений с их последними вариантами.

Значительную часть лексики, вычеркиваемой Чеховым из рукописей и корректур, составляют слова и словосочетания, устранение которых никак не изменяет смысла предложения. Будучи вычеркнутыми, они подразумеваются, так как включение их обусловлено содержанием данного предложения или предыдущего.

По своему месту в предложении вычеркиваемые слова и словосочетания являются чаще всего второстепенными членами предложения: обстоятельствами, дополнениями, определениями.

«Андрей Андреич привел ее в ванную, и здесь дотронулся до крана, вделанного в стену, и (из крана) вдруг потекла вода»¹ («Невеста», черновая рукопись).

Уже в черновой рукописи Чехов вычеркнул обстоятельство места «из крана», вероятно, по следующим соображениям: слово «крана» повторялось в предложении дважды, между тем употребление его во втором случае не вызывалось необходимостью, так как из всего предложения ясно было, что вода потекла именно из крана.

«К ней пришла Нина Ивановна» («Невеста», черновая рукопись). После слова «к ней» было написано «в спальню», потом зачеркнуто «спальню» и начато — «ко» — очевидно, первый слог «комнату», затем зачерк-

¹ Здесь, как и в дальнейших примерах, в скобки заключены слова, удаленные автором из текста в процессе работы над ним.

нуты и «ко» и предлог «в»: Несколько выше говорилось: «Вечером Надя легла спать», и это предложение делало пояснение «в комнату» или «в спальню» излишним. «После чаю Надя вошла (в комнату) к Саше» (там же). В процессе написания этого предложения Чехов зачеркнул «в комнату»: раньше говорилось о том, что у Саши в доме Шуминых была своя комната.

«Слышно было, как внизу вошли в башню, и (потом) через минуту на валу показалась черная собака...» («У знакомых», беловая рукопись).

Обстоятельство времени «потом» зачеркнуто в беловой рукописи рассказа, вероятно, потому, что его содержание вполне передается следующим обстоятельством «через минуту».

Немало правок подобного рода находим и в черновой рукописи большого труда «Остров Сахалин». Например:

«Но тут новая беда: развело порядочную зыбь, и лодочки-гиляки не соглашаются везти (в такую зыбь) ни за какие деньги» («Остров Сахалин», черновая рукопись).

«Пока я плыл по Амуру, у меня было такое чувство, как будто я не в России, а где-то (за границей) в Патагонии или Техасе...» (там же).

По аналогичным причинам удаляются из текста и некоторые дополнения.

«... вошла Нина Ивановна в одной сорочке со свечой (в руке)» («Невеста», черновая рукопись). Дополнение «в руке» не вносит в предложение нового содержания.

«Но вот он, пройдя немного парком, вышел на еловую аллею, длинную и темную, сквозь которую по вечерам был виден закат (солнца)» («Расстройство компенсации», черновая рукопись).

В процессе работы над рукописью или корректурой снимаются многие определения, выраженные прилагательными. На признак, обозначаемый ими, указывают другие слова или все предложение в целом, и поэтому содержание предложения в новой редакции не отличается от первоначального.

«Сначала мы шли по мощеному двору мимо (кирпичных) фабричных корпусов...» («Красавицы», черновой автограф).

Определение «фабричные» делало лишним второе определение, так как фабричные корпуса строились обычно из кирпича.

Предложение «Ветер стучал в ставни, в крышу...» в чер-

новой рукописи «Невесты» сначала имело определение «сильный» к слову «ветер». Чехов снял его: то что ветер был сильный, поясняли следующие слова: «стучал в ставни, в крышу».

Из словосочетания «томительное ожидание» устраняется определение, поскольку все содержание предложения указывает именно на такой характер ожидания:

«Я знал, что самовар будут ставить целый час, что душка будет пить чай не менее часа и потом ляжет спать часа на два, на три, что у меня четверть дня уйдет на (томительное) ожидание, после которого опять жара, пыль, тряские дороги» («Красавицы»).

По этим же мотивам устраняются не только отдельные слова, но также и целые словосочетания, представляющие собою один из главных или второстепенных членов предложения с относящимися к нему пояснительными словами. Имеются и случаи устранения одной из частей сложного предложения.

Например, из предложения «Слышно было, как где-то далеко стучал сторож» вычеркиваются первые три слова. Конструкция предложения в результате вычеркивания упрощается, а смысл никак не изменяется. Если говорится, что где-то стучал сторож, значит, было слышно, как он стучал, следовательно, ненужными оказываются слова «слышно было, как».

Правки такого характера составляют довольно большую часть разночтений, обнаруживающихся при сопоставлении первых редакций рассказов 80-х годов с их последующими вариантами.

«Волосы мои стали дыбом и зашевелились, когда с окна сорвалась ставня и полетела (вниз) на землю» («Кривое зеркало»); «...умирая, просила положить его в ее гроб. Не исполнили ее (последнего) желания только потому, что зеркало не влезло в гроб» (там же). Слова «вниз», «последнего» относятся к тем «лишним словам», которые Чехов настоятельно советовал устранять из текста произведений.

«От наших ног (вниз) до самой земли тянется покатая (льдяная) плоскость, в которую (кокетка-)солнце глядится, как в зеркало. Возле нас (стоят) маленькие санки, обитые яркочерным сукном» («Шуточка»).

В предыдущем предложении говорилось, что герои рассказа стоят на высокой горе, это делало излишним обстоятельство «вниз». Действие происходит зимой; поверхность горы отражает солнце, следовательно, речь идет о ледяной горе, и определение «льдяная» может быть без ущерба для содержа-

ния удалено. Не является обязательным и сказуемое «стоят», выраженное глаголом, не вносившим в предложение нового, имевшим здесь формальное значение. Без него предложение (конструкция которого изменилась) стало короче и выразительнее. Было устранено и приложение к «солнце» — «кокетка», не соответствовавшее стилю второй редакции рассказа. Того же порядка исключение слова «Наденьку» из предложения:

«Съедемте вниз, Надежда Петровна! — умоляю я (Наденьку)» (там же). Или из начала предложения: «Все пространство (идушее) от ее маленьких калош...» (там же) — исключено определение «идушее» как лишнее. Его устранение объясняется, вероятно, и стремлением освободиться от причастного оборота, придававшего предложению налет книжности.

К этой группе исправлений следует отнести и устранение одного из нескольких синонимов при работе над рукописью и корректурой.

«Радостная, (довольная), пьяная, полная новых впечатлений, замученная, она разделась, повалилась в постель и точас же уснула» («Анна на шее»).

Это предложение в первой редакции рассказа содержало пять определений: «довольная» являлось синонимом к «радостная»; каждое из остальных определений вносило в характеристику Ани что-то новое. Устранение в корректуре слова «довольная» не отразилось на содержании предложения и избавило его от некоторой перегруженности определениями.

«Он повторяется и уже, по-видимому, стал прискучать, утомлять и в то же время в словах его столько прекрасного, (чудесного, обворожительного)» (черновая рукопись «Невесты»).

В белой рукописи предложение более короткое: из трех синонимов — «прекрасного, чудесного, обворожительного» оставлен только один — «прекрасного».

«Правда, лететь с горы попрежнему страшно (и ужасно)...» — взятое в скобки устранено в последней редакции «Шуточки». Удаление одного из синонимов, вероятно, имело целью освободиться от ненужного повторения и выправить неудачный стиль предложения журнальной редакции.

Подобные примеры обнаруживаются и при сопоставлении редакций рассказа «Нахлебники» (1886 и 1887 г. с ред. 1891 г.):

«По давнишней (застарелой) привычке он долго стоял перед образом и молился.»

«Спать не хотелось, лежать было очень мягко, (неудобно), неловко...» («Невеста», черновая рукопись).

Иногда устраняются целые словосочетания, синонимичные по значению другим словам предложения. Например:

«В ней уже сидел бес, который день и ночь шептал ей, что она очаровательна, божественна, (создана для поклонения)...» («Ариадна», беловая рукопись).

Словосочетание «создана для поклонения» в этом предложении выражает по существу то же, что и «очаровательна, божественна», и поэтому оно было снято, очевидно, в корректуре, так как его нет уже в первом печатном тексте в отличие от беловой рукописи. Устранялся один из синонимов, менее удачный в стилистическом отношении:

«Ворча и разговаривая с самим собой, Зотов надел свое (колоколообразное) похожее на кринолин пальто...» («Нахлебники»).

Сокращение текста проводилось Чеховым и за счёт вычеркивания слов, которые хотя и вносили что-то новое в содержание предложения, но эта новая деталь не являлась необходимой для характеристики персонажа, описания обстановки. Здесь много случаев устранения определений, особенно из описания внешности персонажа.

«Тут он увидел молодого человека с тощим (угреватым) лицом и в коломенковом пиджаке с оттопыренными карманами — это был письмоводитель...» («Неприятность»).

«...отец Андрей, старик, худощавый, (с острой бородкой,) беззубый и с таким выражением, будто собирался рассказать что-то очень смешное» («Невеста», черновая рукопись).

Устраняемые определения являются обычно наименее существенными для характеристики персонажа.

«Земский врач Григорий Иванович Овчинников, (высокий, бледнолицый брюнет), человек лет 35, худосочный и нервный, известный своим товарищам небольшими работами по медицинской статистике и горячею привязанностью к так называемым «бытовым вопросам», как-то утром делал у себя в больнице обход палат» («Неприятность»).

«Все пространство, (идущее) от ее маленьких калош (с мерлушковой опушкой) до подошвы ледяной горы, кажется ей страшной, неизмеримо глубокой пропастью» («Шуточка», журнальная редакция 1886 г.).

«...у Наденьки, которая держит меня под руку, покрываются серебристым инеем кудряшки на висках и (едва заметный) пушок над верхней губой...» (там же).

Стремлением к краткости в изложении, к простоте языка объясняется и такой вид правки, как отказ от некоторых сравнений, сравнительных оборотов. Примеры вычеркивания сравнений имеются и в рукописях, и в корректурах.

В процессе правки в 90-е годы ранних рассказов устраняются избитые, трафаретные сравнения, свойственные до некоторой степени стилю Антоши Чехонте.

«Ее тоненькие ручки и ножки дрожали (как осино-вый лист)» («Трагик», журнал «Осколки» 1883 г. № 41).

«Ей «нравится» это катанье, а между тем, садясь в санки, она, как и в те разы, бледна, еле дышит от страха (и) дрожит (как лист)» («Шуточка», первая редакция).

«Дул холодный, сырой ветер. Он хлестал по нашим лицам (как плетью)...» («В море», журнал «Мирской толк», 1883 г., № 40).

«Все пространство от ее маленьких калош до конца ледяной горы кажется ей страшной, неизмеримо глубокой пропастью» («Шуточка», последняя редакция).

«...у Наденьки, которая держит меня под руку, покрываются серебристым инеем кудри на висках и пушок над верхней губой» (там же).

«Ее тоненькие ручки и ножки дрожали (Текст 1899 г.).

«Дул холодный, сырой ветер. Он бил по лицам...» («Ночью», Альманах «Северные цветы», 1901 г.).

В последней редакции 1903 года второе предложение было совсем снято. В последних редакциях рассказа «В море» («Ночью») отсутствуют многие избитые ложнокрасивые сравнения, входившие в первопечатную редакцию:

«Новобрачная... стройная, (как мечта)...»; «...тонкой (как шелк) пилкой». Вместо «...читать на лицах с кожей тонкой, как паутина», во второй редакции стало: «читать на лицах, таких прекрасных лицах!» (В третьей редакции это предложение отсутствует).

В ранних рассказах сравнения нередко являлись одним из средств юмора. Сохраняя при позднейшей переработке юмористическую окраску рассказа в целом, Чехов однако устранял многие из этих сравнений, если они не отвечали требованиям высокой художественности.

«Она побледнела, затряслась всеми членами и взвизгнула, (как шенок, которому наступили на хвост)» («Кривое зеркало», редакция 1883 г.).

В последней редакции 1899 г. остается только первая часть предложения, причем сказуемое «взвизгнула» заменяется более нейтральным «вскрикнула»; сравнение, столь характерное для Антоши Чехонте, снимается вовсе.

Вероятно, в стилистических целях устраняются некоторые сравнения из поздних произведений, написанных целиком в манере зрелого Чехова. Это развернутые сравнительные обороты, в состав которых входят придаточные предложения. Например:

«Ирония Орлова и его друзей не знала пределов и (подобно больному волку, который на своем пути рвет все, — и людей, и солому, и камни), не щадила никого и ничего» («Рассказ неизвестного человека», 1893 г.). «Когда Поля подавала ей что-нибудь или даже только проходила мимо, звеня своим браслетом и треща юбками, то она вздрагивала (и пугливо пожималась, как будто мимо нее проходила буйволица, которая могла задеть ее рогами и хвостом)» (там же).

Эти предложения в первой редакции, благодаря большим по объему и не простым по конструкции сравнительным оборотам выпадали из общего стиля рассказа.

В письме А. М. Горькому от 3.IX-99 г. Чехов советовал:

«...читая корректуру, **вычеркивайте, где можно, определения существительных и глаголов.** У Вас так много определений, что вниманию читателя трудно разобраться и он утомляется»¹. Предложение, перегруженное определениями, «неудобопонятно и тяжеловато для мозгов».¹

¹ Т. 18, стр. 221.

Рукописи, корректуры чеховских произведений дают многочисленные примеры устранения «определений существительных и глаголов», т. е. слов определительного и обстоятельного типа.

*

Очень широко используется Чеховым и другой прием, имеющий целью удалить из текста все ненужное, маловыразительное, недостаточно ясно передающее авторский замысел или просто малоудачное в стилистическом отношении, — прием, при котором вычеркивание слов и выражений является лишь одной стороной работы; вторую составляет введение новых слов (словосочетаний, частей предложения) на место удаленных.

Если при сокращении приходится говорить, главным образом, о второстепенных членах предложения, то замены касаются и второстепенных, и главных членов; вычеркивание последних без замены нарушало бы в большинстве случаев грамматическую правильность и смысл предложения.

Этот вид правки, называемый в дальнейшем для удобства «замены», широко представлен в рукописях 90-х годов и составляет большой процент разночтений, обнаруживающихся при сопоставлении первопечатного и переизданного текстов.

Отдавая предпочтение коренным русским словам перед иноязычными по происхождению, Чехов из русской лексики отбирал наиболее распространенную в общенародном языке. Отсюда стремление освободиться от слов книжного характера, от малоупотребительных, заменить несколько необычные или редко употребительные словосочетания на обыкновенные, часто встречающиеся.

Чехов никогда не жертвует точностью ради краткости, поэтому иногда в целях большей точности имеет место замена одного слова несколькими.

Одним из видов синонимической замены слов или выражений другими является замена лексики и фразеологии книжного характера.

«Надя давно уже встала и давно уже гуляла в саду, а все еще (длится) **тянется** утро» («Невеста», 2-ая корректура).

«И (какое лукавство) **какая насмешка** в этих томительно долгих часах...» (там же).

«Это был карьерист не до мозга костей, а глубже, (до последнего атома своего тела), и притом карьерист мелкий, неуверенный в себе, строивший свою карьеру на одних только подачках» («Рассказ неизвестного человека». Текст 1893 г.).

«Это был карьерист не до мозга костей, а глубже, до последней капли крови, и притом карьерист мелкий, неуверенный в себе, строивший свою карьеру на одних лишь подачках» (Текст собрания сочинений).

В результате произведенной замены выражение «до последнего атома своего тела», содержащее слово книжное, научный термин, уступило место широко распространенному в языке фразеологизму.

Аналогичный пример дает сопоставление текстов рассказа «Пари»:

«В последние два года заточения узник читал чрезвычайно много, но (без всякой системы)».

«В последние два года заточения узник читал чрезвычайно много, без всякого разбора.»

Язык Чехова отличается большой простотой и точностью. Однако в первых печатных редакциях произведений встречаются случаи несколько необычного для Чехова словоупотребления. При подготовке произведения к переизданию автор использует средство лексической замены, чтобы устранить малоупотребительные в литературном языке и необычные для его художественной манеры словосочетания. Для этого, как правило, используется способ замены одного из слов — элементов словосочетания — другим, в результате чего образуется словосочетание более употребительное.

«...осторожно переходил через узкую улицу и от скуки покупал черствые груши у старой бабы...» («Ариадна», редакц. 1895 г.).

В редакции 1901 г. определение «черствые» заменено на «жесткие». Эти два слова могут выступать в качестве синонимов по отношению друг к другу, но лишь в сочетании с определенными существительными. Сравнить, например, «черствый хлеб» и «жесткий хлеб». С названиями фруктов употребляется обычно определение «жесткий». Вероятно, в связи с этим Чехов и счел необходимым заменить им первоначальное определение «черствые» к слову «груши».

По сходным мотивам, вероятно, была произведена замена сказуемого в следующем примере:

«Я уверял себя, что любовь давно уже во мне за-сохла» («Жена», текст 1892 г.).

«Я уверял себя, что любовь давно уже погасла во мне» (Текст 1901 г.).

Стремлением к более часто встречающимся выражениям можно объяснить и такую замену:

«А когда сели в вагон и поезд тронулся, то все это прошлое, такое большое и серьезное, сузилось в маленький кулачок...» («Невеста», черновая рукопись).

«А когда сели в вагон и поезд тронулся, то все это прошлое, такое большое и серьезное, сжалось в комочек...» («Невеста», гранки 1-ой корректуры).

Существенное место в работе над корректурой ранних рассказов в процессе подготовки их для собрания сочинений занимает замена элементов разговорно-фамильярного стиля речи, до некоторой степени свойственных Чехову начала 80-х годов и находившихся в резком противоречии со строгой простотой, высокой художественностью языка зрелого Чехова. При сохранении содержания первоначального варианта текст редактируемого рассказа очищается от слов и выражений фамильярного, манерно-претенциозного характера.

«Перед этим зеркалом имеют несчастье стричься и бриться» («Драма в циркульне», 1883 г.).

«Перед этим зеркалом стригут и бреют» («В циркульне», текст 1899 г.).

«Сотня толстых, мозолистых пальцев указали на меня» («В море», 1883 г.).

«Указали на меня» («В море», 1903 г.).

«Вы называете себя и, расшаркиваясь, объявляете цель своего посещения» («Приданое», 1883 г.).

«Вы называете себя и объясняете, зачем пришли» («Приданое», текст 1899 г.).

«Когда вы заносите ногу через порог...» (там же).

«Когда вы входите из передней в залу...» (там же).

Большое место в работе Чехова над рукописью и корректурой занимает введение в текст новых речевых средств.

Рукописи 90-х годов и корректуры переиздаваемых в это время ранних рассказов содержат многочисленные примеры исправлений такого характера. Количество вставок в тексте некоторых произведений даже превышает количество вычеркиваний. Так, сравнивая объем рассказов 1883 года — первых и последних редакций, А. С. Мамонов пришел к выводу о том, что из 18 произведений 1883 года при подготовке их для собрания сочинений сильно сокращено было только одно («Злой мальчик»), а, например, в рассказ «Загадочная натура» Чехов ввел 100 новых слов, удалив из первоначального текста многим более 50.¹

Очень значительны вставки в поздней редакции рассказа 1895 г. «Анна на шее». Количество новых слов, введенных только в I-ую главу черновой рукописи «Невесты», равняется пятистам, в небольшой рассказ «Кривое зеркало» — почти тремстам.

Изучение такого вида исправлений в рукописях и корректурах, как вставки, наглядно свидетельствует о том, что несмотря на требования предельной краткости произведения, Чехов в некоторых случаях считал необходимым расширить описание событий, обстановки, действующих лиц за счет новых подробностей, новых деталей.

Вписывались не только отдельные слова, но и сочетания слов, части предложений, целые предложения. Новые речевые средства, во-первых, заменяли часть вычеркнутой лексики, а во-вторых, вводились как дополнительные. Часто, вставляя новые слова или целые словосочетания, Чехов производил некоторые изменения и в остальной части предложения.

В ряде случаев в текст вводятся не новые слова, а повторяются уже употребленные в данном предложении; имеет место и введение сочетаний повторяемого слова с новым. Двукратное повторение одного и того же слова, подчеркивая высказанную мысль, является в то же время стилистическим приемом, очень характерным для слога Чехова, так же, как и сочетание нового слова со старым.

«...она вспомнила, что она едет учиться...» («Невеста», черновая рукопись);

¹ А. С. Мамонов. «Чехов о языке», кандидатская диссертация (год и место написания не обозначены), гл. VIII.

«она вспомнила, что она едет **на волю**, едет учиться...» («Невеста», черновая рукопись).

«Слышно было, как где-то далеко, **очень далеко**, должно быть за городом, кричали лягушки, чувствовался май, милый май!» («Невеста», черновая рукопись).

Расширение предложений идет во многом по линии введения однородных членов предложения: однородных определений, дополнений, обстоятельств, реже однородных сказуемых, а также одиночных определений и обстоятельств. Небольшую группу составляют вводные слова, вставленные Чеховым в текст.

Выше говорилось о письме к Горькому, в котором Чехов советовал избегать в одном предложении большого количества «определений к именам и глаголам». Тем не менее в ряде случаев он считал необходимым расширять предложения, вводя в него как раз определения.

Новые определения (одиночные, распространенные, определительные придаточные предложения) вводятся в описания обстановки, природы, делая их более точными и завершенными.

«В большое старое окно виден сад, дальние кусты сирени» («Невеста», черновая рукопись). В черновой же рукописи Чехов вставил распространенное определение к слову «сирени»: «В большое старое окно виден сад, дальние кусты **густо цветущей** сирени...» Определение с обстоятельством при нем перешло и в окончательный текст.

«...и старый сад в это утро казался таким молодым, свободным, здоровым» («Невеста», черновая рукопись).

«...и старый, давно **запущенный** сад в это утро казался таким молодым, нарядным» («Невеста», гранки 1-й корректуры).

«На стене в **золотой** раме висела большая картина, **написанная красками**: нагая дама и около нее лиловая ваза с **отбитой** ручкой» («Невеста»). Подчеркнутые слова вставлены в черновой рукописи.

Показательны вставки, сделанные в тексте рассказа «Анна на шее» во время подготовки его к включению в собрание сочинений.

«...и ела **щи**, пшеничную кашу и картофель **жареный**» («Анна на шее», газетный текст 1895 года).

«...и кушала с ними **щи**, кашу и картошку, жаренную **на бараньем сале**, от **которого пахло свечкой**» («Анна на шее», текст собрания сочинений).

Если первый вариант указывал, главным образом, на то, что Аня и после замужества обедала с отцом и братьями (в предыдущем тексте говорилось, что, обедая с мужем, Аня, боявшаяся его, всегда вставала из-за стола голодной), то второй вариант подчеркивал еще и бедность семьи. Вероятно, в таком же плане следует рассматривать и следующую вставку:

«А если был праздник, то он оставался дома и писал красками или играл на фисгармонии, которая шипела и рычала...» («Анна на шее»).

Подобные примеры находим и в вариантах других произведений:

«...сегодня я зашел к вам в кухню, а там четыре прислуги спят прямо на полу, постелей нет, вонь, клопы» («Невеста»).

«...сегодня утром рано я зашел к вам в кухню, а там четыре прислуги спят прямо на полу, кроватей нет, вместо постелей лохмотья, вонь, клопы, грязь, тараканы».

Подчеркнутые слова вставлены в черновой рукописи, очевидно, в процессе письма. Все предложение с небольшими правками («в кухню» заменено «на кухню» и слова «грязь», «тараканы» поменялись местами) перешло в беловую рукопись и дальше — в окончательный текст. При чтении I-й корректуры было снято только слово «грязь».

Художественно оправдано расширение текста газетной заметки в рассказе «Радость» (в первой редакции «Велика честь»):

«...упал под лошадь стоявшего здесь извозчика, крепстьянина дер. Дурыкиной, Юхновского уезда, Ивана Дротова. Испуганная лошадь, перешагнув через Кулдара и протащив через него сани с находившимися в них второй гильдии московским купцом Степаном Луковым, помчалась по улице...»

Распространенное приложение к слову «извозчик» и дополнение с относящимися к нему несколькими пояснительными словами, содержащими подробные сведения о седоке, явились деталями, типичными для газетных заметок того времени о происшествиях.

Новое определение иногда является необходимым для уточнения описания:

«Бревенчатые стены оклеены обоями, напоминающими ямщицкую рубаху» («Драма в цирюльне», журн. «Зритель», 1883 г. № 10).

«Бревенчатые стены оклеены обоями, напоминающими **полинялую** ямщицкую рубаху» («В цирюльне», редакция 1899 года).

Сравнение обоев просто с ямщицкой рубахой не создавало нужного впечатления. Но если обои напоминают **полинялую** ямщицкую рубаху, значит, они не новые, парикмахерская давно оклеена ими, они успели выцвести. (Надо сказать, что подобные примеры неточного описания у Чехова очень редки.)

Каковы характер и роль новых речевых средств, за счёт которых Чехов расширяет характеристики персонажей? Эти дополнения не нарушают первоначального замысла, и содержание образа в первом и последнем варианте произведения в общем совпадает. Но благодаря вставкам (так же, как и многим заменам), подчеркиваются, получают углубление и развитие некоторые существенные черты персонажа, в результате чего образы приобретают гораздо большую завершенность. Вновь введенные детали характеризуют, как правило, внутренний облик персонажа. Это и в тех случаях, когда детализируется внешность человека. Вставок, дополняющих портрет героя, но не связанных с его характером, нет: ведь это были бы лишние слова, против которых так последовательно выступал Чехов.

Вот, например, как дополнено описание внешности мужа Ани (рассказ «Анна на шее»).

«Это был чиновник среднего роста, довольно полный...»

«Самое характерное в его лице было отсутствие усов, это свежее выбритое, голое место, которое постепенно переходило в щеки».

«Это был чиновник среднего роста, довольно полный, **пухлый, очень сытый**».

«Самое характерное в его лице было отсутствие усов, это свежее выбритое, голое место, которое постепенно переходило в **жирные, дрожющие, как желе, щеки**».

В первой редакции портрет выдержан в более нейтральном тоне, чего нельзя сказать об окончательном варианте. Пухлый, очень сытый, с жирными, дрожющими щеками, этот чиновник производит отталкивающее впечатление с самого начала рассказа.

Не менее характерной является следующая вставка: после исключительного успеха Ани на балу, особенно после визита явно расположенного к ней «его сиятельства», муж охотно готов признать ее превосходство, лишь бы ее успех принес ему орден и продвижение по службе. Он смотрит на Аню с «заискивающим, сладким выражением». Для окончательной редакции Чехов нашел еще одно очень меткое определение к слову «выражение»:

«И перед ней также стоял он теперь с тем же заискивающим, сладким, **холопски-почтительным** выражением, какое она привыкла видеть у него в присутствии сильных и знатных...»

Значительно расширяется, становясь более выпуклой, и характеристика «его сиятельства», который в первой редакции был очерчен бледнее.

«Это шел к ней его сиятельство, с двумя звездами, глядя прямо на нее и улыбаясь».

«Это шел к ней его сиятельство, **во фраке с двумя звездами. Да, его сиятельство шел именно к ней, потому что глядел прямо на нее в упор и слащаво улыбался, и при этом жевал губами, что делал он всегда, когда видел хорошеньких женщин**».

*

Особый интерес представляет всестороннее описание исправлений в рукописях и корректурах одного какого-либо произведения. Каждая правка, взятая в отдельности, на первый взгляд может показаться незначительной. Изучение разночтений в их совокупности показывает значение этой работы во всем ее объеме. Богатейший материал вариантов чеховских произведений до сих пор еще не обобщен. Можно указать только на одну статью П. Г. Стрелкова, посвященную анализу исправлений, сделанных Чеховым при подготовке к переизданию текстов двух ранних его рассказов «Шуточка» и «Переполох».¹

Очень интересным является исследование многочисленных исправлений всякого рода, заключенных в рукописи и коррек-

¹ П. Г. Стрелков. Работа Чехова над языком произведений. Вопросы языкознания. 1955 г. № 1.

турах рассказа Чехова «Невеста», в восстановленных путем сопоставления нескольких редакций корректурах рассказов начала 80-х годов «Кривое зеркало», «В море» и целого ряда других.

Остановимся здесь на некоторых исправлениях в тексте рассказа «Невеста» с целью показать, какое значение имела работа над языком для углубления идейного замысла писателя.

В черновой рукописи «Невеста», как уже отмечалось выше, исправлений огромное количество. Переписывая рукопись на белом, Чехов снова изменял текст. Троекратная правка корректур сделала окончательный печатный вариант во многом отличающимся от предыдущих.

«Невеста» — последний рассказ Чехова. В нем наиболее сильно прозвучали бодрые, жизнеутверждающие мотивы. Нигде в ранее созданном не была так отчетливо, так ясно высказана вера Чехова в новую светлую жизнь, его призыв самим участвовать в ее приближении.

Изучение правок в рукописи и гранках корректур рассказа дает возможность установить их направление и характер, проследить, что именно Чехов считал необходимым подчеркнуть, углубить в произведении. Наиболее интересными являются исправления, относящиеся к центральному образу рассказа. Все они усиливают одну линию — подчеркивают духовное прозрение Нади, понимание ею неизбежности гибели старого мира, ее веру в светлое будущее, готовность бороться за него.

Исправления, сделанные Чеховым в процессе выработки окончательной редакции, гораздо сильнее, чем соответствующие места в предыдущих текстах, подчеркивают все растущее в Наде чувство протеста против окружающей ее жизни, приводящее к решению порвать с привычной обстановкой, «перевернуть жизнь».

Вот Надя во время очередной бессонницы наедине со своими «однообразными, ненужными, неотвязчивыми мыслями» о женихе, о предстоящей свадьбе. «... почему-то теперь она стала испытывать страх и беспокойство» (черновая рукопись). Предложение это в тексте гранок 1-ой корректуры расширяется за счет сравнительного придаточного «как будто ожидало ее что-то неопределенное, тяжелое, вроде сна с кошмарами». И несколько ниже вставляется целое предложение: «Если бы понять, отчего это беспокойство!»

Чтобы передать растущую неприязнь Нади к жениху, Чехов находит новые очень выразительные детали.

Так, в черновой рукописи после восторженных слов Андрея

Андреича о его любви сразу шло: «Наконец он простился и вышел». Но затем Чехов вписал непосредственно после слов жениха предложение:

«И ей казалось, что это она уже давно, давно слышала или читала где-то».

С небольшой стилистической поправкой («...уже давно слышала, очень давно или читала где-то») оно перешло в беловую рукопись, осталось без изменений при чтении 1-ой и 2-й корректур и было еще расширено при чтении 3-ей корректуры:

«И ей казалось, что это она уже давно слышала, очень давно, или читала где-то... в романе, в старом, оборванном, давно уже заброшенном».

Другой пример: Андрей Андреич показывает Наде приготовленный для них дом.

«Жених водил Надю по комнатам, и все время держал ее за талию, и она чувствовала себя слабой, виноватой, ненавидела все эти комнаты, кровати, кресла, нагую даму».

Уже в черновой рукописи Чехов вводит несколько новых слов в конец этого предложения, в результате чего у читателя усилилось ощущение решительной перемены в отношении Нади к жениху: то, что ему представляется таким нужным, становится ненавистным, невыносимым для Нади.

«...она чувствовала себя слабой, виноватой, ненавидела все эти комнаты, кровати, кресла, ее мутило от нагой дамы».

Не менее выразительным является вставленное в текст сравнение руки Андрея Андреича с жестким, холодным обручем: «Он держал ее за талию, говорил так ласково, скромно, так был счастлив, расхаживая по этой своей квартире, а она видела во всем одну только пошлость, глупую, наивную, **невыносимую пошлость, и его рука, обнимавшая ее талию, казалась ей жесткой и холодной, как обруч**». В этом предложении добавлено также определение «невыносимую» к слову «пошлость», очень точно передающее состояние Нади: пошлость стала невыносимой, терпеть дальше ее нельзя. Укажем и еще одно расхождение с первоначальным текстом: вместо деепричастия «расхаживая», переделанного из соответствующего глагола, в черновой рукописи сначала был глагол «гулял». Второй вариант, как нам кажется, больше подчеркивает пошлость, самодовольство жениха: довольный собой, невестой, своим ничегонеделаньем, Андрей Андреич именно расхаживал по новой квартире с блестящим полом, с картиной в золотой раме.

В том же плане следует рассматривать и редакцию такого предложения:

«Вошла Надя в дом сердитая, нездоровая; думая о том, что весь вечер будут гости, что надо занимать их, улыбаться, слушать скрипку, **слушать всякий вздор** и говорить только о свадьбе». Подчеркнутые слова, вставленные в 3-ей корректуре, не случайно помещены сразу после «слушать скрипку». Скрипка Андрея Андреича приравнена к вздорной болтовне гостей.

Сюжет рассказа в черновом и окончательном варианте совпадает, но образ Нади в черновой редакции менее закончен. Решение ее уехать из дома является более осознанным в последнем тексте. Надя этого окончательного варианта старше, самостоятельнее в своих суждениях и оценках, чем героиня рассказа в его черновой рукописи.

Примечательна в этом отношении переработка конца IV-й главы. В черновой рукописи нет многих мест, очень важных для понимания образа Нади, идейного содержания произведения.

Черновая рукопись. «Не могу! — сказала она и **зарыдала** тихо, и плечи затряслись у нее. — Как я раньше могла жить здесь, не понимаю, не постигаю! — продолжала она, глядя заплаканными глазами на Сашу и **ломаю руки**. — О, боже мой, **я с ума схожу, я сейчас упаду!**» (...) «Жениха я презираю, себя презираю, бабушку презираю, маму презираю... **я погибла!**»

Окончательный текст. «Не могу... — проговорила она. Как я могла жить здесь раньше, не понимаю, не постигаю! Жениха я презираю, себя презираю, **презираю всю эту праздную, бессмысленную жизнь...**»

Чехов устранил слова, передававшие растерянность, отчаяние Нади, и из прямой, и из авторской речи.

В первом варианте Саша решает за Надю, говорит то, чего растерянная, плачущая «невеста» не умеет, а быть может, не осмеливается высказать. В последней редакции слова о необходимости уехать произносит сама Надя. «Эта жизнь опостылела мне, — продолжала Надя, — я не вынесу здесь и одного дня. Завтра же я уеду отсюда. Возьмите меня с собой, бога ради!»

Характерен синтаксический строй этого отрывка: простые короткие предложения, отсутствие эмоционально-насыщенных восклицаний вроде «я погибла!», «я с ума схожу!» подчеркивают глубокую продуманность принятого решения, большую силу воли героини, заставившей себя говорить спокойно.

Читая гранки 2-ой корректуры, Чехов ввел здесь важное для характеристики Нади предложение: «А она глядела на него, не мигая, большими влюбленными глазами, как очарованная, ожидая, что он тотчас же скажет ей что-нибудь значительное, безграничное по своей важности; он еще ничего не сказал ей, но уже ей казалось, что перед нею открывается нечто новое и широкое, чего она раньше не знала, и уже она смотрела на него, полная ожиданий, готовая на все, хотя бы на смерть.»

В редакциях «Невесты» — множество правок в таком плане. Иногда это вставка только лишь одного определения или замена одного-двух слов. Вот, казалось бы, совсем небольшая поправка.

После разговора с матерью, во время которого Надя безрезультатно умоляет мать понять, что «свадьбы не должно быть и не будет», мать «горько заплакала, легла и свернулась под одеялом калачиком, и показалась такой маленькой, жалкой». В 3-ей корректуре добавлено лишь одно определение: «...показалась такой маленькой, жалкой, **глупенькой**». Но как много значит это определение и для характеристики Нины Ивановны и для понимания происходящего в Наде процесса переоценки ценностей. Ведь еще так недавно все, что говорила мать, «казалось Наде, заключало в себе глубокий, таинственный смысл» (см. II главу).

Пристального внимания заслуживают исправления, внесенные в VI главу «Невесты». Останавливаемся на некоторых из них. Вот три редакции начала главы:

«В начале мая после экзаменов она поехала, и странно ей было сознавать, что она едет домой и что ей ни от кого и ничего скрывать не нужно. В Москве она по-видалась с Сашей» (черновая рукопись).

«В мае после экзаменов она поехала домой и на пути остановилась в Москве, чтобы повидаться с Сашей» (Гранки 1-ой корректуры).

«В мае после экзаменов она, **здоровая, веселая**, поехала домой и на пути остановилась в Москве, чтобы повидаться с Сашей» (Гранки 2-ой корректуры).

Знаменательной переработке был подвергнут конец рассказа «Невеста». Приводим варианты заключительного пред-

ложения: «Она (Надя) пошла к себе наверх укладываться, а на другой день утром уехала и впереди ей рисовалась жизнь трудовая, широкая, чистая» (черновая рукопись рассказа).

Последнюю часть этого предложения, со слов «и впереди» Чехов перенес в беловой рукописи немного выше. При чтении гранок 1-й корректуры предложение было дополнено и исправлено следующим образом:

«Она пошла к себе наверх укладываться, а на другой день утром **протислась со всеми и покинула город**, — как полагала, **навсегда**», а при чтении гранок 2-ой корректуры введены еще два слова — два определения к местоимению «она».

«Она пошла к себе наверх укладываться, а на другой день утром протислась со своими и, **живая, веселая**, покинула город, как полагала, навсегда».

Эти определения (звучание их усиливалось, благодаря их положению в предложении, как обособленных) вместе с предыдущей поправкой подчеркивали целеустремленность Нади, ее уверенность в будущем, усиливали оптимистическое звучание концовки, а следовательно, и всего произведения.

Что Чехова первоначальный текст рассказа не удовлетворял, видно из его письма к В. С. Миролюбову, от 27/II — 1903 года:

«Корректуру пришлите, ибо надо исправить и сделать конец».¹ Видимо, он придавал большое значение этим исправлениям, если не хотел остановиться на первом варианте.

Таковы некоторые закономерности в работе Чехова над языком произведений, обусловленные его стремлением писать предельно кратко и в то же время предельно выразительно, «коротко говорить о длинных предметах».

«Лютое маранье» Чеховым рукописей и корректур — свидетельство непрерывной борьбы писателя за строгую простоту и изящество слога, за дальнейшее совершенствование языка русской художественной прозы, в истории которой существенное место занимает чеховский период.

* * *

Для настоящей статьи использованы варианты произведений А. П. Чехова, приведенные в указанном выше Полном собрании сочинений и писем, а также следующие первопечатные газетные и журнальные тексты: «Драма в циркульне», журнал «Зритель», 1883 год, № 10; «Кривое зеркало», журнал «Зритель», 1883 год, № 2; «Велика честь», журнал «Зритель», 1883 год, № 3; «В море», журнал «Мирской толк», 1883 год, № 40;

¹ Т. 20, стр. 59.

«Шуточка», журнал «Сверчок», 1886 год, № 10; «Анна на шее», газета «Русские ведомости», 1895 год, № 292.

Использован также переработанный автором текст рассказа «В море», напечатанный под названием «Ночью» в альманахе «Северные цветы», изд. «Скорпион», М. 1901 год, и полная транскрипция текста черновой рукописи «Невесты», опубликованная Е. Н. Коншиной в книге «Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина», сборник 11, М. 1928 г.

SATURA RĀDĪTAJS.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии	5
<i>I. История</i>	
Я. Я. Зутис. К истории германского «дранг нах остен»	7
А. К. Балбер. Распространение ленинско-искровских идей в социал- демократическом движении Латвии (1900—1904 годы)	55
<i>II. Литературоведение</i>	
А. Stikāne. Cīņa par marksistiskiem principiem—Stolipina—reakcijas laikā latviešu literatūras kritikā	121
М. П. Николаев. Сатира А. М. Горького в годы первой русской революции	139
<i>III. Языкознание</i>	
А. Ozols. Par dažiem vārdkopu sintakses jautājumiem latviešu klasis- kajās tautasdziesmās	171
М. Ф. Семёнова. Из топонимики Латгале	215
Т. И. Пабауская. О работе А. П. Чехова над языком произве- дений в 90-х — начале 900-х годов	235

Redaktors E. Stanke. Tehniskais redaktors G. Valbergs.
Nodota salikšanai 1956. g. 27. novembrī. Parakstīta iespiešanai
1957. g. 19. februārī. Papīra formāts 60×84¹/₁₆. 16,5 iespiedi.
Mētiens 500 eks. JT 08239. Bez maksas.

LATVIJAS VALSTS UNIVERSITĀTE

Rīgā, Raiņa bulv. 19.

Iespiesta Izdevniecību un poligrāfiskās rūpniecības Galvenās
pārvaldes 3. tipogrāfijā Rīgā, Ļeņina ielā 137/139. Pas. Nr. 1749.

